ПОЛИНА САНАЕВА

ЧЁРНАЯ ВОДОЛАЗКА

ИЛЛЮСТРАЦИИ АННЫ ГОРВИЦ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга рассказов Полины Санаевой – о женщине в большом городе. О ее отношениях с собой, мужчинами, детьми, временами года, подругами, возрастом, бытом. Это книга о буднях, где есть место юмору, любви и чашке кофе. Полина всегда найдет повод влюбиться, отчаяться, утешиться, разлюбить и справиться с отчаянием. Десять тысяч полутонов и деталей в описании эмоций и картины мира. Читаешь, и будто встретил близкого человека, который без пафоса рассказал все-все о себе. И о тебе. Тексты автора невероятно органично, атмосферно и легко проиллюстрировала Анна Горвиц.

- Полина Санаева
  -
  - Женщина-женщина
    - Черная водолазка
  - Осеннее обострение
    - Романтика и трусы́
    - В пледы
    - Эми
    - Встроенный фильтр
    - Рай для интроверта
    - Разговоры из воздуха
    - Питерские разговорчики
    - Григорий Соколов
    - После вас
    - Кокон истории
    - Серебряная женщина
    - Фантомные боли
    - Пережить ноябрь
    - Экзотика и нежность
    - 21 октября
    - Чистый восторг
    - Бабья осень
  - Полгода зима
    - Зима как предчувствие
    - Предзима
    - Медленнее жить
    - Возвращение елки
    - Воротишься на родину
    - Всегда есть варианты
    - Пятница-вечер

        - Frozen
        - Программа выхода из кризиса
        - Я сама для себя надежна
        - Каток из космоса
        - Что-то обыкновенное
        - Маленькие хвостики
        - Следующий день
        - Большая маленькая жизнь
        - Снежок и Клара
        - Февральские плачи
    - Весенний оксюморон
        - Парень-медведь
        - 8 марта
        - В реале
        - Одинокие люди
        - Позвони мне, позвони
        - Айва
        - Женщины-женщины
        - Свечечки да вербочки
        - Правильное направление
        - Авитаминоз
        - Первомайское
        - Стрижи детства
        - Окно в Париж
        - Где родился
        - Рассеянный ангел
    - Летний сад
        - Река, сосна, птица
        - Там хорошо, где…
        - Человек места
        - Сад летом
        - Перерыв на себя
        - Отпуск в маленьком городе у моря
        - Все еще отпуск
        - Самое лучшее в любви
        - Лето в городе
        - О своем, о женском
        - Женщина в море
        - Антизож
        - Морское бессознательное
        - Олимпийское перемирие с телевизором
        - Беспорядочная женщина
        - Вернуться подшофе
        - Отпустило

        - Остаться за старшего
        - Броситься в Питер
        - Бекицер
        - Здравствуй, 40-летие…
        - Люди и коты
        - Быть сложной
        - Отпускаю!
        - Инструкция по разлюблению
        - Выносимая легкость
        - Эту жажду не утолить
        - Поссорились
        - Не любит ли кто-нибудь август
        - Нетоксичная мать
        - Я – ракушки
        - Просто ты умела ждать
        - Поезд ушел
        - Настоящий мужчина
        - …а значит, дай покоя[16]
        - Сны об Италии
        - Всегда море
    -
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17

Полина Санаева
Чёрная водолазка

Полина Санаева – автор замечательных рассказов. Она владеет весьма редким даром говорить о том, что ее пугает и мучает. На фоне всеобщего хвастовства и самодовольства ее книга поражает интимностью. Наедине с ней читатель может признаться себе во всем. Даже в том, о чем молчит наедине с собой.

Дмитрий Быков, поэт, писатель, публицист, теле- и радиоведущий

Как бы мне хотелось однажды посмотреть сериал, снятый по сценарию Полины Санаевой. Пусть это будут вот такие картинки жизни, как те, что собраны в этой книге. Как будто без одной сюжетной линии, они на самом деле складываются в линию жизни – смешную, задумчивую, иногда печальную, честную.

Ольга Сергеева, генеральный директор Seasons Project

Так редко сегодня в мире, где все гонятся за сжатыми до клипов и наночастиц смыслами, получаешь от чтения удовольствие тягучее, эстетическое, почти музыкальное. Почти «набоковское», не побоюсь. Полина Санаева всегда возвращает нас во времена, когда текст сам по себе был ценностью и когда ты узнавал в нем себя – и радовался, и грустил, и просто тихо думал.

Юлия Варшавская, главный редактор Forbes Life и Forbes Woman

Полина Санаева пишет о себе, а выходит, что о нас о всех. Это густо, остро, пряно, больно, звонко, горячо, вкусно, пахуче, слезно… Влезаешь в эту книгу, как в одеяло, а там – волшебство. Мамины серебряные браслеты, пьяные и загадочные мужчины в ночном метро, чужие и уютные квартиры в самом пупке Москвы, соленые махачкалинские ветры, обрывки подслушанных разговоров, подсмотренных сценок, пропущенного через

себя восторга и жалости. Вот пронзительно одинокий дед с брезентовым рюкзаком на дождливой автобусной остановке, а вот летний тротуар в пятнах тутовника, а еще как хорошо иногда вернуться домой подшофе, купить настоящую живую елку вместо пластмассовой или, как в тех знаменитых стихах, стать на время «женщиной-женщиной, звенеть браслетами, поправлять волосы». После чтения этой книжки хочется глядеть по сторонам, шуршать листьями, есть плов с барбарисом, встречаться с друзьями, нырять в омут, влюбляться в кого угодно, в общем, жить на всю катушку, не оглядываясь на правила. Вот такая вдохновляющая проза.

Алиса Ганиева, писатель

Книга с ароматом женской жизни – немного духов и туманов, немного пирожков и глаженного белья. Запахи цветов и трамваев, бесприютной любви и теплого дома. Это книга собрана из оттенков женского настроения, которых больше, чем платьев в шкафу, и каждый по-своему привлекателен.

Марта Кетро, писатель

Женщина-женщина

Черная водолазка

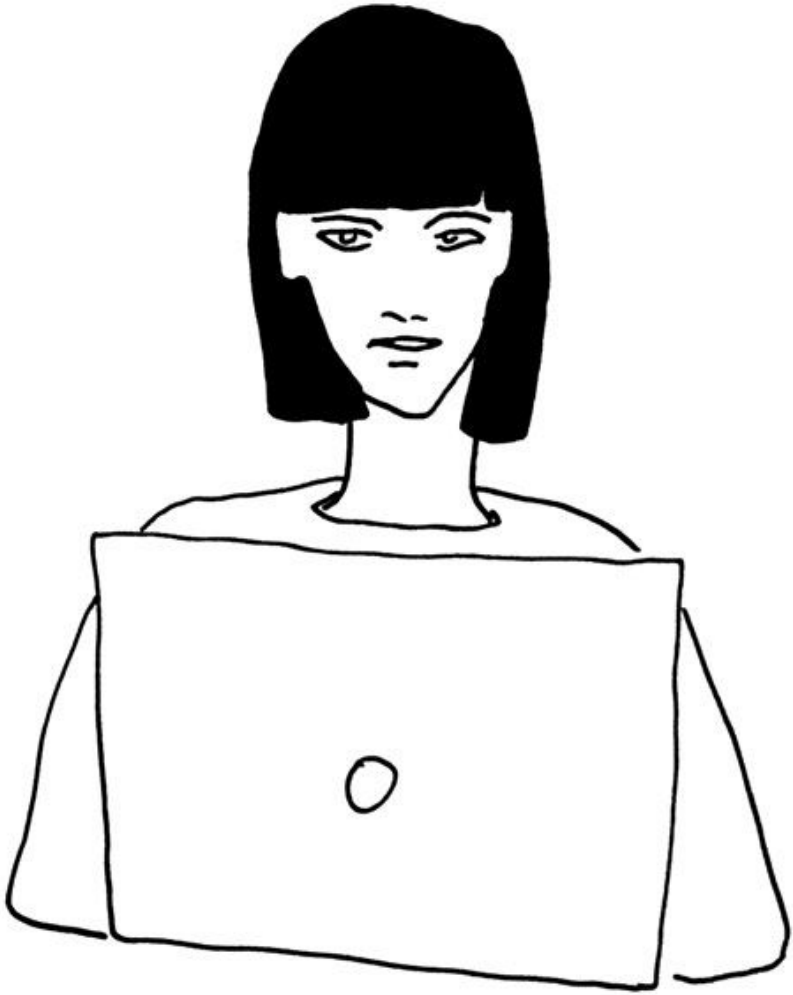
Иногда хочется быть такой женщиной-женщиной,
звенеть браслетами,
поправлять волосы,
а они чтоб все равно падали,
благоухать «Герленом»,
теребить кольцо,
пищать: «Какая прелесть!»
Мало есть в ресторане, —
«Мне только салат».
Не стесняться декольте,
напротив, расстегивать
совсем не случайно
верхнюю пуговку.
Привыкнуть к дорогим чулкам
и бюстхалтеры покупать
только «Лежаби».
Иметь двух любовников,
легко тянуть деньги —
«Ты же знаешь – я не хожу пешком»,
«Эта шубка бы мне подошла»…
Не любить ни одного из них.
«И потом в гробу
вспоминать Ланского».

А иногда хочется быть интеллигентной дамой,
сшить длинное черное платье,
купить черную водолазку,
про которую Татьяна Толстая сказала,
что их носят те, кто
внутренне свободен.
Если курить, то непременно с мундштуком,
и чтоб это не выглядело
нелепо.

Иногда подходить к шкафу,
снимать с полки словарь,
чтоб только уточнить слово,
говорить в трубку: «Мне надо закончить статью,
сегодня звонил редактор», —
рассуждать об умном на фуршетах,
а на груди и в ушах чтоб —
старинное серебро
с розовыми кораллами

или бирюзой.
Чтоб в дальнем кабинете
по коридору налево
сидел за компьютером муж-ученый,
любовь с которым
продолжалась бы вечно.
Чтоб все говорили:
«Высокие отношения».
Чтоб, положив книжку
на прикроватный столик,
перед тем, как выключить свет в спальне,
он замечал:
«Дорогая, ты выглядишь бледной,
сходи завтра к профессору
Мурмуленскому.
Непременно».

А иногда просто необходимо быть
холодной расчетливой сукой.
И большой начальницей,
чтоб все в офисе показывали пальцем
и так и говорили новеньким:
«Она холодная расчетливая сука,
пойдет по трупам».
Ну зачем так грубо?
И зачем же сразу «по трупам»?
«А вы, девушка, уволены».
«Кажется, я ясно ставила задачу».
Называть красивых секретарш
«дурочками»
прямо в глаза.
Не потому что дурочки, а потому что красивые.
Топ-менеджерскую зарплату
тратить на элитную косметику,
и чтоб золотых карт миллион,
с сумасшедшими скидками…



Коллекционировать современное искусство,
развешивать его
по голым стенам в кабинете
и в огромной пустой квартире,
где на сушилке в кухне
одна чашка, одна ложка
и две табуретки
у барной стойки.
Говорить мужчине:
«Жалкий неудачник», —
то есть нет – «лу-у-у-у-у-у-зер».
Утверждать, что мастурбация —
дело всенародное,
и спать с котом,

(«он же член семьи!»),
которого кормит домработница.

А иногда хочется быть такой своей для всех
в доску.
С короткой стрижкой,
красить волосы, губы и ногти оранжевым,
и ходить в больших зеленых ботинках,
с индийской сумкой-торбой,
с наушниками в ушах,
с веревочками на запястье,
все время везде опаздывать,
вопить в курилке:
«Я такую кофейню открыла!»,
«Вы пробовали холотропное дыхание?
Отвал башки!»

И чтоб аж дым из ушей.
Захлебываться от впечатлений,
не успевать спать,
собираться на Гоа
в феврале.
Сидеть в офисе за «маком»,
вокруг чтоб все увешано
разноцветными стикерами
с напоминаниями: «придумать подарок Машке»,
«напомнить Витьке про ужин в среду»,
«купить новые лыжи».
На рабочем столе чтоб фотографии детей
в бассейне и в океане,
портреты собаки – лабрадор (почившей),
и бородатого мужчины в странной желтой шапочке.

Быть всю жизнь замужем
за одноклассником,
который за двадцать лет, представьте,
так и не выкинул
ни единого фортеля.
Да еще и мирится со всеми этими
друзьями, вечеринками, транжирством
и немытой посудой.
«Ты заедешь за мной в восемь?»
«Конечно, зая».

А иногда хочется побриться на лыску
и повязать платочек,
вымыться в бане хозяйственным мылом,
но пахнуть какими-нибудь
травками,
полынью там, или мятой.
Научиться молиться,
читать жития святых,
соблюдать посты,
назвать сына Серафимом,
подставлять, хотя бы мысленно,
другую щеку,
«Ты этого хотел. Так. Аллилуйя.

Я руку, бьющую меня – целую».[1]
Излучать доброжелательность,
и чтоб ненатужно так
сиять от унутренней хармонии.
Принести из церкви святую воду в баллоне,
поставить ее в холодильник,
и, когда муторно на душе,
умываться ею
и советовать мамашам,
что, если у ребенка температура,
достаточно просто сбрызнуть,
и чтоб это действительно помогало.

А иногда прямо требуется быть хозяюшкой,
с большой буквы Х.
Такой, которая все сама-сама
и по собственным рецептам.
«А я шарлотку так делаю», —
и понеслось…

На полке банки со специями,
стеклянные крынки
с надписями:
«Рис», «Горох», «Сахар».
И там, где написано
«Мука», там правда мука,
а не на дне старая заварка.
В шкафчике
полотенца стопочками,
разложены
по цветам и размерам,
между крахмальными простынями
ветки лаванды
и что-то такое
с вышивкой,
очень ненужное,
что называется
сухим и шуршащим
словом – саше.

А как же?
На подоконнике таз
с вишневым вареньем —
«два раза прокипятить»,
в вазочке – пенки,
на столе капустка
собственного закваса.
Но в доме, мамаша,
надо ж держать и другие закуски…
Когда же собраться
и научиться
хоть макароны
варить правильно,
ходить
не в магазин на углу,
а на рынок,
знать, что на прошлой неделе
помидоры стоили меньше
на три рубля,
шампиньоны, наоборот,
подешевели (надо брать),
а мясо – в той же цене…
Перебирать его на прилавке,
переворачивать,
мгновенно проницать
все подлые замыслы
продавца, —
«Представляешь, он хотел мне подсунуть…»
Иногда прям так хочется
что-то там жарить и парить,
украсить салат,
перелить борщ
в фарфоровый супник
с кучерявыми ручками,
и крикнуть в сторону гостиной:
«Обед готов!
Идите ужинать…»

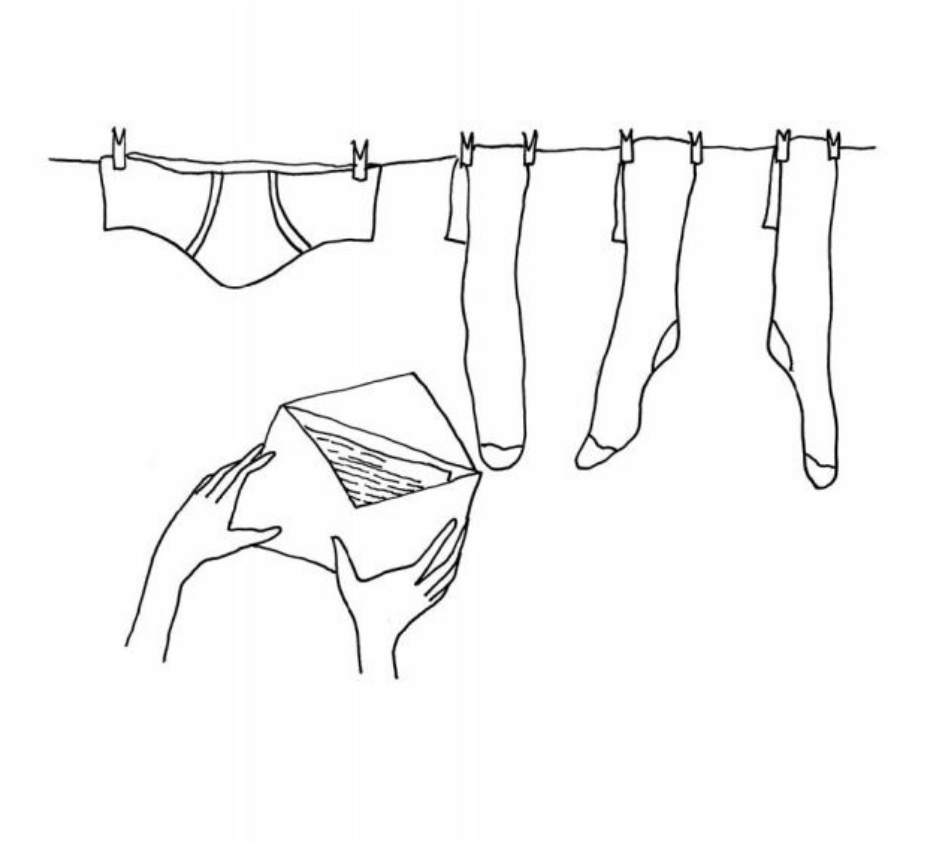
А еще ужасно хочется пойти в официантки,
купить накладные ресницы
и полное
собрание сочинений
Дарьи Донцовой.
Научиться ходить на каблуках,
флиртовать с посетителями,
чтоб они больше
оставляли на чай.
Говорить: «А вот попробуйте еще «карпаччо»,
уж очень оно у нас замечательное».
Ходить в кино,
копить на машину.
Бросить бармена,
закрутить с поваром-итальянцем,
висеть на доске почета
как работник, раскрутивший

максимальное число лохов
на дорогое французское вино,
которое они сроду не отличат
от крымского.
Пить сколько хочешь горячего шоколада
из кофе-машины
и уже разлюбить греческий салат.

А что мы имеем на деле?
Пока только
черную водолазку.

Осеннее обострение

Романтика и трусы́



Хорошенько за полночь стояла в очереди в туалет в модном баре. И там две молодые девчонки в белоснежных кроссовках препирались у зеркала:

– Ну, посидим еще-о-о-о…

– Да мы и так тут все свободное время проводим!

И чувствовалось, что свободного времени у них много. А там бутерброд 500 р.

Потом ехала в метро на последнем поезде в час пятнадцать, рядом сидела пара, только с работы, целовались непрерывно, аж раздражали – молодой человек азиатской наружности и русская девочка, такая вся нежная, с ямочками на коленках. И она ему говорит:

– Завтра получим деньги и поедем, купим свитера – тебе и мне. А то холодно становится. В две тыщщи спокойно уложимся.

– У меня есть свитер.

– Да ладно, новый купим!

Такое у них событие наметилось. Он ей благодарно улыбнулся, и они продолжили целоваться. Уже не бесили.

И я вспомнила удивительную историю, как двое умных, образованных, читающих стихи людей – мужчина и женщина – немножко знали друг друга, а потом разъехались по разным городам и стали переписываться. И тут выяснилось, что они любят одних и тех же поэтов, и помнят из них одни и те же строчки, и вообще во всем совпадают, и родились хоть и в очень разных семьях, но как бы сразу родственниками. Решили пожениться. И вот он приезжает к ней в сентябре. И они гуляют-гуляют за ручку по аллеям, осязают друг друга, принюхиваются, первые робкие поцелуи, и все прекрасно. И тут он ей говорит:

– Надо на рынок съездить, куртку мне теплую купить.

И на этом все заканчивается. И романтика, и отношения в целом. Она понимает, что это не ее мужчина: ни его куртку, ни его носки и тем более трусы она видеть не хочет никогда. Стихи стихами, а куртка – это уже быт, и к быту с ним она оказалась не готова.

И тут я еще вспомнила, как позвонила мужчине своей жизни, который каждый день приезжал с коньяком, шампанским и клубникой:

– Зайди, говорю, в магазин, купи курицу на бульон.

И он больше вообще не приехал.

А еще подруга рассказывала точно из той же песни:

– Дальнего родственника за сорок познакомили с милой женщиной. Пошли они на свидание, возвращаются, и милая женщина говорит категорическое «нет». Спрашиваем: почему? Что случилось? Понимаешь, объясняет она, все так хорошо было, мы беседовали о кино. О книгах. А потом он купил себе трусы. Кинулись к родственнику: зачем трусы? Почему трусы? Что тебе так приспичило трусы покупать? А он говорит: «ну вот попались мне именно такие трусы, как я люблю, их не везде купишь, я сразу десять штук купил, по дороге же…» Так и остался холостым.

И следом нанизалось:

– Поехали в аптеку и купили ему противорадикулитный пояс. И он мне говорит: спасибо, что помогла выбрать. Это как будто наша первая семейная покупка. Тут и сказочке конец.

Наверное, когда можешь купить ему трусы или пояс противорадикулитный – это точно любовь.

И еще я почему-то вспомнила, как один парень рассказывал:

– У моего отца была несметная куча баб, и я его однажды спросил – чего они от нас хотят? А он сказал, что за всю жизнь так и не понял. Сказал: сынок, они все разные на вкус и на ощупь.

Они по-разному пахнут, по-разному ко всему относятся, по-разному целуются и все остальное. И фиг поймешь. Им всем нужно разное.

А вчера за столом в том же баре один умный человек сказал странную фразу: «Здоровый образ жизни уничтожает личность».

Не знаю, к чему это я. К тому, что все запуталось, нет законов ни у одного жанра. На первое сентября дети с тюльпанами идут, на Новый год – редиска свежая. Фиг поймешь.

Подумаешь, осень. «Если у тебя есть деньги, всегда можно улететь в лето». Если нет – пойти в ботанический сад. Там красиво. Две ночи подряд мне снились кошмары, я куда-то бежала, кричала от ужаса, Гас прибегал из другой комнаты, а Ася, которая спит рядом, – спала себе.

Сегодня я проснулась с ужасно печальной новой морщинкой в уголке рта и ощущением, что все вокруг как-то усложнилось.

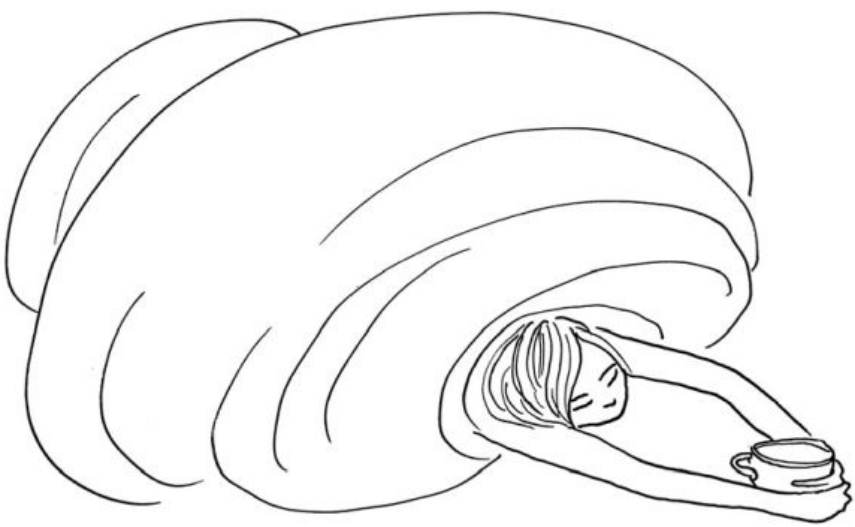
В пледы

Наконец-то можно достать свитер. Термос и шарф. Перчатки не достаю – они теряются. Наконец-то кончилось тепло и солнце. Кожа не накаляется, можно снять очки, открыть глаза, проморгаться, не щуриться, не искать тени. Увидеть, кто стоит напротив и что-то рассказывает. Возможно, полезное.

Меньше пыли, больше ясности. Ясность ясеневая и зоркость яворовая, сказал Мандельштам в стихотворении, которое никто не может расшифровать, даже Быков. Стихотворение в жанре – «наваждение». Но иногда прям смотришь и понимаешь, о чем он. Что ясность – ясеневая. Нет, никаких мне больше югóв, чебуреков, чириканья, игр на воздухе. Мне надо остыть, я слишком нагрелась.

Ждала, когда листья уже перестанут бить золотом в глаза, в инстаграмы. И вот они сдались и упали. Лежат теперь уютные, коричневые – кучкуются, устилают. Деревья могут от них отдохнуть.

Хочется побыть голым деревом, тоже все сбросить и постоять в сторонке, в состоянии «зимняя замкнутость». Как хорошо, что оно наступило и окутывает. И все замедляется, впадает в анабиоз. Никаких мне больше дайвингов, коктейлей на пляже, неудобных шезлонгов.



Пусть идут дожди – они любой ситуации придают неопределенность и законченность одновременно. Пусть

нависают свинцовые небеса – придавливают, как бабушкино ватное одеяло. И низкие облака пусть плывут – отгораживают от суеты, в них – как в перину, в кокон, в объятия, в пледы. В компостную яму. В берлогу. Зарыться и замереть. Не включать свет, подумать о вечном, вздремнуть, проснуться совсем под вечер. И смотреть странные сериалы. И братьев Коэнов. Когда-то же надо начать.

Осенние влажные дни убывают, тихо, как вода в стакане, медленно испаряются, впитываются в стены, оставляют мокрые пятна, как мыльные пузыри. И с самого утра начинаются сумерки, а значит, ничего обязательного. И так на ближайшие полгода. Пока не рассветет.

Осень, когда она серого цвета, это как свобода, как жизнь за тем, когда подведена черта; как чистый лист, на котором все можно нарисовать по-своему. Но это потом, потом, завтра, все завтра или весной…

Эми

Вечером, 3 сентября, начался дождик, и я пошла на докфильм про Эми Уайнхаус. В семь вечера люди в метро уже спали. Летом не спали. А тут опять – едут с работы, уставшие, впавшие в осень. Иногда кажется, что это одни и те же люди ездят по кругу с серыми осенними лицами. Кто-то загорелый, веселый и в зеленовых шортах, а кто-то в свитере и спит.

Когда я вышла из кинотеатра, дождь и не думал заканчиваться, и стало ясно, что люди в свитерах были правы. Фильм проделал во мне сквозное отверстие, и в него немножко задувало. Он был про Эми и про то, как ей не удалось справиться со своим папой. Который ее сначала бросил, а потом, когда она стала звездой, вернулся в ее жизнь и не соглашался отменять концерты, чтобы подлечить дочь от зависимостей. Ему было важно, что ей платят по миллиону за выступление. И она была как в тюрьме – в этой своей мировой славе и наркозависимости.

Я так расстроилась, что позвонила Гасу и сказала, что он может бросить школу прямо сейчас. Ничего страшного. Лишь бы не быть, как в тюрьме, где бы то ни было. Лишь бы жить. Подумаешь, школа. Будем танцевать на улицах, писать в анкетах – незаконченное среднее. Пойдем работать в «Макдоналдс», там и кормят, и гибкий график, и достойная зарплата. Регулярные премии. Я вижу такие объявления, и мне кажется: зачем еще что-то искать? Вот же теплое местечко.

Когда я подъехала к дому, был уже не дождь, а ливень. И водитель сказал: «Хотите, я провожу вас с зонтиком до двери?» Конечно, я захотела. И сразу представила, как иду, как английская королева, а он несет надо мной зонтик. На самом деле мы с ним просто очень быстро побежали.

Дома все спали, было темно, а на ковре посреди комнаты белели Асины резиновые сапоги – она приготовила на утро. Ася уже смирилась, что осень пришла, и спокойно уснула. Но я еще надеялась потянуть, посидела, пощипала винограду. А когда уже засыпала, услышала, как подлетел комар, вяло пожужжал и не укусил, сдался. Последний летний комар. Скоро начнутся осенние мухи.

Во вторник начался сентябрь.
Дождь лил всю ночь.
Все птицы улетели прочь.
Лишь я так одинок и храбр,
Что даже не смотрел им вслед.

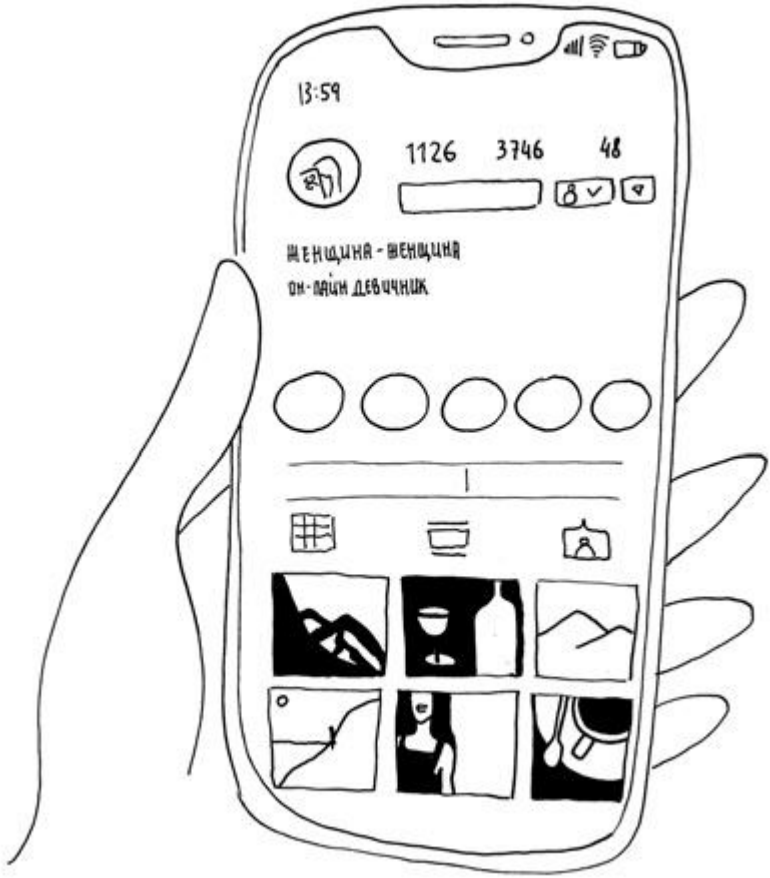
Пустынный небосвод разрушен,
Дождь стягивает просвет.
Мне юг не нужен.
Бродский, конечно. Всегда Бродский[2].

Встроенный фильтр

Чуть не через силу, по служебной необходимости зарегистрировалась в Instagram. Для практики запостила первые две фотографии. Ну и все. Что за чудо, думаю! Раз – и все видят! Стала мыслить картинками.

Тут же захотела сделать коллективное фото пассажиров троллейбуса, в котором ехала по Покровке (что само по себе перформанс). Это был троллейбус, полный безумцев. Живущие в центре и при этом ездящие на троллейбусе – это фрики с прекрасными лицами, которые не встретишь на улице Подбельского, и одетые в то, чего не встретишь в магазинах.

Конечно, мне захотелось сфотографировать очень бледного подростка в церкви. И брюки и рукава свитера были ему безнадежно коротки. И ботинки какие-то – не кроссовки, а ботинки именно. Он был не из нашего времени, он как будто в этой церкви родился 200 лет назад. Он был как герой Достоевского, хотя даже не крестился.



А потом и батюшку хотела сфотографировать. С толстыми свечами и такими же толстыми пальцами.

Ужасно захотелось сфотографировать, как надевают штаны на манекен в Massimo Dutti, расправляя складочки на всех местах. Смешно, заботливо и долго. Этот Instagram – просто зараза.

В «Библио-глобусе» захотелось сфотографировать даму в очках, которая сидела-сидела за столиком, а потом поискала и решительно раскрыла медицинский атлас с цветными картинками на устройстве мужской мочеполовой системы. И стала строго туда смотреть. Я заглянула – печально там все нарисовано, безжизненно. Надеюсь, ей кто-нибудь об этом расскажет.

Еще хотела заснять поэта, который читал в магазине стихи, посвященные автору книги о диетах «От имени всех мужей, чьи жены похудели благодаря вам». Поэт был в белой-белой ковбойской шляпе. И это вчера, в #ливеньидождь.

А как хотелось заснять кривые ноги девушки, которая стояла передо мной на эскалаторе! И подписать так: «Не в ногах счастье». Потому что кривоногую наверху ждал парень с зонтиком, они потом долго обнимались, целовались и пошли рядышком. Это моя давняя мечта, чтоб меня встречали у метро. Очень живописно.

Карочи, разжалела себя, пришла ближе к полуночи, сделала тосты, намазала их медом и что? Захотела их сфотографировать! Ага, на блюдечке.

Но видите, я мужественно борюсь с искушением и пока побеждаю. Мне нельзя в еще одну соцсеть, засасывает. Мне надо жить в реальности, хотя бы иногда. А то кончится тем, что я стану постить свои фотки с оттопыренными губами, хотя мне никогда не удастся их как-то конкурентоспособно оттопырить.

Ну и конечно, обо всем этом я уже написала на фейсбук.

Не фотографировать я кое-как могу, а вот не писать букафки.

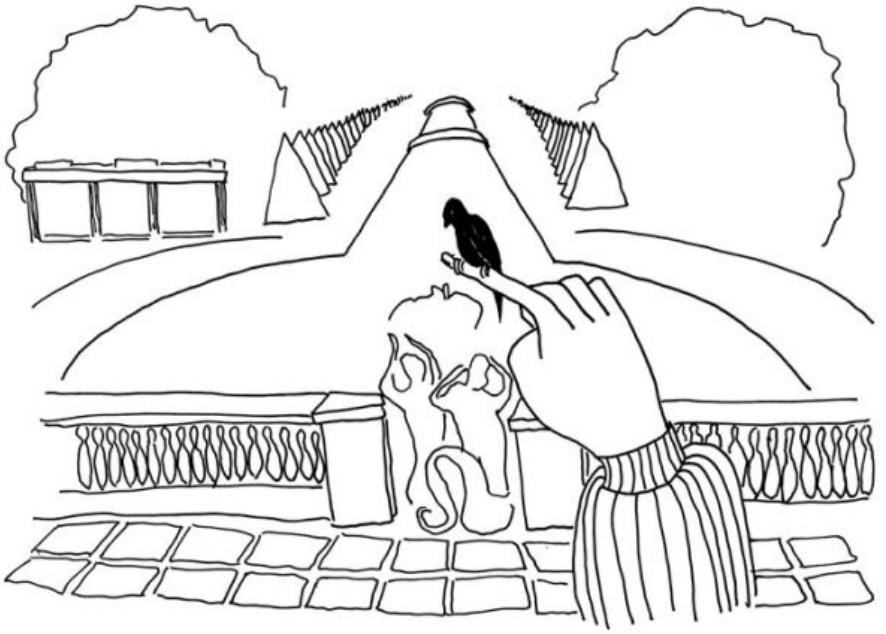
Рай для интроверта

У меня внутри Петергоф отпечатался. Не знаю, на чем конкретно, но на чем-то с ворсинками. Отпечатался, как тавро геометрической формы. Как золотая татуировка, на которую смотришь с радостью, а она излучает. Сидишь-сидишь перед компом или в холодном троллейбусе и между делом задираешь манжет или брючину и поглядываешь. Напоминаешь себе, что счастье есть. А оно как бы внутри шуршит, переворачивается в норке. И греет. Вот у меня Петергоф там теперь. Я в него заглядываю. Зачерпываю тишину и журчание.

В Питере, при всем уважении, мне всегда было серо, сыро, зябко, зыбко. А в эту осень так сухо, что аж шелестело в ушах. И еще тепло и позолочено. Наяву любая картинка была такого насыщенного цвета, как будто ее уже обработали в фотошопе. И немножко перестарались.

Я прямо просыпалась и чувствовала, как вокруг за стенами стоит сумасшедшая красота. И трещит от собственной избыточности. И надо бежать и хватать ее руками, пожирать глазами, утолять зрительный голод. Потом поехала в Петергоф. В октябре там уже мало туристов, а фонтаны работают. Льют воду. Пустой парк выглядит и звучит по-другому. Легко представить, что весь он твой. И легко представить что ты – королева. Ампираторша. И позади у тебя вечность. И впереди тоже.

Все-таки как хорошо, когда много гениев подумали об удобстве и красоте для одного царя. И при этом царь попросил их буквально ни в чем ни себе, ни ему не отказывать. И эти беспредельщики итальянцы не просто начертили план парка, а как будто надышали его. Может, свои сны записывали, может, видения. Но во всем этом явно не только рисунок, расчет, геометрия и точность, но и что-то в целом необъяснимо совершенное. Самодостаточное.



Меня в нижнем парке накрыло, словно куполом, будто давным-давно умная и могущественная Гермиона начертила над этим местом невидимые защитные меридианы. Или что там? Нашептала защитные заклинания. Для меня ж безопасность – базовая радость. И она там есть. Ее там навалом. Я вот природу люблю, лес. Но могу ли я быть счастлива в лесу? Недолго, точно не вечно. А тут? Тут – да. И совсем для этого никто не нужен.

Неопределенное и плохое останавливается, нет, кончается вовсе. И ничего не напоминает о «земле», никаких примет времени – ни пивных бутылок, ни упаковок из «Макдоналдса», ни уборщиков в оранжевых жилетках. Мало людей и много тишины. Фонтаны журчат, статуи молчат, мрамор мерцает. Белки перебегают дорожки в разных направлениях часто, как кошки. А вороны переходят. Маленькие легкие птички садятся на руки, царапают коготками.

Пространство просматривается во все стороны. Простор и уют, бесконечность и замкнутость. В конце каждой тропинки фонтан или фигура. Или беседка. Или ротонда. Мостик, дворец – большой или маленький. И все это излучает что-то помимо, помимо очевидного. Красоту, наверное. Это она и есть, да? Которая гармонизирует пространство, воздух и мой глубоко внутренний мир. Скорее всего, душевный.

В нем ведь только наведешь порядок, только разберешься, расставишь все по местам, отлакируешь, как тут же наваливается

новое, новое, новое. Падает, падает сверху, как когда проигрываешь в тетрис. Нагромождается. Одно на другое. И не впихивается обратно, а торчит сверху и по краям, колется-режется. События, взгляды, обстоятельства. Набойка отвалилась, звонок пропустила. Не душа, а вечно проигранный тетрис. И когда идешь по кривой улице с совковыми пятиэтажками, оно усугубляется и продолжает громоздиться.

А в Петергофе не так.

Когда снаружи все настолько пропорционально, гармонично и тихо, то и внутри все зеркально укладывается в ровные колонки, без зазоров и асимметрии. И успокаиваешься. Кажется, что окончательно. А сквозь листья струится такой густой золотой свет, что хочется называть его божественным. По красоте или даже по происхождению. Свет и покой проникают в меня и остаются. Так же, как во всяких полуподвалах обычно проникали холод и сырость.

Это интимное, но такое огромное чувство, что молчать не получится. Я не очень-то представляла себе пространство рая. Раем был человек, и не важно где. А теперь у меня большой и подробный опыт пребывания в раю. Я могу в него вернуться под общим наркозом или позже. И в любой момент могу описать вполне предметно.

Это такой парк. Огромные деревья в нежных красках. Идешь от Адама наискосок к Монплезиру. Листья бесшумно скользят под углом. Придают движение абсолютно идеальной картинке, во всем остальном застывшей. Звук струящейся воды следует за тобой. Доходишь до замкнутого дворика – там розы, липы, боковая аллея… Потом делаешь шаг в сторону – и открывается Балтика. Гладкая, уставшая, молчаливая, уже отвоевавшая свое. Видишь каменистый берег залива.

На камнях стоят чайки и тоже молчат. И дальше все. Дальше ничего нет.

Разговоры из воздуха

Надо привыкнуть, что дети больше не ходят со мной гулять, ни в будни, ни в выходные. Надо было давно привыкнуть, но все, что связано со временем, – для меня неожиданность. Каждый взгляд на часы и календарь… В основном: «О, уже так поздно!» И почти никогда: «О! Еще так рано!» Чаще: «Как лето кончилось? В смысле, осень?» Время уходит вспять, время уходит спать.

В «Аптекарском огороде» красота невозможная. Сакура покраснела, дубы-колдуны покоричневели, остальные колеблются между, во всех оттенках и переливах. Глаза с трудом привыкают к изображению естественной яркости и высокого разрешения. Фонтанчик журчит, императорские рыбы пытаются впасть в летаргию, им мешают – детки тюкают монетками по темечку. Рыбы уходят поглубже, чтобы замереть, уснуть, но нет. Кошмар, и я их понимаю, как никто.

Бегонии умудряются цвести, где-то рядом звонит церковный колокол, два раза за час пролился дождь, везде таблички «Не сходите с дорожек!» Названия растений читаются как стихи, как песни («Лилия слегка волосистая», ничего себе слегка), по полю ходят две рыжие утки – это местные, у них тут прописка. И обязательно найдутся две дуры, которые фотографируются в кустах. И две умные тоже. У них, как у камер на телефонах – автоматические настройки: заходят в куст, выгибаются и улыбаются, – просто реклама стоматологии. Щелчок, и вот они уже выходят из куста, надев на лицо серое будничное выражение. Опыт.

Упали сумерки, ушел сдуватель листьев с дорожек со своей трубой. На лужайке под старым дубом – он, между прочим, «Заслуженное растение России», – ползает автоматический газоноуборщик, напоминает, что мы в двадцать первом веке.

В оранжерее зажгли свет, и она засветилась в глубине за деревьями, как гигантский ночник. Или волшебная лампа с растительным орнаментом.

И ведь русским языком написано: «В теплой водичке добрые пираньи ждут ваши ручки». Администрация, видимо, исчерпала вежливые формулировки, а народ все стремится сполоснуть руки в водоеме с редкими цветами. Но испугать москвича не так просто.

– Пиранья? Где пиранья? Ее покормить? У меня батончик мюсли в сумке есть.

Бабулю в беретке, которая задумчиво глядела на кувшинку и возможно даже, там, под береткой, слагала хокку, передергивает

от ужаса. Кормить пиранью!

Когда так настойчиво просят не сходить с дорожек, хочется именно сойти.

И разговоры из воздуха рядом.

Тетеньки

– Я сыну суп в тарелку наливаю, крышечкой накрываю и ставлю в холодильник. Чтоб он потом только погрел. А сама – на работу. Не положишь, так и не поест, хотя ему скоро 17.

– Моему 35 и все то же самое.

Подростки

– Если ты ее бросаешь, так и скажи, а ты только титьки мнешь!

– Ничего я не мну…

– Ну еще хуже.

Женщины под шестьдесят

– Дай руку? Что это у тебя? Отложение солей? Надо аппаратом погреть. А вот эту точку знаешь? Между указательным и большим? «Точка жизни» называется. Давишь? Каждый день?

– Ай, ты мне дырку сейчас сделаешь! Не хочу «точку жизни». Итак все болит.

Охранники

– Тебе надо полностью отстраниться.

– Нет, я ему все выскажу.

– Нет, тебе надо отстраниться, прямо полностью.

Женщины в районе сорока

– Я на ямочки западаю: вижу – щека, вижу – ямочка, и влюбляюсь с первого взгляда.

– И что? Жизнь тебя не учит? Полный дом детей с ямочками на щечках. В следующий раз, может, погоди влюбляться? С ямочками – они тряпки все. Погоди, говорю. Приглядись, может,

там рядом скромник какой ходит, а у него, может, такие внутренние ямочки, что маманегорюй. Ты уже не в том возрасте, чтобы игнорировать человеческие качества.

Девушки в районе тридцати

– Родственники дали денег на золотое кольцо, а я пошла его выбирать с такого похмелья страшного, что теперь смотрю на это кольцо и думаю: как? Как я могла такое… Позор! Просто позор.

Снаружи ботанического сада многополосное движение, проспект Мира, шум и бирюзовые башенки центральной мечети.

– До радиальной под землей или по воздуху пройдемся? Ну так вот, я и говорю…

Питерские разговорчики

На колоннаде Исаакия

Парень и девушка разглядывают сверху Исаакиевскую площадь. Он показывает на Мариинский дворец.

– А это что за особняк?

– Вокзал, наверное, какой-то. Пошли дальше.

Возле Медного всадника

– Смотри, нога лошади Петра какбэ попирает ядовитую змею, тока я забыла, что она символизирует.

– Медицину, конечно!

В очереди кондитерской «Буше»

– Ладно, сегодня я тебе все прощаю…

– А что прощать? Мне прощать нечего!

– А дома барда-а-а-а-а-а-а-ак…

– Это потому, что я работала вчера.

– А позавчера? А три дня назад?

– Обижусь.

– Вот я и говорю: сегодня все прощаю!

В столовой на Невском

Мущщина с футляром от контрабаса (ну и с самим, наверное, контрабасом в нем) и в красном шарфике. Достал бутылку, влил пару бульков в компот, набрал номер:

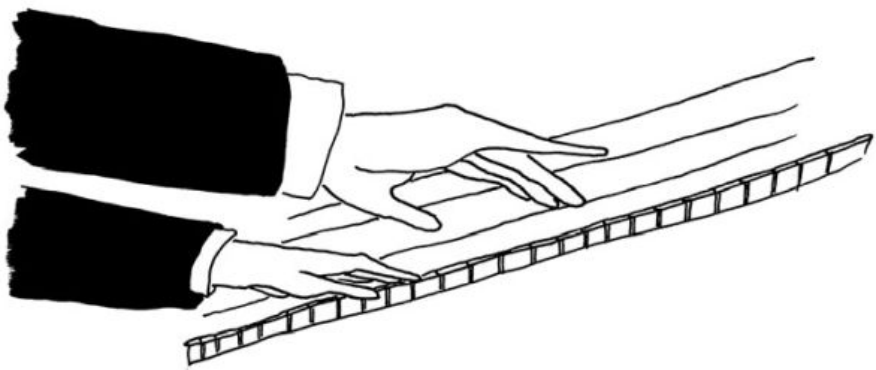
– Мне НАДО тебя увидеть. Нет, я бы предпочел ЛИЧНУЮ встречу. Да, обязательно. Нет, НЕ МОГУ сказать зачем. Почему? (встал) Потому, что нахожусь в общественном месте!

Григорий Соколов

Наде Ждановой

Сначала мы ехали на поезде до Болоньи и видели охотника с двумя крапчатыми длинноухими собаками, и стаю фазанов – как на картине маслом, и облетевшие виноградники, и все еще ярко-зеленые поля, поля, поля, и сельские дома с черепичными крышами, и все еще в желтых листьях деревья.

Мы ехали на концерт великого пианиста Григория Соколова. Два года я смаковала предвкушение, и не верилось, что вкушение уже близко.



Потом мы еще бегали по запутанному болоньевскому вокзалу и оттуда ехали на электричке в Модену. Тут публика не такая рафинированная, как в центре Вероны. Похожа на ту, что ездит, например, в Дубну с Савеловского – рабочий народ, офисный люд, студенты, кто-то прятался от контролеров в тамбуре… Ехали стоя, вагоны битком, час пик.

В Модене оказались уже в сумерках, и там было все совсем по-другому, чем в любом виденном мной городе, и надо было осваивать эту новизну, в оранжевом свете фонарей идти по малолюдным улицам – как во сне, искать собор (огромный, старинный, уютный, как жилой дом – отдельная история), гладить там мраморных львов по их изгрызенным временем носам… На площади перед собором пахло, как на маминой кухне, когда она печет печенье, а ты сидишь носом в духовку. Конечно, бил колокол.

А в остальном тишина и детские голоса. На ступеньках кафе сидела красивая мулатка в фартуке, и ее лицо светилось отраженным светом телефона.

А потом мы вошли в театр Лучано Паваротти, и то, что осталось снаружи, перестало иметь значение, будто совсем закончилось.

Зал – в коралловых мягких оттенках, множество отдельных лож, а в полукруглом туалете полукругло выгнутые деревянные двери (как это возможно?). Зрители – солидные, хорошо одетые, в жемчуге, и молодежь в чистых рубашках. У высокого мужчины в мягком пиджаке – натурально бланш под глазом, другой сморкался в огромный белый платок, несколько людей в инвалидных колясках, маленькая лысая женщина в маленькой шапочке, как после химиотерапии, парочки за ручки и женщины типа вамп – вызывающе поодиночке.

Перед самым концертом я еще успела подумать, что вот же на этой сцене пел Паваротти и что шнурки сильно затянула, надо расшнуровать. Но погас свет, и какие там кроссовки, дышать забываешь!

Есть хороший пример того, что такое классика, что такое гениальное произведение: как Константин Райкин, лежа дома с поломанной ногой, читал Кафку. Читает-читает и понимает, что это все будто точно про него двадцатилетнего. Причем такие вещи Кафка про него пишет, в которых он и сам себе не хочет признаваться. Читает дальше. Снова все как про него. От ужаса кидает книгу в дальний угол комнаты, но раны уже расчесаны, и он ползет в этот угол со своей сломанной ногой. Дальше тоже все страшно совпадает и про 30-летнего – на уровне никому, казалось, неизвестных мелочей и подробностей.

Так вот, когда слушаешь великую музыку – она как будто лично про тебя, а гениальный исполнитель будто все про тебя знает. И то знает, что тебе самому про себя узнать никак не удавалось.

Он там один на сцене, и ты один перед ним в зале. Слушаешь и с ужасом понимаешь, что эти звуки максимально точно выражают, что там с тобой в жизни случилось, и становится сразу понятно, что в ней главное.

И он играет и будто рассказывает, как когда-то ты не просто ходил по улицам в ботинках и ел овсянку на завтрак, а переживал все это:

– сначала было вроде бурно, весело и быстро, потом стало тревожно, вот именно так, как он играет, до деталей;

– а однажды было именно так нежно, как сейчас звучит этот рояль, хотя ты никому не рассказывала;

– потом было больно и это длилось и длилось;

– потом все куда-то будто бежали, потом вроде успокоилось, и воцарилась гармония;

– потом все оборвалось.

А он все играет и тебе одной говорит: ну ничего-ничего, пройдет, и вот, есть музыка, она вывезет.

По-новому ощущаешь, что такое «нежно». В его звуке это более определенно и чувственно. Он нажимает на клавиши, и накатывает совершенно новая нежность. Вселенская. Начинаешь плакать в коралловом зале и всех любить. И только бы он не останавливался!

И публика отчаянно аплодировала, билась за бисы. И он выходил и играл короткое, и звуки были каждый раз другие – то как птичьи трели, то как «Шаги на снегу» – мягкие и глухие.

Испытываешь эмоции, которые невозможно выразить словами «офиге-е-е-е-еть» или «вот жеж гадство». И вообще словами.

Благодаря такой музыке накатывают редкие чувства, которым не место в «обычной» жизни. И это хорошо, наверное, нельзя каждый день так глубоко погружаться – задохнешься и потонешь в себе. Но знать, что эти чувства есть – такие огромные, мощные, красивые, – знать хорошо бы. И как их вызвать – тоже. Это делает тебя сильнее. Особенно сильнее всех тех, у кого нет чувств, зато аппетит хороший.

Да, и потом выходишь на улицу и, конечно же, видишь, что мир остался прежним и, как известно, «останется прежним» до конца времен. Но с такой музыкой (хотя бы иногда-иногда) и такой нежностью (всегда) – ничего, пойдет, жить можно.

У входа стоял мужчина в традиционной накидке итальянской знати – из толстого сукна – Tabarro. И в берете на бок. У него было аристократичное белое лицо и нос с красивой горбинкой. Уверена, что в его столовой висит несколько портретов пару-тройку-вековой давности, на которых точно такие лица.

И он улыбался – то, что я поняла сегодня, он знал давно. И ночной ветер нес листья по мраморному тротуару.

Уж простите за пафос.

После вас

Недавно попала в квартиру в центре Москвы, которую сдали сразу после смерти владелицы. Огромная запущенная квартира с черным ходом.

Новые хозяева – очень дальние и, видимо, очень жадные родственники. Они ничего не вынесли, не прибрали, не пытались сохранить. И жить в такой обстановке было странно – трогать все, брать пододеяльник в шкафу будто без разрешения, будто хозяин вышел в булочную.

Первое время казалось, кто-то вернется, увидит меня и скажет голосом завуча: что это вы тут делаете? Но нет, никто не пришел. Возле телевизора моток мулине. Пуговицы в вазочке. Чешские разноцветные бокалы, красивые, видно, бывшие в постоянной эксплуатации – из них явно часто пили вино. Красное – остался бордовый налет. За стеклом фотография импортной девочки в мантии и шапочке с кисточкой – хозяйка гордилась внучкой, следила за ее заграничными успехами. В кладовке аккуратно упакованные зимние пальто и сапоги типа боты. Свежие календари во всех комнатах – перекидные, отрывные, настенные, прямо какая-то мания. Тут следили за временем. На кухне в шкафчике недопитые витамины «Кораллового клуба». Тут собирались жить долго и уютно. Никаких лекарств – никто не болел.

Хотя она явно жила тут одна в трех комнатах. В ванной разные шампуни для котят. Везде сильный кошачий дух. Кошки тут были на королевском положении, и, видимо, их толпой вытолкали вслед за гробом. И отличная библиотека. Не декоративная, когда страницы склеены, а книги подобраны по цвету и высоте. А такая живая, читанная, видно, всю жизнь пополняемая библиотека, для удовольствия, без снобизма. И альбомы Филонова, и китайская философия, и Чейз с Устиновой.

А еще много-много книг о дедушке хозяйки квартиры. Толстенных-претолстенных, намного толще Библии. На нескольких языках. Везде о его всемирной коммунистической значимости, его гении и благодарности народов за его деяния. И вот я пришла с улицы, и если бы был камин, я могла бы поддерживать огонь с помощью этой макулатуры. Тогда от нее была бы хоть какая-то польза.

Что осталось от этого человека? Московская квартира, сдавая которую, дальние родственники могут больше не работать.

Блин, можно умереть в любой момент, и ничего из того, что было тебе дорого, не будет дорого уже никому. Да, есть дети, но и им не надо ничего моего. У них будет свое. Господи, все, что есть в нашей жизни материального, – все это такие мелочи, такие смешные и незначительные вещи. Да и сами мы…

Оказалось, до сих пор у меня была надежда на бессмертие.

А теперь никогда не буду ничего копить, обустраивать и думать о потом. Жизнь невозможно обустроить раз и навсегда, ее можно только продолжать день за днем.

А копить – только впечатления, жить только сейчас – чтобы было что вспомнить, когда уже ничего не будет происходить. Мне показали, что бывает потом. Ничего. Просто приходят чужие люди, затаптывают твои следы и варят кофе в твоей турке.

Кокон истории

Давно, в 90-х, мы с Вероникой с одной квартиры съехали, и нам два дня надо было где-то перекантоваться. Она тогда встречалась с московским мальчиком из очень хорошей семьи. Он потом любил мне звонить, жаловаться на Веронику, зудеть про ее коварство и спрашивать моего совета. Она его бросила, конечно.

Но это позже. А тем вечером он привез нас в свою пустую запасную квартиру, где жил только наездами. Переехал в загородный дом.

В то время я писала рефераты в Ленинке, подрабатывала, экономила, простужалась, куталась, все равно мерзла, уставала и не любила Москву. Помню, сижу в историческом читальном зале с деревянными перегородками, бесшумно погружаю руку в сумку, отщипываю от булки и думаю – спуститься в буфет чай попить или я не могу позволить себе эту трату?

И в таком состоянии попадаю в дом к людям, у которых все хорошо, причем давно, – у отцов все было хорошо, дедов, прадедов. В нашей стране так почти не бывает. Мы по большей части живем в домах, построенных на месте бывших помоек или еще лучше – кладбищ. Дедов фашисты поубивали, прадедов – свои. А тут не так. Бывают «старые деньги», а тут еще лучше. Глобальное благополучие и глобальная стабильность во все времена. И атмосфера соответствующая.

Эта квартира рядом с Патриаршими, в переулке, в старом доме с прохладными подъездами, широкими лестницами, двустворчатыми дверьми, красивой плиткой на полу просторных лестничных площадок. В такой мог жить профессор Преображенский. И много кто еще из реальных, сильно дореволюционных писателей, врачей, адвокатов. Интеллигентные семейства, где играли на рояле, пили чай за круглым столом со скатертью, в гостиной ставили елку со свечами, клали под нее подарки – деревянных лошадок и фарфоровых кукол. Я поднималась по лестнице, и меня одолевало атавистическое желание оставить калоши в передней. Представляла XIX век, зашла в квартиру, а она оказалась очень, очень современной, молодой, дружелюбной и тихой во всем.

Вся одного цвета – серого. От темного, почти черного, до совсем светлого. И без обоев – стены матовые, шершаво выкрашенные. Мебель, занавески, ковры – все глухо-серое и без единого рисунка, орнамента, закорючки. Ничего не цепляло, не раздражало, не останавливало глаз. Я не знала, что серый может быть таким благородным. Он как будто глушит весь шум, что

слышишь за день, будто выравнивает все неровности, заусенцы и ямки в душе, которые образовались от соприкосновения с внешним миром.

Была поздняя осень, холодно и слякотно. Надо было оставить Веронику с Денисом наедине, и я ушла в ванную. Еще одна дверь, еще один замок, и можно остановиться и замолчать. Там тоже все было серое, даже полотенца цвета камня. И на ощупь не глянцевое, как кафель, а шершавое, как валуны, высушенные солнцем. И эта ассоциация с камнями возникла сразу, потому что пол был очень теплый. До этого я, село такое, не знала и про полы с подогревом. Помню, как раздевалась в этой ванной – замерзшая, с кровавыми корками на губах, сопливая, с оледенелыми ногами и руками. Я тогда продавцом работала и промерзала за день на рынке. Сняла все и босиком на теплый каменный пол. Ванна наполняется, а я стою на теплых камнях, как на спящем вулкане, в центре Москвы и влюбляюсь в нее.

Стены, видимо, при ремонте почти все снесли. А те, что остались, тоже казались подогретыми. Спальня отделялась от зала дверью на роликах. А кухня не отделялась ничем. И в этом широком просторе было невероятно уютно, а го́рода вокруг – совершенно не слышно. Выглядываешь из окна, видишь редких прохожих в переулке, которые не по-московски не спешат.

С тех пор я люблю эту насыщенную тишину самого старого, самого смачного, самого дорогого центра Москвы. Ощущение полной безопасности, которое там само собой возникает, могу сравнить с тем, что чувствуешь, ночуя высоко в горах. Будто тебя увезли с пристрелянной равнины – в нору. Надежно спрятали. И каждая клетка в тебе торжествует и знает: сюда никто плохой не доберется – ты в центре яйца, яйцо в утке, утка в зайце, заяц в сундуке. Можно спать спокойно, ты будто защищен тройным кольцом крепостных стен.

Вокруг старая Москва и много домов, где веками жили хорошие, добрые, умные, талантливые люди, которые писали стихи, музыку, прозу, читали, молились, любили. Ну и вкусно неторопливо ели, конечно. Чаи гоняли, водку пили. И накопилось, устоялось то, что неопределенно называется «хорошая энергетика». И жить в таком месте совсем не то, что в блочном доме на окраине, на сквозняке, рядом с дорогой, по которой грохочут самосвалы, груженные железобетоном.

Я спала на диване, а в спальне стояла широченная кровать. И на ней было черное белье. И сначала мне это не понравилось. Я с детства привыкла к белым стерильным простыням с мережкой. И собственно, и забыла о черной кровати, как о несовместимой с моей жизнью. А вспомнила, когда изменила отношение к кроватям, мужчинам, спальням. И до сих пор чувствую, что спать на черном и, например, на розовом в голубой цветочек – это совсем разные вещи. На черном можно спать, на черном можно есть, можно быть какой хочешь и делать такие вещи, про которые ни-ко-гда ни-ко-му нельзя рассказать. Делать и не чувствовать сомнений и вины. Черный и серый – это свобода и безопасность. А мережки – словно бабушкины глаза.

Еще впечатляла ширина стен и подоконников, высота потолков и окон. И как там все было без пафоса и удобно. Заточено под человека. Везде эти мягкие ролики в мебели, диван раскрывался легко – одной рукой, с уютным чмоком. Так глубоко, как там, я редко где спала. И всегда вспоминаю те две ночи, когда мне надо успокоиться и представить уютный кокон.

Безопасность – базовое чувство для женщины, на самом что ни на есть инстинктивном уровне. Женщина как кошка, знает, что

сначала надо оказаться в укрытии, потом – все остальное. У меня потом было много «всего остального», и очень редко я чувствовала себя защищенной.

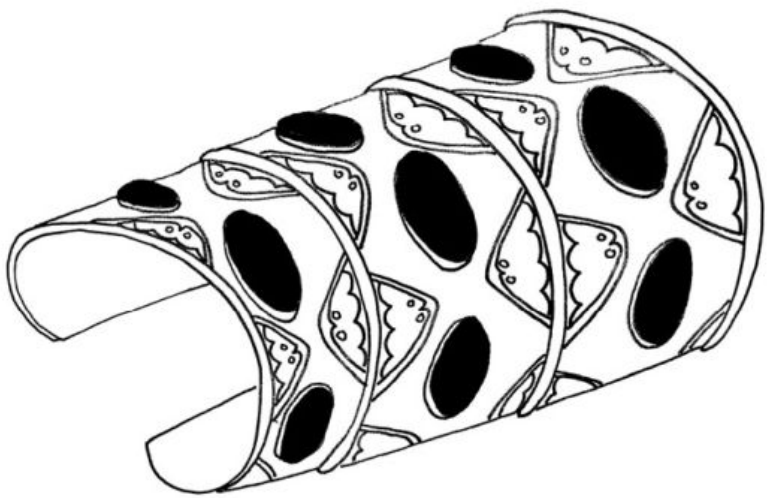
Это такая глобальная мечта. Для исполнения которой надо было бы поменять историю семьи, а лучше всей страны. Но нельзя же все время мечтать о том, на что можно накопить или заработать.

Серебряная женщина

В тумбочке у мамы лежал буквально мешок серебра. Старинные дагестанские браслеты – тяжелые и прекрасные – папа привозил из командировок в высокогорные села. Тогда их еще можно было купить вот так просто, «с рук». В горах серебро – это обыденно, а папа восхищался мастерством народных ювелиров.

Все детство я любила рассматривать эти браслеты. Мне нравилось, что они уже с царапинками, с историей, даже с запахом другой жизни. Представляла, как папа едет по горной дороге на мотоцикле (и волосы назад), и в кофре рядом с фотоаппаратом у него подарок.

Как жили женщины, носившие эти браслеты сто лет назад? – никак не могла представить я. Потому что в наш аскетичный советский быт и стиль мамы, учительницы английского языка, они не вписывались. Слишком экстравагантно.



Как только взрослые гормоны ворвались в мою кровь, лет с 13, я мечтала быть блондинкой – прозрачноглазой и прозрачнокожей. И душиться духами Chloe, и носить золотые колечки и золотых стрекозок в ушах. Чтобы в меня влюблялись с первого взгляда и писали записки про «золото твоих волос» на листках в клеточку.

Но после нескольких лет бурного пубертата и пары-тройки радикальных экспериментов – с цветом волос и болезненных – с любовью, я смирилась, что навсегда брюнетка. Внешне и по сути. И духи мои – Channel Allure. А металл – серебро. До меня дошло,

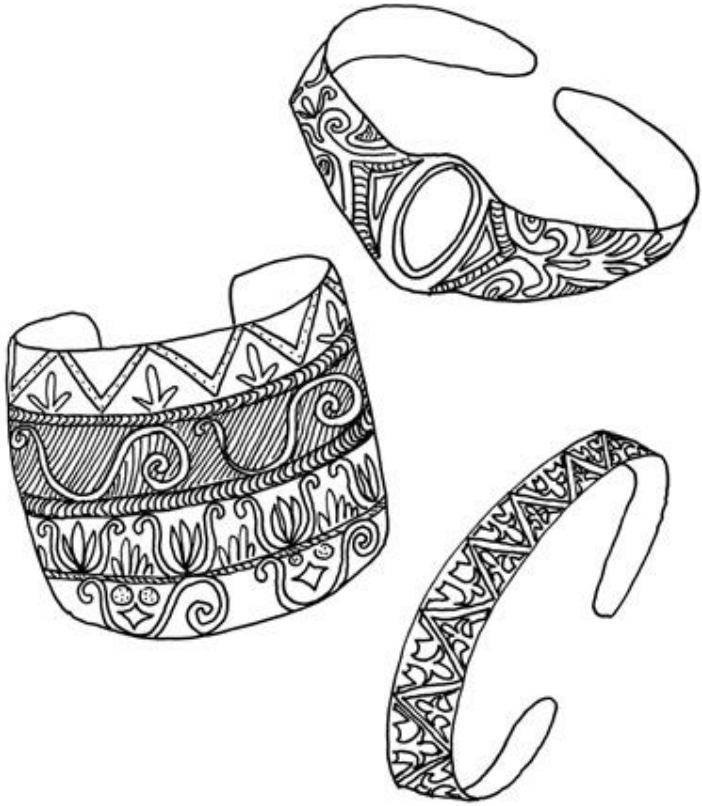
что влюбляются не в соломенные кудельки, а в характер. С этого началось взросление.

Сейчас, в 44, я только начинаю носить золото, учусь, примеряюсь, прислушиваюсь, как золото чувствует себя на мне и как я чувствую себя в золоте. Обычно – не очень. Ведь предыдущие тридцать лет провела в серебре. Мне казалось – это не пафосно и ношу я его для себя.

Серебро всегда было моей броней, моим украшением и оберегом. Надевая сначала серьги, потом цепочку и несколько колец, я чувствовала себя защищенной, словно в латах. А уж если браслет! Это был ритуал, после которого я смело шла на любую встречу – с человеком или с реальностью. Потому что серебро на женщине, как черная водолазка – оно про принятие как есть.

И главное – не блестит, а сияет благородно и сдержанно. Даже первое студенческое, дешевое капельное, с чернью, с эмалью, потом с бирюзой и розовым кораллом. В моем Дагестане сотни лет традициям изготовления и ношения серебра, оно повсюду – и в серебре ты как бы всегда как дома. «Носи монисты, длинные серьги и побольше браслетов, которые звенят, – однажды сказала психолог, пытаясь вывести меня из стресса. – Тебе хочется съежиться, так сделай противоположное. Тебе нужна амплитуда! И серьги ее создадут. Монисты отбивают ритм, а браслет, который движется по руке и падает на запястье, крутится там, где вены, где пульсация, которую надо усиливать… Серебро помогло мне тогда, и ко всем поводам его носить добавился еще один – терапевтический.

В моем расписании мало настоящих женских дел, и это так же навсегда, как и то, что я брюнетка. Почему-то я не умею хотеть, выбирать, рассматривать вещи даже в интернет-магазинах. Не зависаю у витрин, и новое платье не помогает от плохого настроения. А новое кольцо – да. И в этом я себе не отказываю. И всегда знаю, какое мне нужно еще – в виде лабиринта, печатки, с камнем и с каким. Планирую, ищу, заказываю авторское, отваживаюсь на современный дизайн, трачусь и чувствую себя при этом очень женщиной.



Старинные браслеты у нас украли. Вынесли из дома. Собственно, больше и выносить было нечего. А содержание сундуков в горских домах Дагестана, откуда раньше доставали дедушкины газыри и бабушкины монисты, – давно перекочевало в музеи и дорогие антикварные магазины.

Тех браслетов больше нигде нет, и в то же время они всегда у меня перед глазами. И так удивительно, что именно они определили мой вкус и даже мой стиль жизни. Такой, с царапинками.

Фантомные боли

Чтобы добраться до Чоха из Махачкалы, в XIX веке нужно было двое суток идти пешком. Еще и останавливаться по дороге, чтобы переночевать в горах. На чохском кладбище есть могила мальчика из семьи, где кроме него было пять дочерей, на ней камень с надписью «единственному сыну». Он учился в Темир-хан-Шуре, шел домой на каникулы, переночевал в пути, застудил почки и умер. А антибиотиков тогда не было…

Сейчас до Чоха три часа – если на джипе. Все вверх и вверх. Все дальше от города и все ближе к облакам. В этом доме есть комната, которую расписал неизвестный художник. Твердая рука, удивительные цвета, обратная перспектива. Явно большой талант. Кто он был? Куда делся? Никто не знает.

В доме много комнат, сохранились деревянные двери и ставни с резьбой. Этот дом построил Гарун Хаджи. «Он был прекрасным человеком, сирота, который из нищеты выбился в самого богатого человека села. Трудяга», – сказала историк Патимат Тахнаева. Здесь когда-то кипела жизнь, готовилась еда, на веранде сушились подушки, в комнатах лежали ковры, бегали женщины, качались колыбельки, сидели мужчины. А внизу мычали коровы и блеяли овцы. Теперь давно тишина. Но воздух и стены будто состоят из вещества того времени – «конец XIX – начало XX века», будто его законсервировали, и его еще можно потрогать, его еще можно вдохнуть.

Последние десятилетия дом подолгу стоял пустой, в некоторых окнах не было стекол, и роспись на стенах – в голубином помете. Толстым слоем он покрывал и пол на веранде, но Клара его оттерла и покрасила рыжей краской. Клара Власова – 90-летняя художница, нынешняя хозяйка дома. Она называет автора настенной росписи «чохским Пиросмани». В большой комнате стоят две кровати, две табуретки, венский стул (он же стол) и Кларин мольберт. Все. В маленькой комнатке с очагом есть старый шкаф темного дерева с большим мутным зеркалом в пятнах. Дверка не скрипит и не открывается. Еще три больших комнаты в глубине дома совсем пустые – в них земляной пол, и нет сил убраться. К нижнему этажу сосед пристроил покрытый шифером сарай, чем перекрыл окна.

Но с верхнего этажа видна вся эта красота, этот классический дагестанский горный пейзаж – картина с зарубками вечности и приметами прежнего уклада жизни. Они становятся все более прозрачными, эпоха отступает, как море – прямо на глазах, покрывается пометом нового времени, теряется вдали. Гаснет. Террасы, которыми изрезаны склоны – эти памятники упорству горцев, террасы, которые люди возделывали столетиями – они

будто оплывают, обмыливаются, утрачивают четкие контуры. Деревья в садах засыхают, умирают стоя, некоторые ветки обильно плодоносят, но тоже сдаются. Маленькие серпики, которыми жали пшеницу, – ржавеют, валяются во дворах, иногда ими украшают городские интерьеры – это модно, аутентично, стильно.

Разрушенные и покинутые дома в селениях (и целые села!) – привлекают туристов, смотрятся живописно, но грустно. Горько. Иногда от дома остается только одна стена – с очагом, с уютно закопченными камнями над ним, с выемками – полочками. Как будто остальные три стенки отвалились только что, и люди вокруг этого очага сидели день назад, а на полочке стояла лампа. Чираг. Заросшие травой ступени, в домах помладше еще даже болтаются занавески… Эта цивилизация погибла.

Мы тут ходим в кроссовках, снимаем айфонами, на руке тикают свотчи, мы смотрим на последние приметы настоящей жизни в горах, жизни, когда людям ничего не давалось легко, ходим и умиляемся. Тому, как обработан каждый камень в кладке (вручную), как продуманы и срезаны углы строений (чтоб могла пройти арба), резьбе по дереву, огромным гвоздям ручной работы – из кузницы, аркам и сводам, опорным столбам и треугольным табуреткам. Мы ощущаем ужасные фантомные боли – когда болит то, чего уже нет.

Нет уклада, порядка, закона, чего-то незыблемого, хотя бы похожего на традиции и, простите, устои. Нет тщательности ни в чем. А тут даже порожек в доме так крепко сбит, как будто выстоит и при всемирном потопе. От нашего времени не останется ничего – дома, которые строят сейчас, разрушаются при жизни хозяев.

Мы отвыкли от усилий. Мы уставшие прямо с рождения. Мы будто хотим купить себе готовую жизнь и обмыть это дело в ресторанчике неподалеку. Будто прогресс отменил необходимость трудиться и быть честными. Мы мечтаем в старости уехать в свой домик в горах, и чтоб там был закон и порядок, порожек и вид. Но деваться нам некуда. Максимум – купить поставец, повесить в городской квартире и сетовать на дороговизну антиквариата.

Пережить ноябрь

У нас ноябрь. В нем надо спать.

Под звук закипающего чайника.

На топчанчике в кухне, когда слышно, как шипит газ, как вода собирается с силами, чтоб забурлить, как гудит металл и как пузырьки цепочками устремляются вверх. И кто-то дожидается кипятка и заваривает чай, и кидает веточку чабреца прямо в чашку. Запах дикого поля разливается в воздухе. И ты засыпаешь окончательно.

Под шум прибоя.

Если спишь рядом с морем, слышно, как волны колышут гальку и как деликатно позвякивают в воде ракушки, трутся друг о друга. Будто попискивают.

Под разговор посторонних женщин о бытовом и житейском, вполголоса, рядом, в дороге, в поезде. «В этом году огурцов мало засолила – приболела в сезон, да и внучку привезли – не до банок было…» «А мои не приезжали, я пока ждала, наварила варенья – из абрикосов, из белой черешни, скоро айвой займусь… Ох, косынка сползла». И вздохи.

Под тихий спор двух незнакомых мужчин за стенкой – об умном, например, о книге, которую точно никогда не прочтешь. «Не понимаю, что тебе там понравилось? Анализ слабый, поверхностный, сплошное выпячивание собственного мнения. Я, я, я! А фактов – минимум». «Согласен, много субъективного, но как блестяще изложено! Рискованно, на грани скандала, а спорить не хочется…» И выходят курить.

Спать, спать.

Под стук дождя о подоконник, когда некоторые капли крупнее и грохаются с высоты, а другие сыплются иголочками, часто-часто. А мимо изредка ездят машины, попадают колесами в лужи, и вода разливается длинным звуком.

Под треск поленьев, сгорающих в камине, и прочую тишину, а за стенами вокруг чтоб деревья во множество заградительных рядов, качаются, переплетаются ветвями, мокнут.

Под свист и шелест крыльев ночной птицы, пролетающей мимо форточки. Чтоб как в английских романах: «Было слышно, что сова вылетела из леса и задела когтями живую изгородь».

Под мерные завывания ветра, который гуляет по свету, выносит душное, сносит лишнее, заставляет беречься, дует и запрещает выходить из дома, запирает крест-накрест двери – надолго, надолго.

Под звук колыбельной, которую поют ребенку, или читают сказку, а ребенок возится, что-то спрашивает, смеется, роняет игрушки и одеяло.

Под шелест переворачиваемых страниц, когда кто-то читает рядом бумажную книгу, хихикает, старается не шуметь, хмыкает, шуршит карандашом – делает заметки.

Как хорошо засыпать, когда в ногах или у живота крутится юлой кошка или собака, устраивается поудобнее, а потом начинает так облизываться, что аж качает кровать.

Когда в соседней комнате кто-то молится без надрыва, или утюжит пододеяльник и напевает, или целуется в сумерках.

> Найти – понадобится карта:
> в себе запрячусь и запрусь.
> Смотри – зима начнется завтра,
> а я, пожалуй, не начнусь[3].

Экзотика и нежность

Налейте в кастрюльку стакан бульона, порежьте две луковицы, добавьте три ложки томатной пасты, ложку муки, ложку масла, половину чайной ложки виноградного уксуса, перец, петрушку, базилик. Поварите минут десять и залейте бараньи шарики. Можно потушить кололаки в соусе еще минут 15. Это только читать долго, а делать очень быстро.

Теперь мы добились от баранины, чего хотели: экзотики и нежности. От жены бы так[4].

Ездила в тот город, который моя Родина. Другой нет.

Раньше он пах морем, был почти ласковым, особенно иногда. А теперь раскаленный, об него можно поцарапаться, порезаться стеклом, ранки засыплет пылью. Здесь птицы не поют, деревья не растут…

Это город без экстерьера – ему плевать, как он выглядит снаружи, вся красота внутри офисов, квартир, магазинов – обои, диваны, плитка. Ламинат. Паркет. «Идеальная стяжка», «потолок, как яичко». А у людей в этих интерьерах наоборот: слишком много сил на то, чтобы выглядеть, и не остается на то, чтобы быть. На горах мусора щиты с рекламой бутиков Max Mara.

Город без силуэта, без пейзажа, без линии. Если где-то встретится натюрморт – хочется заключить его в рамку, сфотографировать как минимум. Город ударных строек, в тени которых еле заметны дома, которые помню я.

Дом, в котором выросла и жила тыщу лет, теперь оказался кривой пятиэтажкой, на нашем балконе болтается грязная тряпка и больше не вьется виноград.

Такое страшное ощущение машины времени: пока рядом с тобой те, кого не знал молодым, ты кажешься себе вечно-зеленой. А потом приезжаешь в город-призрак, встречаешь седых друзей, и хочется погладить их по седине из своей продолжающейся молодости. А мы ведь ровесники.

У нас во дворе жила дурочка, так, ничего, веселая – могла поддержать беседу о погоде и ценах на хлеб, дружила с котами, ухаживала за цветами. На пару лет старше меня. Ее я тоже встретила – она поливала палисадник из шланга. Увидела меня, улыбнулась, и оказалось, у нее почти нет зубов. У ног трутся больные котята, косынку срывает ветром, полный сюр. Где она зубы-то растеряла?

Встреченные одноклассники стали похожи на своих родителей, у кого-то умер отец, у кого-то мать. Уже началось. Встретила свою первую любовь, и вторую, оказалось, я не

научилась отпускать людей и разговаривать с теми, кого не разлюбила, тоже не умею. Волнуюсь, плету глупости. Значит, живая и, видите, не взрослею. «А ты не подумал, когда увидел меня, не подумал так: «Ндааа, а она постарела…»? Что ему было ответить?

На кладбище, где ничего не растет, прощалась с двумя аскетичными памятниками – мои бабушка и дедушка. На фарфоровых фотографиях они неожиданно веселые, улыбаются и как бы говорят: не парься, и это пройдет. Придать могиле ухоженный вид оказалось невозможно.

По несчастью или к счастью,
Истина проста:
Никогда не возвращайся
В прежние места[5].

Уже в поезде, сквозь сон не могла понять, откуда и куда еду, казалось, откуда-то из чужих стран – наконец-то домой, в тот город, увитый виноградом, пропахший морем, и это там, а не в Москве, на кухне мама моет черешню и персики.

И была там чашечка белая
Опять совершенно целая.
И лампа была
Не разбитая,
И мама была
Не сердитая…[6]

И где теперь моя родина?

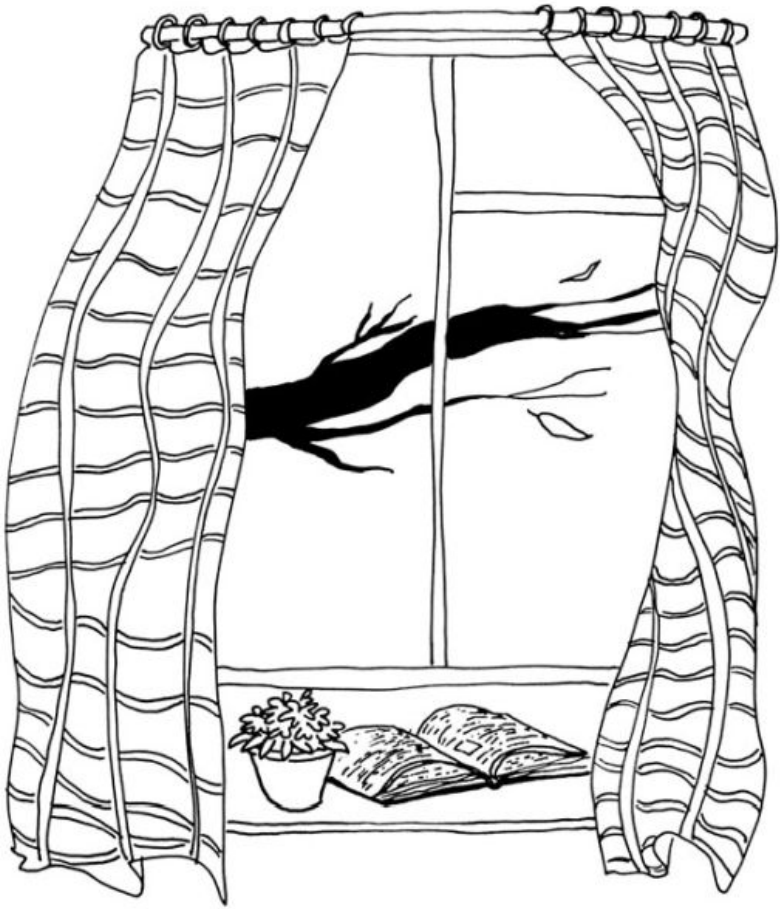
21 октября

Ну что сказать 21 октября, когда до Нового года далеко, а летние впечатления почти стерлись? Впереди холода, темень и реагенты, которые скрипят на зубах.

Приготовилась было встречать золотую осень, а клен перед балконом облетел за вчерашнюю морозную ночь, первую в этом году (хорошо, что успели занести картошку), и когда просыпаешься – перед глазами не багрец, а грустные пятиэтажки. Теперь вся красота – под ногами, но за ней охотятся злые подметальщики, механические и живые. Не во что упереться глазом, и нет числа, которое, как маяк, светит во мраке накатывающей зимы.

Я в тоннеле личного существования, я в него так стремилась. «Коридоры кончаются стенкой, а тоннели выводят на свет». Владимир Высоцкий. Это и время года, и, видимо, возраст сказывается – стала скучать по бабушкам и их безусловной любви. Смотрю на окна, выбираю занавески, которые могли бы понравиться моей бабушке – чтоб льняные в клеточку, тяжелые, старой закалки. Представляю, как вхожу в этот подъезд, сажусь под абажур. И как из окна видно голую ветку на фоне фиолетового сумеречного неба. И как руки еще холодные с улицы, а бабушка уже что-то греет на плите и открывает какую-нибудь банку с соленьем-вареньем, и подсовывает маленькие тапочки, и всплескивает руками: «40-й? У тебя? Ну тогда надень дедушкины».

Я была единственной внучкой у всех четверых бабушек-дедушек, никого из них нет в живых, но сравнительно недавно я стала ощущать их любовь и одобрение. А может, просто стала больше в них нуждаться – и все придумала.



А еще я все больше понимаю папу, на которого сердилась с подросткового возраста – и раз больше не сержусь, значит, этот возраст наконец-то закончился. Теперь, когда отпустило, вижу, как завишу от фамильных черт, и успокоилась: раз папа не сделал чего-то, значит, не мог. Однажды, например, он не пришел на свой день рождения. Гости сидели за накрытым столом, ждали, потом съели приготовленное мамой, потом разошлись. А он не пришел. Теперь и я могу не дойти до стола. Борюсь с собой, но не всегда побеждаю. И все чаще, когда веду себя странно и приходится оправдываться, и никто не понимает, в голове мелькает: «Папа бы понял!» Но папа далеко. Иногда он звонит. Обычно по пятницам. А недавно позвонил в среду.

Я говорю:

– А в пятницу почему не позвонил?

– В пятницу еще не соскучился.

Мы с ним интроверты. Осенью мы обостряемся. И пазлы листьев под ногами имеют значение. Сложатся или нет. И с

холода хочется куда-то, где ни о чем не спросят, а если спросят только: из какой черешни будешь компот? Из белой или из черной? Но последнее время нет даже подходящей занавески, чтоб представить.

Когда-то папа делал домашнее вино и вишневку. Густую, вкусную, как начинка швейцарской шоколадной конфеты и как любимый торт «Пьяная вишня в шоколаде» (по Лемкулю), который всегда пекся в августе на мой день рождения. А про вишневку папа говорил «женский напиток» и не позволял ее пить мужчинам. Это был первый алкоголь, который я попробовала в жизни. Училась смаковать и становилась румяной – снаружи и внутри. В вишневый сезон он ходил к вечеру на рынок, закупался ягодами и что-то там долго колдовал. Потом я уехала в Москву. И он сосредоточился на кислом мужском вине.

Приезжая, я спрашивала: «Вишневка осталась?» Папа куда-то шел, приносил бутылку с осадком на дне. Что означало, бутылка стоит с прошлого года. А может, с позапрошлого. И хранится только для меня. Потом кончилась и последняя бутылка. Я долго везде пробовала какие-то ликеры – всегда оказывалось не то.

«Я предпочитаю быть один, но рядом с кем-то», – сказал Довлатов. «Лучше будь один, чем вместе с кем попало», – советует Омар Хайям. Все очень запутанно.

В таком настроении заходишь в бар с целью, например, согреться. Смотришь карту и понимаешь – водку не хочу, коньяк не хочу, текилу сколько ж можно. Не хочу кислого, не хочу соленого.

– А настойку не хотите?

– Горькую?

– Почему горькую? Вишневая есть.

Радуешься, говоришь: принесите. Пьешь и о, да! – начинает подступать уверенность, что, пожалуй, эта зима не будет такой уж суровой. Что, пожалуй, ты с ней как-нибудь справишься. Что впереди кайфы, и ништяки, и пятницы. И праздники, и дни рождения козерогов.

– Па, а че ты вишневку не делаешь больше?

– А что, надо? Ну, теперь на следующее лето.

Кстати, да.

И лето.

Чистый восторг

Махачкалинский СПА – это оксюморон. Этого быть не может, это подлог. Весь мой опыт, вся теория и практика житья в Махачкале восстали против возможности существования СПА в этом городе, где все расслабляются подпольно. А на людях – профессионально демонстрируют благополучие и понты, не жалея ни людей, ни денег, ни, собственно, себя. Хасият такой.

Однако люстра, ЛЮСТРА – максимально гламурная и розовая, показавшая fuck всей окружающей махачкалинской серости, – люстра в холле сразу обнадежила. А потом в раздевалку, в халат, в хамам, в царство лазурных мозаичных потолков, журчания, плеска, приглушенного света, горячей воды, одноразовых трусов и искусственного снега.

А эта глина на теле! Глина, благоухающая травами, не знавшими пестицидов. А нездешняя музыка! Музыка, звуки которой словно капли горячего экзотического масла – прямо в основание шеи, туда, где давно все свело и болело. Релакс по-о-ойман, затвердевшие мышцы отта-а-а-аивают, из мозга испаряются черные мы-ы-ы-ысли, мы расслабля-я-я…

– Вахь! Дай Аллах здоровья моей невестке! Как хорошо, надо же! – голос с соседнего лежака разрезал целебный пар хамама, как хлебный нож. Будто в сон про парение в облаках ворвался брутальный сосед на «девятке»; как в меню тайского ресторана мог бы ворваться хинкал.

– Дочки покупают мамам программы, – улыбнулась девушка, которая смывала с меня глину. – Взрослые женщины никогда не видели СПА, удивляются. Всегда что-нибудь смешное говорят.

Да разве ж это смешно?

– Никогда я так не наслаждалась водой, клянусь! – сказал другой голос с прекрасным, первозданным негородским акцентом. Точно такой был у моей учительницы русского языка и литературы, которая потом завела себе точку на Восточном рынке, где долго и счастливо торговала халатами, чем и прокормила всю семью, с мужем включительно.

Дальше мы все время пересекались на просторах СПА с этими женщинами, совсем не гламурными дагестанскими женщинами, которые лучше всех умеют трудиться и совсем не умеют отдыхать. Которые сами и заработают на хлеб насущный, и сами же его испекут. Они целые дни проводят на ногах, вкусно готовят, не делают проблемы из «накормить толпу гостей» в час ночи, а утром в свой выходной выбить пять ковров, помыть окна и сходить к больному родственнику. На них все и держится.

Они умудряются содержать семьи, откладывать дочкам на бриллиантовые серьги, покупать сыновьям машины и не покупать ничего себе. Но раз уж дочки подарили им модную штучку – «СПА-программу» и затолкали их сюда, – женщины добросовестно релаксировали: пили чай с мятой и лаймом, рассказывали про массаж и щекотку «от ванны», радовались бассейну и вдруг говорили «балдеж».

– В туалете даже музыка, смотри! Как в консерватории сидишь. Выходить забыла, слушала…

– Шкафчики в раздевалке видела? Как в нашем садике, только побольше.

– Мам, ты на чохский язык идешь со мной сегодня?

– Давай, да, не пойдем, Разийка.

– Ты этот снег видела? Там машинка стоит – тахь, тахь, падает с потолка. Говорят, лицо надо протирать.

И смеются.

Еще они переговаривались из разных комнат.

– Аминат, в клеенку завернули тебя уже? Мне делали, жарко стало!

– Кумушка, ты че там застряла? Домой пора! Пахать кто будет?!

– Кожа такая гладкая, сегодня одна спать даже не хочу, чтоб не пропадала.

– У меня теперь массаж вышел на первое место по удовольствию!

И смеются.

Самое несмешное было в конце, когда все одевались и понимали, что действительно пора вставать и уходить, а они уже мгновенно привыкли к хорошему.

– С ночевкой бывают тут у вас варианты? Чтоб остаться, программа есть?

– Если вы домой не придете, ваши мужья наш салон в окружение возьмут, – ответила сотрудница.

– Да прям! Нам же дочки подарок сделали, не мужья! – сказала одна женщина.

– Прошли те времена, когда они возбухали, – сказала другая. – 15 лет – они нас, всю жизнь – мы их.

– Че, правда? – сказала я.

– Конечно! – ответили женщины хором. – Ты не знала? Это же закон природы.

И смеются.

СПА в Махачкале, безусловно, существует. Он старается, создает эффект уединения, атмосферу любви к себе, держит оборону от суеты и пыли, демонстрирует люстру и

чудодейственные эффекты электронных технологий и человеческих прикосновений. СПА существует и диссонирует с городом, не знающим ни покоя, ни отдыха. Диссонирует снаружи и изнутри.

Бабья осень

Стоим вчера на остановке, все туда набились, потому что дождь идет, с углов крыши текут четыре симметричных ручья, красиво, но холодно и мокро.

Девочка подошла в ботиночках с опушкой, я загрустила – нам их теперь до мая носить. И тут дед с рюкзаком – не модным кожаным, а с брезентовым рюкзаком, как у рыбаков, подходит к девушке и кричит таким образом, как кричат, когда живут со слабослышащим:

– Погодка, да? Бабье лето, видать, отменили!

Девушка достает один наушник, говорит: «Я вас не слышу». Затыкает обратно и отходит в сторону. Дедушка суется с тем же сообщением к заранее безнадежному парню, потому что тот стоит в больших наушниках шенхайзер и немножко танцует в такт своей музыке. Парень бессмысленно поулыбался. Дед был рад. Сделал еще одну попытку «Погодка, да?», но тетка этого даже не заметила – слушала, что ей в телефоне рассказывают. А дед не заметил, что она не заметила. У него истекала последняя возможность пообщаться с внешним миром.

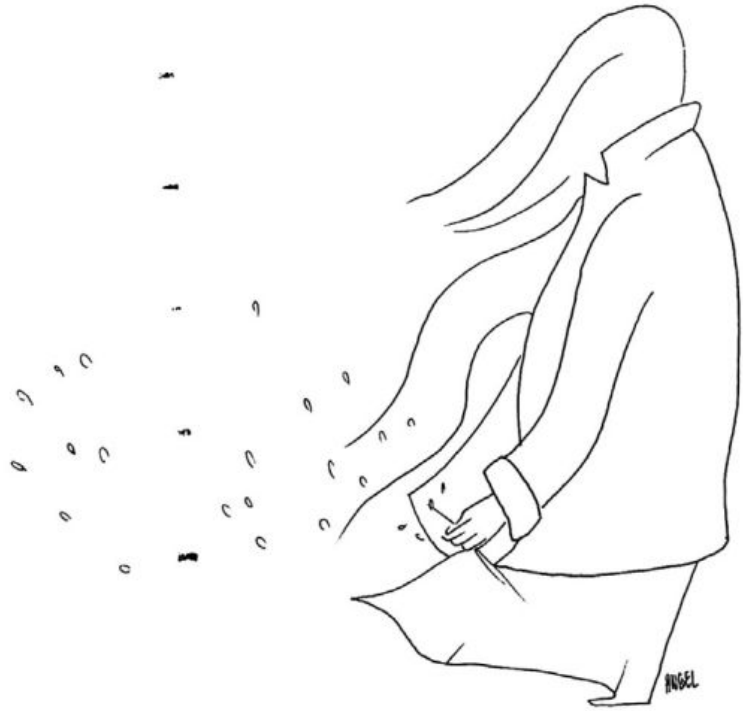
Я ему улыбнулась как можно осмысленней.

Потом подъехал автобус, мы все в него загрузились, дед стоит у окна, и по нему видно, что там, куда он едет, поговорить будет уже не с кем.

Захотелось закинуть его в те видосы, где старики танцуют на дискотеках. Но они все импортные – и те старики и видосы. В России нет мест, где они могли бы общаться между собой.

Психолог говорит, что раз я пишу про тех, кого мне жалко, – это ярко демонстрирует мою основную эмоцию – жалость к себе. Что я проецирую все эти жалостливые ситуации на себя. И он прав, конечно. Видимо, боюсь, что не танцевать мне на дискотеках в 85 лет.

Полгода зима

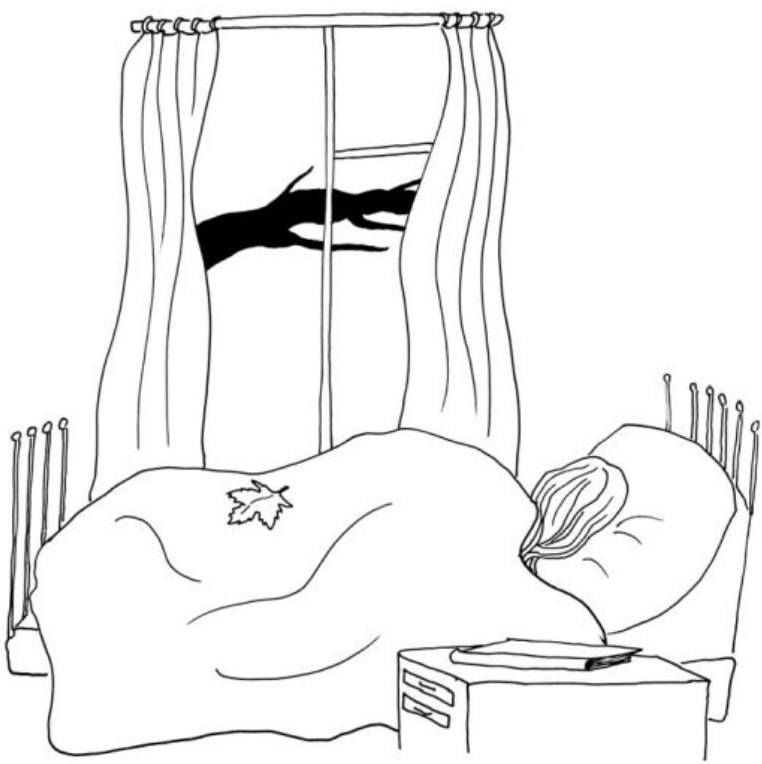


Зима как предчувствие

Настала пора потерянных рукавичек, простуд, катков и наряженных елок. И кого-то у метро уже встречают с санками. Очень завидно.

Выпал первый снег и так исхитрился, что напомнил детство и подарил-таки забытое ощущение обновления, обнуления, принятого решения. Конец метаниям, вступаем в зиму и будем в ней жить. Дышать паром, разглядывать снежинки на рукаве, носить с собой перчатки, бальзам для губ и Strepsils. Очки и коробки с тортами будут запотевать, когда входишь с мороза. Но потом, конечно, оттаивать.

Если мокрую пуховую варежку положить на батарею, то вскоре она покрывается испариной, пух становится белесым и встает дыбом. А как хорошо ее будет потом надеть, перед выходом – сухую, горячую! С полозьев санок натекает лужица, штаны тоже надо сушить, а прежде чем вбежать в подъезд, лучше хорошенько потопать – снег стряхнуть и рабочее напряжение сбросить. Оставить за порогом. Зима.



В детстве я больше всего любила такие зимние дни, когда с утра сходишь к участковому врачу, он тебе скажет: «Больше горячего питья. И приходи через три дня за справкой». То есть болеешь вполне официально, но не так уж мучительно.

И выходишь из поликлиники, снег падает. На улице мало народу, а во дворах вообще никого нет – все в школе, а у тебя впереди целый день, нет, целых три, а если горло останется красным, то и больше – дня свободы. Со сбитым режимом, поздними завтраками, сугробами на подоконниках, бело-белоснежным дневным светом в окна, сиреневыми сумерками и острым чувством свободы, когда можно задремать над книжкой и проснуться уже в темноте.

Только проснуться!

И дождаться маму с работы, и тянуть время, в котором нет никакой подготовки к чему бы то ни было – ни к следующему дню, ни к раннему подъему, ни к контрольной по математике, а есть только таинственное вещество зимнего вечера.

Пока я сидела одна, до последнего не включала свет, мне нравилось смотреть из темной комнаты на черный геометричный силуэт ветки в окне. На фиолетовом фоне неба она образовывала диагональную композицию, как осенью листья, летящие наискосок. И отбрасывала ломаные тени, которые быстро кружились по комнате, если мимо ехала машина.

Потом небо гасло, я шла к выключателю, натыкаясь на угол дивана и остальные углы в комнате. Скоро приходили румяные одноклассники – проведать, рассказать новости и заставить меня записать в дневник «что задали». Последнее мне было глубоко неинтересно.

В ангину на горле я носила шерстяную косыночку, свернутую втрое, к ночи шея начинала чесаться, но косыночку я не снимала – она подтверждала мой болящий статус. Мама приносила молоко с медом, я пила его в постели и читала «Шерлока Холмса» из серии «Библиотека приключений», 54-го года издания. И Ватсон там назывался Уотсоном. С тех пор я люблю вечера, когда на утро никуда не надо идти, и все то в детективах, что не касается поимки преступника. А именно – атмосферу.

Предзима

В городе мне уже начали продавать Новый год – первые робкие елки зазеленели на рекламных щитах, первые гирлянды деликатно моргают в витринах. И для меня это всегда рано. В долгожданный момент запуска новогодних акций во мне всегда еще осень. И мне с ней трудно проститься.

Надо же еще отпустить лето.

И хочется ехать туда, где точно она, какая положено – золотая и ясная.

– В чем вы там ходите? А можно приехать в пальто? Ну в обычном, осеннем…

Приехать и сразу пойти на звук.

И долго сидеть подальше от торговых моллов – у реки. Она звенит на много высоких голосов и побулькивает на нескольких низких. И тополь шумит, как перкуссия, и пучками бросает желтые листья в бегущую воду, и солнце светит с того берега…

Кажется, на том берегу вообще лето. Кажется, на том берегу всегда красивее – солнце просвечивает деревья насквозь, образует в воздухе прозрачность, и не видно ни стволов, ни стеблей, листья парят в калейдоскопных орнаментах, составляют невесомые силуэты крон.

И засыпаешь там, на своем берегу, пригревшись – на скамейке на солнцепеке, и лицо сгорает и потом румянится и щиплет. 20 ноября.

А просыпаешься, свет уже порозовел, намекает на сумерки, и можно вступать в общение с отдельными закатными лучами. Их рядом два или три, они направлены на разное: на дырявую плетеную мебель – ее не выбрасывают потому, что дырявая она смотрится кинематографично; на лист импортного клена с удлиненными красными листьями; и прямо на камень, об который бьется река и разбрызгивается каждую секунду.

Рядом в тени стоит дерево-айва с очень черной корой, она в другой крайности: сбросила все листья, но удерживает плоды. Стоит голая и нарядная, просится на холст, но я не умею рисовать.

Слышишь утробное кряканье уток, а сквозь один из знакомых лучей пролетает бабочка. Может, это был ее последний день и он заканчивается.

А тебе еще что-то осталось.

Ночью выходишь послушать реку, в темноте у нее другой голос.

У всех в темноте меняются голоса, и будто легче на что-то решиться.

Сидишь, качаешься на качельках, думаешь, сфоткать, что ли, листья на дне бассейна, вспоминаешь Грэма Грина, как лирический герой ночью чистил бассейн, из которого спустили воду… И это было что-то про одиночество.

Река разговаривает ночным голосом, и разговор ладится. И сквозь первозданную темноту, которой так идет лай собаки, с неба вдруг начинают проступать звезды. Они проявляются и на глазах становятся все больше и ярче, как от фильтра «Людвиг» в фоторедакторе.

И вспоминаешь про город, и как трудно жить под небом, на котором нет звезд. Просто не хочется, чтоб оно в принципе пустовало.

И уже знаешь, что осеннее счастье всегда сильней новогоднего, и сколько ни провожай, отпустить эту осень невозможно. Она останется тут, у реки.

Но надо попытаться встретить Новый год. Город заставит.

Медленнее жить

Тот, кто выпьет воды из колодца,
обязательно засмеется!

Эмма Мошковская

Вот уже скоро предновогодняя истерика зазвенит в воздухе фальцетом. Возьмет самую высокую ноту – и что-нибудь обязательно разобьется. Елочно-подарочная суетень выходит на финишную прямую. Но чем ближе Новый год, тем медленнее хочется жить. И вещи, которых хочется больше всего, – чем проще, тем недостижимей.

Вроде чего-то совсем простого требуется – деревянного, каменного. Патриархального. В противовес искусственному хочется настоящего: ухоженных деревянных рам, покрашенного масляной краской широкого подоконника, на подоконнике – яблок, айвы; беленого потолка и ничем не покрытых дышащих стен; во дворе – качелей; тишины, а не затишья; чтобы рядом кто-то пел ребенку: «Видишь, сияет звездочка, месяц плывет на лодочке…»[7]

Чтоб скрипели половицы, как в рассказах Паустовского;

очага, потрескивания, огоньков вдалеке – чтобы мерцали, но не приближались. Кота хочется – независимого, который гуляет сам по себе и все-таки остается при мне. Хочется ледяной корочки на воде – в ведре, в сенях. По ней стучишь, а она гудит, скрипит и трескается красивой ломаной линией. А потом стоять босиком и пить эту воду прямо из ведра. И этого чувства хочется, как когда едешь с горочки, не важно на чем, и прямо – у-ух!

Хочется начать относиться к рыбе и мясу по-первобытному, как к еде и добыче, а не как к братьям нашим меньшим. Живого огня вместо света мониторов и галогеновых ламп. Молоть кофейные зерна в ручной кофемолке и не задаваться вопросами бытия и небытия, а читать ответы в вечных книгах и нисколько в них не сомневаться.

Хочется все знать точно. Как детей воспитывать, как пироги печь. И делать это неторопливо, спокойно и с достоинством. Услышать, например, такие слова: «Я всегда буду любить тебя». И спокойно и с достоинством в них поверить. Всегда, значит, всегда. Вообще не знать, что бывает по-другому. И быть как в песне «Ой мороз, мороз», где «у него жена-а-а-а, ой ревнивая». Или хотя бы уметь делать вид.

Хочется мороза, снега, чтоб закуклиться в нем, «умереть, уснуть и видеть сны»[8], быть может? А на стекле чтобы – кружки и стрелы, а в комнатах звук механических часов. Ну и конечно, чтоб «падали два башмачка со стуком на пол, и воск слезами с ночника на платье капал»[9].

ANGEL

В Новом годе нет ничего нового, как и в новостях, бесконечно ползущих изо всех щелей. Ожидание, предчувствие, приметы праздника – так затасканы маркетингом, что не работают. Ах мандарины, ах запах хвои, ах как в детстве… А сейчас что? Ожидание праздника, как ожидание тишины. Чтобы все уехали, а я осталась. Чтоб остановиться – сейчас или никогда. Чтоб напряжение спало, чтоб остыли пустые офисы и трассы.

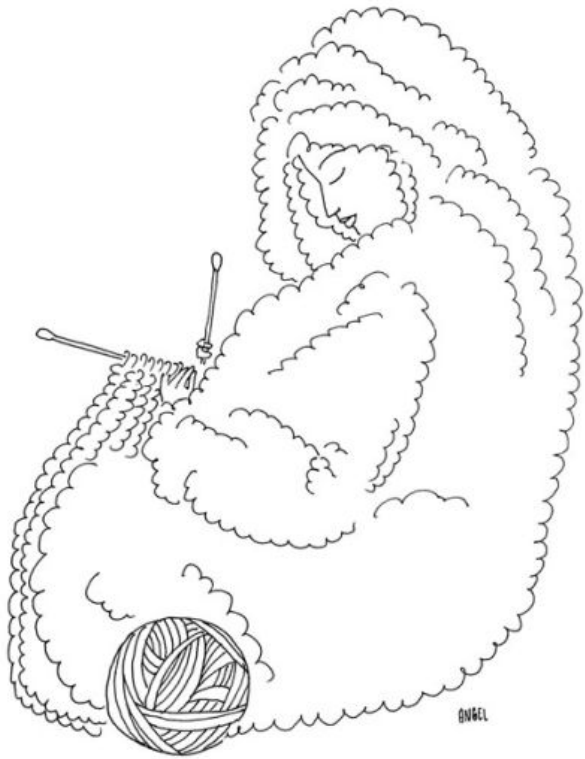
И с 31-го на 1-е – никаких салютов, серпантина, шума, тостов, подведения итогов. Никаких чемоданов, поездок в жаркие страны и неизведанные земли. Все они изведаны, открыты, истоптаны, усеяны бутылками кока-колы. Самое интересное и неизведанное – я сама, и к себе я бы хотела уехать. Хоть ненадолго. И Новый год с каникулами для этого – самое время. Уехать на поезде, в купе без соседей и телевизора. А из окна чтоб – горы, равнины. А на станциях чтоб бабки с яблоками. И сойти чтоб не на центральном вокзале, а где-то случайно, где стоянка полминуты и туман стелется по доскам полустанка, и я одна на перроне.

Наверняка очень неплохо, когда отель многозвездочный и можно повесить снаружи табличку «Перерыв на себя», но я бы хотела приехать в деревянный дом с хозяйкой, а рядом чтоб лес с

лосями, а в лесу кормушки. А у хозяйки чтоб курица, которая несет по одному яйцу в день, смешные сапоги и соседка, у которой можно покупать молоко и творог. И никто не говорит по-русски – не засоряет эфир.

Для этого нужно что-то нематериальное, вроде рождественского чуда. Вроде маховика, чтобы он приостановил время и вместил вечность в каждую мою минуту.

Вообще, я опасаюсь думать о ВЕЧНОСТИ, но это слово тоже подморожено – его собирал Кай из кубиков льда у ног Снежной королевы. Все-таки Новый год.



Возвращение елки

Вода поменяла вкус, конфеты «Раздолье» теперь с арахисом, ковры больше не чистят на снегу, воздух грязный, в мире война за территории, битва за нефть и человечество в опасности… Но живая елка, эти ее зловредные маленькие иголки пахнут точно так же, абсолютно так же, как раньше. Я вчера понюхала и вспомнила все.

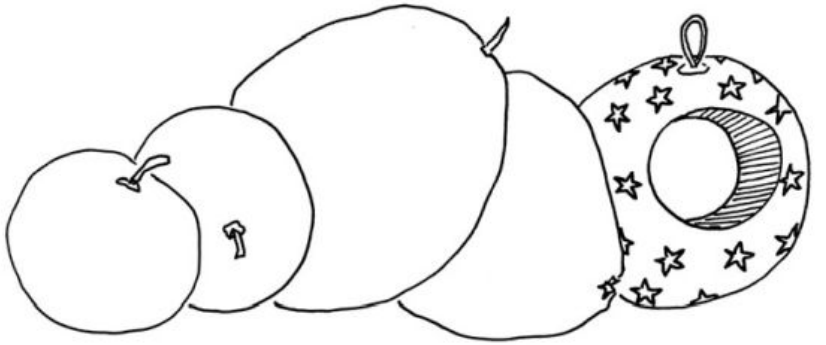
Кажется, запахи мощнее всего действуют на бессознательное. Поднимают со дна самые мелкие частицы – воспоминания, подробности, всю атмосферу прошлого целиком, цельной картиной. Укололась я носом об елку, которая уже оттаяла и «задышала» в тепле, – и перед глазами поплыл орнамент на обоях нашей старой квартиры, их нежно-желтый цвет.

Где он хранился 36 лет? У основания шеи? В правой пятке? Откуда всплыл так ясно? Со всеми узорами, с маленькой пуговкой на манжете платья, с неуверенным жестом, которым я вешаю бледный шарик куда-то поглубже, к стволу, потому что он кажется мне беззащитным. Мне все тогда казалось беззащитным. И сейчас многое.

Какие смешные были эти елки, которые родителям удалось «достать», «оторвать», «ухватить последнюю» – помятые, лысоватые. Всегда прежде чем наряжать, их долго крутили, искали какую-то неведомую «другую» сторону, поприличней. А иногда связывали по две, а то и по три, чтоб изобразить пушистость.

Но сначала они стояли у всех на балконах – идешь по городу – балконы заколосились – о! Новый год! Или лежишь, засыпаешь, а мама пойдет на балкон белье вешать, а оттуда хвоей как пахнет! Щастье-щастье.

Я не покупала елку лет 25. Гордясь своим экологическим сознанием, ставила искусственную. Думала – это цивилизованно. И потом еще эти иголки в ковре, в волосах и за плинтусом, которые выметаешь до мая. А теперь выясняется, что елки, которые продают, – это либо подлесок, который все равно гибнет, либо специально выращенные к Новому году деревья (которые все равно уже срубили). А теперь выясняется, что мой глубоко внутренний ребенок чуть не погиб там, у меня внутри, пока я носилась со своей взрослостью, цивилизованностью и «зеленым» мышлением.



Вода поменяла вкус, в конфетах «Ассорти» уже нет «белой» начинки, воздух грязный, в мире война за бакс, битва за нефть и человечество в опасности. А я боялась одну елку срубить. И получила минус один праздник в свою жизнь. Минус один праздник из двух.

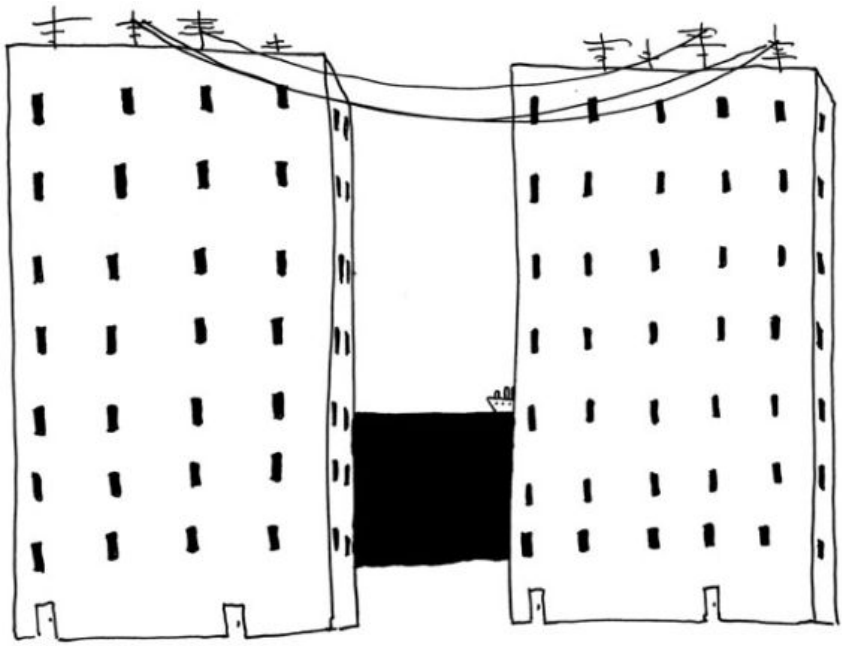
Нет уж, экологическое сознание – хорошо, счастливый ребенок (один внутри, два снаружи) – бесценно.

Воротишься на родину

Воротишься на родину и вечером в темноте слышишь, как во дворах почему-то пахнет травой и весной, а утром в окно бьет солнце, какого в Москве не было с августа. На щеке нагревается квадратик. И обступают звуки, возвращающие приблизительно в четыре года. Вот где я давно не была. Лет 38.

Тут у котов круглый год март, они завывают, они орут жуткие горловые песни, отчаянно призывая к отношениям. Им не лень, им очень хочется. У тысячи воробьев в пирамидальном тополе утренняя планерка, на которой все галдят и все не по делу. Машина газует долго и с удовольствием, водитель ее завел, но не уезжает, будто хочет погарцевать. Простыня полощется на ветру, буквально навевая мысль о парусах и фрегате. Все это одновременно. Потом приходит женщина и кричит: «Рыба! Рыба!», легко перекрывая котов. Я вспоминаю, что на родине никому не жаль вкладываться во взаимодействие с внешним миром, общение и продолжение рода.

Например, в моем московском дворе живут два солидных ворона. По ним сразу видно, что они живут тут на сто лет дольше любого, и это их собственные два дерева, три крыши и, конечно, козырьки и портики. У них свой режим, и быт налажен. Суетиться им незачем, чаще всего они сидят неподвижно. (Я тоже). Издалека примечают, если положишь горбушку на подоконник, медленно подлетают, требовательно смотрят боком в окно и уносят корочку куда-то к себе на кухню. Их сменяют деликатные бледные синички. Тук-тук-тук. Бывает, у меня это самые серьезные внешние события за день. Дальше тишина.



В Москве с трудом заряжаешь батарею и расходуешь зарядку бережно, порционно, только на самые необходимые звонки и действия. В Махачкале вспоминаешь, что есть много всего, что заслуживает внимания, и начинаешь подозревать, что именно оно и называется жизнь.

Всегда есть варианты

– Устала.

– Приезжай домой.

– Что там делать?

– Махачкала идеальна, чтобы не делать ничего.

Но ведь хотелось же найти разумную пропорцию труда и отдыха. Планировалось как побег из мегаполиса с целью сосредоточиться на главном: работе, работе и работе. Типа, что в Махачкале еще делать? На рынок, что ли, ходить за бараниной? Да никто уже сам не готовит, все заказывают с доставкой. А дальше что планировалось? Ну, выловить релакс, выловить гормон, потом выловить бодряк. И все это удалось. Кроме работы.

Понимаете, у меня с Махачкалой общий уровень влажности и атипичная любовь к ветрам. Из-за влажности Махачкала растворяется во мне, а я в ней – мгновенно. Один вдох смешанного (морской со степным) воздуха в районе аэропорта Уйташ, и вот оно: есть контакт. Ты внутри родного аквариума, родного болота. Зелено, мутно, сидишь, немножечко разбухаешь.

Но тут налетают ветра. Ветра полощут, болтают, продувают насквозь вместе с волосами и межполушарными связями, и я никак не могу собраться. И работать, работать, работать. Увлажняюсь и полощусь на ветру. Дышится хорошо, вороны летают, чайки, иногда туман, иногда дым, пахнет то мусоркой, то лимонным кремом, уличные коты на своих постах – никакая экология зверское либидо не берет.

Тут никого ничего не берет. Свободное жонглирование временем, роскошные привычки, семейные ценности, всюду жизнь и не служебные, но очень важные дела. Любые мировые тенденции игнорируются или подвергаются обструкции. С 1 января идет дождь, подоконник в спальне очень чувствительный: сутками транслирует ветер и дождь – тоже полощется, усиливает ураганные порывы и стаккато дождевых капель.

Хочется слушать свой подоконник и греть пироги в духовке. Стройные слова в московских текстах ускользают, проходят по касательной от ближайшей извилины. Жизнь выскальзывает из всех графиков, перетекает в интуитивное существование. Тепло или холодно, острое или сладкое, каблуки или кроссовки, с неба льет или сыплется манкой?

Иногда между домами видно 30 сантиметров зимнего моря цвета грифеля. В принципе всегда знаешь, где оно. И едешь либо вдоль, либо К, либо ОТ него. Бывает, море только пахнéт и даже не покажется, но присутствует и волнует рядом. К нему хочется.

Так просто и подышать. И чтоб на кожу осела соленая морось.

Влажность заползает через кожу, ты расслабляешься, а если вдруг и солнце в окно, и воробьи истерически чирикают, тут же появляются эти прекрасные махачкалинские мысли «сегодня уже ничего не делать и пойти к Лене поговорить, как жить дальше. А по дороге купить тот новый тортик, очень легкий, понимаете, без теста почти…» – «Он невероятный», – сказал Махмуд. А когда Махмуд говорит «невероятный» – значит, надо как минимум пригубить.

А щучья икра, страшно свежая, пахнущая уютным речным дном, да на свежем хлебесмаслом… С корочкой. А кофе надо брать только «живой» и молоть в армянской кофемолке в пыль. В пыль! Только так! Иначе ерунда получается.

Сегодня прям с утра сяду и ка-а-а-ак поработаю, думаю я. А с утра начинаются резкие движения в окружающей атмосфере. Салюты, салаты, компоты. Ты едешь к нам или нет? Открой вон тот баллон! Это черная смородина или виноград такой? Терпкий.

А чуду с тыквой?

«В том кафе закажи, где они добавляют специю прикольную…»

– Э-э-э, гараж! Прикольная специя – это тмин!

* * *

– Новую «выпечку» пробовали? Название пафосное, но лимонник шикарный.

– Я не могу есть в кафе, где даже на блюдце золотая лепка, не говоря о стульях и потолке.

– Говорю, лимонник попробуй там.

* * *

– Шамайка – это рыбка, как тарашка, только жирней, классика к пиву. Взять?

* * *

– С охоты зайца привезли, готовят в гараже там. Три дня охотились на трех машинах, два раза застряли, толкали, ночевали в поле, привезли одного зайца. Но вкусный был, базару нет.

* * *

– Юля открыла салон красоты. Надо идти и делать там ВСЕ! Можно так? Прийти и сделать там сразу ВСЕ?

Оказывается, для того в Махачкале и на земле существуют салоны. Идешь сначала туда, делаешь ВСЕ, и только потом без единого пятна и волоска на солнце – по гостям и свиданиям.

Завтра точно. Решаю я и верю в себя, как учат коучи. Завтра поработаю. В инет ни ногой, в город тем более – сосредоточусь и-и-и-и!

Но вот прекрасная мысль про массаж. В Махе дешевле, и ездить недалеко. Надо ловить момент. Начинаю ходить на массаж. Возникают странного рода проблемы: «Куда-куда ты? И что теперь? Из-за твоего массажа пять человек будут сидеть и не начинать?»

А еще хочется к Савельевой на дачу. У нее в январе цветут ирисы и розовеют маленькие клубнички на грядках – просто, чтоб сделать Савельевой приятное. Как в сказке «Двенадцать месяцев». Потому что Савельева – художник, она на светлой стороне.

Дальше обступают девочковые заботки. На ногте облетел новогодний шеллак, надо обновить, записываемся. У сережки оторвалось ушко и потерялся маленький камешек, надо отдать в ремонт в ювелирную. Договариваемся, едем.

– Девушка, ало, вы почему не выходите к такси? Водитель 20 минут ждет.

– Я уже доехала куда надо и чай пью. Это не ваше такси было?

– А это вообще такси было? Вы уверены? В следующий раз осторожней.

И все заверте…

Дел становится все больше, и все важные, мыслей не остается. А если появляются, их тут же можно заесть, запить, от них можно уехать в поле, в горы, к морю, заползти в подвал играть в нарды или, наоборот, сходить посмотреть на скульптуру и графику и прочее очень актуальное искусство.

– Что на выставку не пришла? Нет, это другая. Вчера была в музее города, а та в галерее. А завтра…

* * *

– В горах сейчас красиво, но холодно. Можно поехать на лыжах кататься в Чендыр-Чиро. Вчера пацаны вернулись, сказали: «Снег есть». Что тебе еще надо, чтоб кататься? Умоляю, какой

сервис?

* * *

– О лимонады! Ручная работа, прям при нас? Сколько видов? Будем сначала смотреть, потом пробовать. Махмуд, может, давай прямую трансляцию? Почему? Да у вас сутками живут в состоянии прямой трансляции в инста!!

– Тут ниче не ловит.

* * *

– Ты далеко? На углу семки возьми и папиросы.

* * *

– На кабана – едем? С тепловизором метров с трехсот каждая мышка видна. На снегу! Ночью! Зайцы, лисы, волки попадаются…

* * *

– Видел глаза? Это лиса, стреляй!

Лиса почему-то остановилась. Стояла, смотрела в нашу сторону, приглядывалась зачем-то, упала на бок. И через минуту уже лежала в машине спиной ко мне, тело и роскошный хвост болтались в разных амплитудах, и сразу запахло, как в вольере зоопарка, диким зверьком.

– Ну вы убийцы.

– Ты молчала, пока я целился.

* * *

– Папа, я так на тебя похожа, даже в мелочах.

– Я это замечаю и вздрагиваю!

* * *

– Приезжай вечерком, будем играть в слова.

– Да ладно. Это как в города, что ли?

– Ну ты не в теме. Англичане называют это скрабл, а советская промышленность переименовала в «Эрудит».

Махачкала и скрабл!

* * *

– Халилов, он, понимаешь, он – художник! Он любое пространство превращает в выставочное, сразу с готовой выставкой. Вон, взял написал на стенке «Всегда есть варианты». Теперь ходишь по комнате, говоришь, например, по телефону о сложном и читаешь: «Всегда есть варианты», «всегда есть варианты»… Надо об этом помнить. Как-то разряжает обстановку, отменяет напряжение. Потому что всегда есть варианты. Они правда есть.

* * *

– Махмуд, тебе пошла бы маленькая стильная корона.

– Не, не хочу.

Вернулась в Москву, думаю, ну что тут делать? Только работать, работать и работать.

Задумчиво перестирала свои влажные махачкалинские наряды и затосковала навеки.

Пятница-вечер

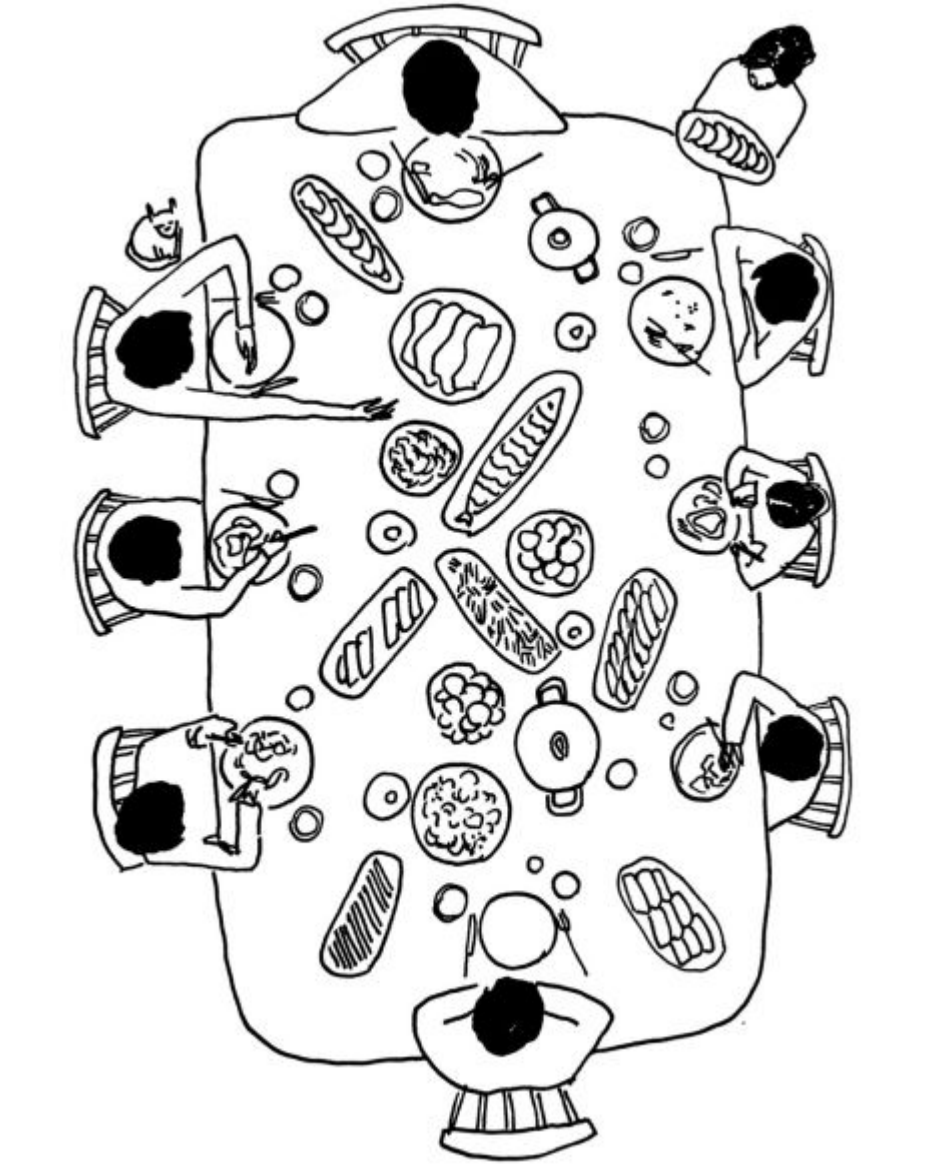
По дороге в гости я немного поговорила с таксистом о жизни. Таксисты не подвержены паническим настроениям, не говорят, что надо «валить из рашки», и стоят на близкой мне позиции «разберемся, если что». Мой вообще сказал, что не в курсе про политику, он по ночам работает, а по ночам все колбасятся и едут домой веселые.

В гостях мы ели рыбное, мясное и сладкое после семи, и даже после одиннадцати, пили балентайнз, от которого резко мудреешь, и тоже говорили, и смотрели сериал «Бесстыдники», и говорили – вот же прям как про нашу жизнь, и – о, у них даже такой же унитаз, в Америке! И говорили, что «либо жить, либо писать о жизни», и вспоминали наших бывших и говорили, что правильно, что мы с ними расстались, и говорили про наших нынешних, и выходило, что хорошо, что они у нас есть, и быстро поговорили о кризисе сорокалетия, что его нет, когда нет ожиданий, и обсуждали ситуации с детьми и говорили, что иногда можно так, а иногда эдак, и признавали, что по бывшим иногда страшно скучаешь, а нынешние не без недостатков, и, напившись, договорились даже до «посмотри, как мы живем!» и это ужас, чем на самом деле оказалась жизнь, что само по себе и не ново, но есть кто-то, у кого все намного хуже, и разъехались.

По дороге назад я снова поговорила с таксистом, который сказал, что только вышел на работу после празднования Нового года (29 января), «как завелись с пацанами…», и что до этой ночи он работал в принципе только на КАМАЗах, и эти легковушки – это фуфел какой-то.

А в воскресенье ночью я стояла у окна, потому что шел снег и («фонари в окне, обрывок фразы, сказанной во сне, сводя на нет, подобно многоточью не приносили утешенья мне»[10]– они никогда не приносят) и мне хотелось еще говорить о жизни, а

жить ее еще не хотелось. А впереди был понедельник, здоровое питание и стихотворение «Смерть поэта», про которое я обещала учительнице, что Гас его выучит.



Из подъезда напротив вышли мужчина и девочка в разноцветных похожих шапочках. Я подумала, что это папа забирает дочку от бабушки после выходных, и что девочка соскучилась, и что шапки – это им бабушка связала. Девочка чего-то говорила и немножко подпрыгивала на каждом шагу, а

мужчина кивал. Они подошли к машине, отец сел за руль, а девочка нарисовала на сугробе лобового стекла сердечко. Раз-раз, и готово.

А потом оказалось, что машина не заводится. Он пробовал, пробовал, вылез и, наверное, сказал, что придется пойти пешком. И я поняла, что девочка обрадовалась. Потому что, когда едешь на машине, ничего не успеваешь по-человечески рассказать, а когда сначала идешь пешком, а потом едешь на метро – это целое путешествие. И можно «нормально повидаться». Она не запрыгала, не захлопала в ладошки, как делают девочки, которым, например, машины дарят. Она просто взяла его под руку, и они ушли.

Мне бы что-нибудь такое… подумала я.

Сердечко на лобовом стекле скоро засыпало, и снова захотелось поговорить о жизни, а зажить ее не захотелось.

Frozen

– Сейчас все объясню, станет понятно, честно! Прихожу я, допустим, с работы. Голова – как лампочка, в середине мильен нитей накаливания и все раскалены, вот-вот лопнут. Хотя, лампочка – это слишком воздушно. «Я большой, измученный кит-касатка, лбом упавший в его плечо»[11]. Нет, обычно я – дерево, у которого с треском горит крона!

Или будто в голове происходит греческая трагедия, только вся она исполняется хором. И там страсти кипят, все друг с другом спят, друг друга травят и умирают вповалку.

И вот, представь, я прихожу к нему. И прямо с порога ощущение, будто внезапно выезжаю на пустую заснеженную равнину. Очень быстро, как на санках, выезжаю и останавливаюсь. Вжик… и тишина. Я остываю, лампочка выключается, хор умолкает. Пожар в кроне гаснет, остается дымок. Я начинаю щебетать, потому что нельзя сказать – «разговаривать». Щебетание – это речь, которая идет не из мозга и вообще никак не связана с головой.

А потом я будто медленно-медленно на цыпочках топаю в дальний угол той безлюдной равнины. А там ну, что ли, юрта – и огонь горит, и шкуры расстелены, и любовь, и новый пожар, новые лампочки и хоры по всему телу. А утром – я такая легкая, что пока собираю одежду и бегу назад, то не оставляю следов на снегу, как эльфы. Ладно, без подробностей.

Злилась, когда спрашивали: «Он вообще хто?» Потому что не знала, что ответить. Между прочим, если это нельзя объяснить одним словом, «кто он», значит, никто. Например, водитель, строитель, юрист, бармен. А я говорила: можно! Можно! Потом подбирала слово и говорила: он… волшебный! Такой наив. Прелесть.

Во мне всего много, и оно бурлит, выплескивается. По Маяковскому: «Ночью хочется звон свой спрятать», а некуда. Или сейчас все женщины такие?

Раньше меня надо было делить на три, чтобы не топить первого попавшегося мужчину в потоке речи и заморочек. На три с остатком. Один меня никак не мог потянуть. А потом я встретила его, и сия пучина поглотила меня.

Или сейчас не говорят: «я встретила его и…» Это мимимишно?

Помнишь обычное радио? Приемник, у которого колесико крутишь, указатель бегает по названиям городов – Норильск, Архангельск, Оттава, Токио. Энергичные голоса дикторов мелькают, языки разные, мир живет где-то там, разговаривает иероглифами и арабской вязью. Американцы рычат, французы курлыкают, корейцы загадошно поют свои гласные, все понятно. Крутишь, крутишь колесико и раз – тишина и шуршание. Глубокий космос. И только иногда что-то прорывается, какие-то обрывки. Белый шум называется. Он всегда меня интриговал, я

силилась понять, что происходит в этот момент в эфире. Но тишину не расшифруешь.

Так и он. Он что-то говорил, транслировал, и я вслушивалась, и кайфовала: белый шум и никакой лишней информации.

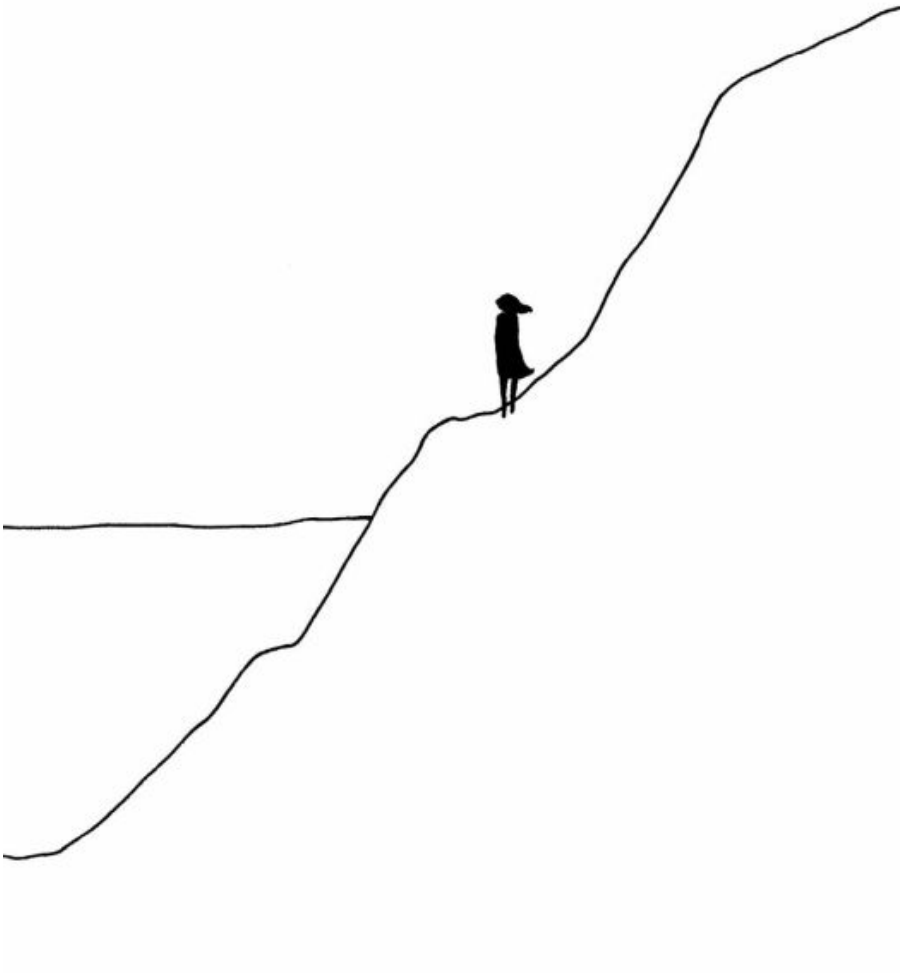
Нда-а-а, мой белый шум, моя равнина, мой пункт назначения, моя малая родина… И все было бы прекрасно, если бы я не захотела жить в этой юрте и белом безмолвии. Сил уходить по сугробам уже не было. А у него не было столько фреона.

Ладно, все равно никто не живет с тем, кого сильно любит. Я не пробовала, но, говорят, это так трудно, что невозможно. Зато теперь я ем много шоколада и встречаюсь с тобой. Мы абсолютно одной температуры. У нас все нАрмально, тебе не понять про любовь. Ты говоришь: «ну не приду-у-у-у-у-умывай! Этот твой, наверное, просто очень хорошо трахался. Животный магнетизьм, мать его».

Идем спать, спрячу тебя в мягкое, в женское. Сегодня на adme видела открытку – «Мы любим один раз, потом ищем подобных». Любила я его, а ты бесподобен.

Программа выхода из кризиса

Сначала долго-долго плакать,
больными, непрозрачными слезами.
Сотрясаться от рыданий,
скулить, причитать, размазывать сопли,
прям не мочь успокоиться,
говорить: как же так? как же так?
Наконец-то плакать по тому,
кто стоит где-то там, в одиночестве,
и его никто не понимает.
По всем, кто уже не придет назад,
про кого я даже не знаю и не могу знать.
Плакать по всем,
кому не пожала руку,
не погладила по голове.
На кого мне не хватило
времени, слов, эмоций,
сил улыбнуться, и главное – сочувствия.
А также по всем, кому не хватило
всего этого
на меня.



А потом, когда все оплакано и отпущено,
умыться холодной минералкой
и долго-долго спать
в хорошо укрепленном месте.
За семью замками,
на старом кожаном диване,
под пледом в серую клетку.
Спать день и ночь,
и на рассвете и в сумерки,
иногда слышать, как мимо едет мотоцикл,
как смеются дворники под окном
и слушают свое дворничье радио.
А потом чтоб кто-нибудь принес чай с облепихой
в хрустальном стакане,

в серебряном подстаканнике,
и спросил: ну, что
передохнула?
А потом долго-долго ехать в горы,
на хорошей большой машине
с кожаными сиденьями.
Смотреть по сторонам и в небо,
пугаться скал и узких ущелий.
Останавливаться, заглядывать в пропасти
и слышать, как река ворочает камни,
и знать, что вода ледяная, а камни огромные.
Покупать по дороге горячий хлеб
и какие-нибудь ягоды в бумажных пакетиках.
Вестись на всякую лабуду продавцов,
типа: «Женщина, это очень древний свисток,
залезь с ним на гору,
просвисти три раза,
и ветер принесет тебе
счастье».

А потом приехать в гостиницу
в облаках и туманах,
не знать языка, на котором говорят хозяева,
подарить свисток маленькой девочке,
сидеть у камина
и долго-долго
делать там что-то предельно бессмысленное,
типа мыловарения.
….
Войлоковаляния.
…
Иероглифописания.
…
Кружевоплетения на коклюшках.

Хороший план.
Правда, если я все это сделаю,
из экзистенциального
мой кризис сразу же станет
экономическим.

Я сама для себя надежна

Сначала лирика. Эпиграф из Галчинского: «Быть у сердца люблю твоего. Близко. Рядом. А за окнами – снег. И вороны под снегопадом…»

В 19 лет у меня была большая любовь. Время от времени я звонила и просила приехать срочно меня спасти.

– Приеду завтра, – говорила большая любовь.

– Завтра? Мне плохо сегодня.

– Сегодня сама. Тебя каждый день можно спасать.

Так и было – я легко погружалась в отчаяние и быстро, камнем вниз, достигала дна. Такое у меня было устройство. Пришлось учиться спасать себя самостоятельно. Познакомиться с формулировкой «Я сама для себя надежна» и вписать, вколотить ее в подсознание. (Про способы потом.) Это помогло. Я представляю ее в виде прочного, из оборонного сплава, гибкого стержня – буквы вязью вдоль позвоночника: «Я сама для себя на…» Но иногда, все реже, – накатывает. Стержень слабеет, вязь распускается, силы вытекают и будто собираются под кроватью, как ртуть. И здрасьте, «лежу в такой огромной луже»…[12] И не могу встать. Однажды в этом состоянии купила новую синтепоновую подушку, мне казалось, старая перьевая набита моими черными мыслями. И уже не про- сохнет.

В очередной кризис, когда было «все плохо», психолог дала мне задание. Не просила, не советовала, а именно велела сделать вот что: записать на листе А4, что в жизни мне нравится. Что радует. Не большое-пребольшое, как мир во всем мире и всеобщая гармония, а то, что рядом, всегда под рукой, мелочи, ерунда всякая.

Надо было взять любимую ручку, которую приятно осязать в руке, и чтобы она оставляла на бумаге мягкий, непрерывный, бархатный след, отступить поля сверху, справа и слева, и вспомнить хоть что-нибудь. Мне было трудно дышать, не хотелось ни есть, ни пить, вообще ничего. Но так как я обратилась за помощью к психологу и была у него в кабинете, пришлось подумать и написать: я **люблю…**

…свой завтрак,

…свою армянскую латунную турку («ей 20 лет», зачем-то добавила я),

…запах молотого кофе,

…когда воробей прилетает на окно клевать крошки (или синичка),

…смотреть на ворону, которая сидит под снегом на дереве: хлопья падают, а она даже не вертит головой (и не улетает).

Прием закончился, я понесла листок домой, а вечером достала его, помятый, из сумки и дописала, что еще люблю…

…целовать детей в лоб, под челкой (мама говорит, там «пахнет перышками»),

…ложиться на правый бок с книжкой,

…писать друзьям: «Ну как там?»,

…свои духи Chanel Chance (и Chanel Allure, вечером),

…свои серебряные кольца, особенно одно – с кораллом,

…когда на работу звонит Гас, решительно говорит: «Мам…» – и делает паузу,

…когда Ася спрашивает: «Знаешь что?» – и на ходу придумывает, что рассказывать.

Перед сном, когда уже выключен свет и обычно думается о всякой бытовой фигне (за что не плачено: свет, вода, счетчики, и что гречку надо купить) или о вечном (вдруг меня похоронят живую, а я проснусь), я лежала и разбиралась с обрушившимся на меня потоком мыслей про разные милые штуки. Помню, встала, пошла босиком к столу, включила настольную лампу и записала: я **люблю…**

…сидеть в греческом зале Пушкинского музея – там все пропорционально, бело, гармонично и потолок стеклянный,

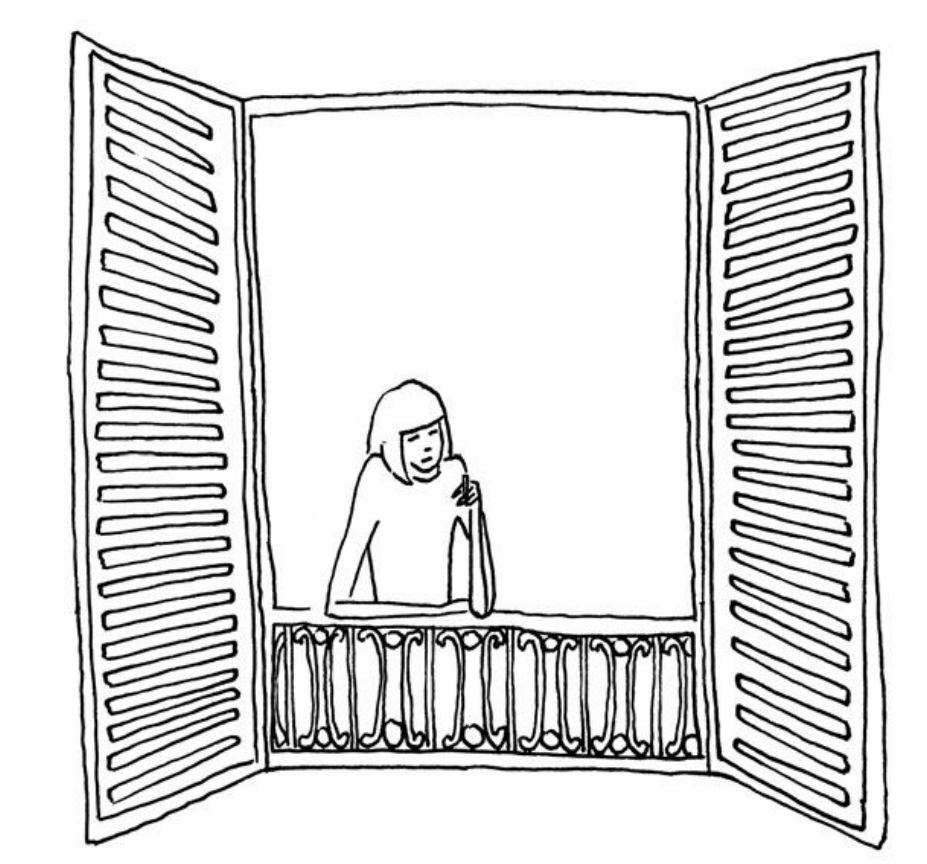
…профитроли с лимонным кремом на Гоголевском,

…когда целуют между лопатками («и, уходя, губами сладкими, две родинки поцеловать между лопатками»),

…сесть на пол, вытряхнуть из конвертов «Унибром» бумажные черно-белые фотографии, где родители моложе меня сейчас, и у них там своя жизнь еще до меня, и долго фотографии перебирать и разглядывать,

…когда ничего не надо говорить и все понятно,

…цвет мрамора на станции «Сретенский бульвар» (он не коричневый и не розовый, он – нежный, и его видно прямо из вагона).



Утром мне было легче дышать. Я работала, писала, а под клавиатурой у меня лежали два новых листка с перечнем. Я **люблю…**

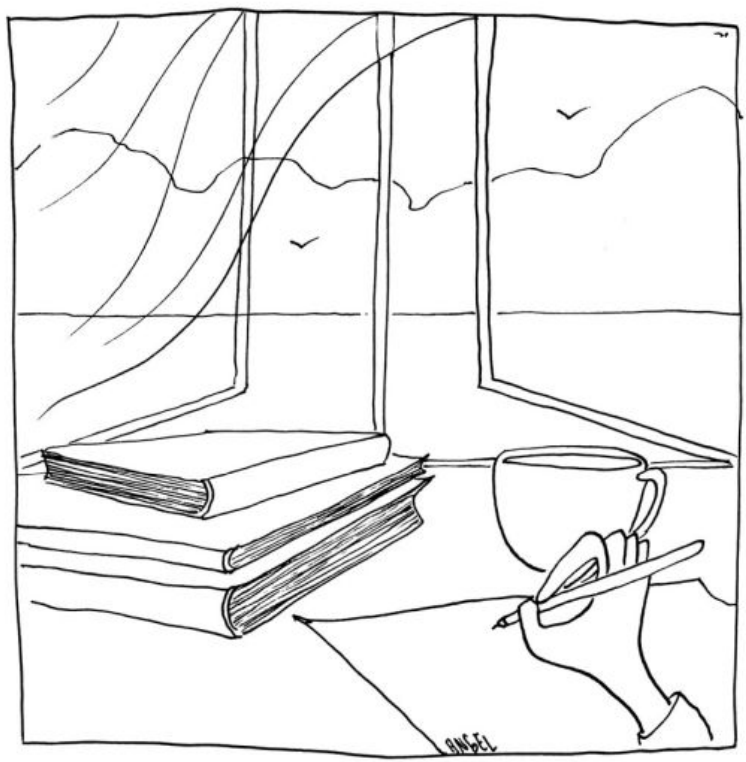
…нырнуть и слушать, что там под водой,

…когда на скалы наползает туман или облако (раньше я видела это из окна),

…пионы (они пахнут каникулами) и хризантемы (они

напоминают, что и осенью может быть счастье).

Спустя четыре дня мне захотелось куда-то сходить, чего не случалось уже давно, захотелось выйти в люди, потолкаться, послушать шум толпы. По дороге к метро я смотрела по сторонам и даже в небо, и принюхивалась к запаху шаурмы и тандыра в узбекской пекарне.



Список занимал несколько листов, пополнялся уже не так активно, но то, что он у меня был, лежал под салфеточкой, странно успокаивало. Как секретик с разноцветными стеклышками: всегда можно прибежать, отдышаться, раскопать и любоваться.

Конечно, потом оказалось, что это все техника, прием, правополушарная психология. Что, подталкивая мозг к поиску удовольствий в своей жизни, мы превращаем его в антенну, улавливающую хорошее. Мозг начинает сканировать действительность и находить в ней поводы для радости. И когда их количество растет, переваливает какой-то, у всех разный, предел, в голове случается что-то вроде фейерверка, настроение улучшается, и для счастья уже не так нужен повод. Ты просто сидишь, и тебе скорее хорошо. Иногда прямо очень.

Когда-то давно я писала о группе женщин, которые готовили к изданию поименную «Книгу памяти». Это список всех тех, кто ушел на фронт в Великую Отечественную. Фамилия, имя, отчество, год рождения, откуда призван… И дальше, у кого что.

Выяснилось, что долго на такой работе никто не выдерживает, много сердечных приступов и даже смертей. «А как вы думали, сидеть и целыми днями писать: погиб, погиб, погиб, пропал без вести… Какое сердце тут выдержит?» – сказала с горечью руководитель группы.

В случае со списком, где каждый пункт открывается словом «люблю», ситуация обратная. Все эти пункты, подпункты, мелочи и глупости, синички и часики, запахи и звуки – привязывают к жизни, напоминают, что она заслуживает того, чтобы ее жить.

Я не психолог, только описываю свой опыт. В нем нет ничего уникального. Как и в той мысли, что хорошо, когда любишь много чего в жизни. Просто надо себе об этом напоминать. А список такой можно всю жизнь писать, хотя бы мысленно.

Каток из космоса

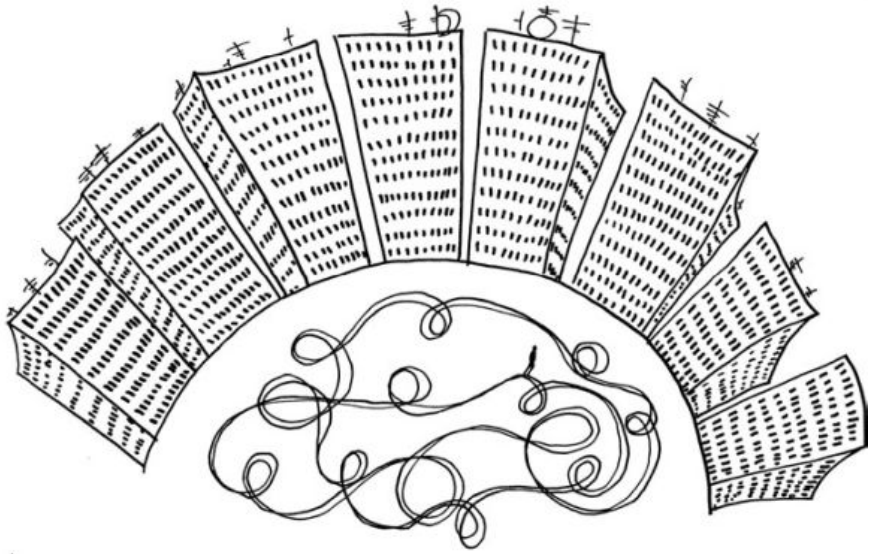
Если бы чайник вскипал мгновенно и мне не приходилось подходить к окну, пока я его жду, я не узнала бы, какой насыщенной, разнообразной и, главное, спортивной жизнью живет наш двор. Но у нас медлительный и молчаливый чайник, он никогда не шебуршится и не скрипит, пока закипает. Мы с ним – противоположные темпераменты, он меня притормаживает. Наш чайник – флегматик.

И я все жду его, стою у окна, смотрю наружу со своего 17-го этажа, из своего экзистенциального кошмара. Усилием воли приглядываюсь к деталям, рассеиваю внимание, растаскиваю взгляд.

Во дворе две спортивные площадки. Когда снег выпадает ночью и дворники уже спят – всегда находится кто-то неленивый, кто вытаптывает в снегу огромные слова, иногда имена, иногда признания, иногда фаллические символы. Мне кажется, их прекрасно можно разглядеть из космоса, не то что с 17-го этажа.

Но утром все уже вычищено. Поем мы славу трудолюбивым среднеазиатским народам, для которых снег совершенно чуждая, а может, даже враждебная субстанция. Они так яростно с ним борются, что иногда можно проспать снегопад и проснуться, когда его последствия устранены подчистую. Цивилизация.

Бывает, сидишь дома, смотришь в окошко, снежок себе безмятежно сыплется, прям как на старой открытке «С новым годом!», аж душа радуется. «За окнами снег, и вороны под снегопадом…» А как выйдешь в город – оказывается, все тут со снегом борется – и армия дворников, и дивизии снегоуборочных машин. А потом еще вывозят «камазами». «Больши-и-и-и-ие го-ро-да (аккорд)!» – как пела группа Би-2, ничего не поделаешь.



То, что летом было искусственным газоном и дворовой футбольной площадкой, теперь искусственный каток. Для южного человека это экзотика – когда под окном играют в хоккей. Коньки, шайбы, клюшки у дворовых хоккеистов свои и где-то близко лежали. Только залили, только подмерзло, и народ посыпался на лед в полной амуниции. Мама говорит, наш сосед (60+) тоже недавно с клюшкой куда-то шел. Массовый дворовый спорт жив, ура и все такое.

А сегодня в ночи видела прекрасное. Двор пустой, каток свежеприпорошенный тоже пустой, и одинокий мэн под градусом – круги нарезает, вензеля выписывает.

Что за спасительная мысль – напиться, достать коньки с антресолей (или где они там лежат у москвичей-аборигенов) и пойти покататься!

Он ездил покачиваясь, нетвердыми широкими шагами, руки за спину.

И фонари светили ему одному, и деревья склоняли над ним свои ветви, и свежие снежинки ложились на лед. Графика. (Рядом по дорожке ходила тетя с белым песиком, и было видно только поводок – белое на белом. Как у Малевича). Иногда он подъезжал к своей сумке – отхлебнуть-приложиться. Пару раз он падал и лежал спокойно с прямой спиной или медленно делал «звездочку».

Тогда казалось, что дома и я вместе со своим окном тоже кружусь вокруг пьяного фигуриста. Вертолетики наоборот.

Но он вставал и ехал снова и снова. И в каждом (третьем) окне ему кто-то завидовал.

Мало ли, что у человека случилось? А он как-то справляется.

Что-то обыкновенное

Мне не хватает чего-то обыкновенного. Разное прекрасное есть, а простое опять исчезло. И взять неоткуда.

Хочу сидеть на кухне, смотреть, как облако медленно ползет из-за дома напротив, думать, будет ли дождь, курить и ждать кого-то… Когда-то я мечтала, что буду жить на Патриарших, спать до обеда, потом выходить на балкон в пэрсиковом пэньюаре, свешиваться вниз и свистеть прохожим, типа: слышь, который час, не подскажете? И вообще не расстраиваться, что уже опять два пополудни. Из этого ничего не вышло, но иногда я делаю вид, что времени навалом, что его просто девать некуда! Его можно растягивать, смаковать, переливать из стакана в стакан. Можно жить жизнь и наблюдать за жизнью.

Выглядываешь с балкона, а там происходит что-то незначительное, обыкновенное – толстого мальчика везут на санках, или с крыши сбрасывают снег, или бабка голубей кормит – антисанитарию разводит. И чтоб все почти застыло, как на картине. Брейгеля или Кустодиева. Чтоб чуть помедленнее, кони.

Вот по утрам прилетают галки, я их слышу, они галдят, а не каркают, они умеют подчеркнуть тишину. В кино, когда герой один стоит на могиле матери или друга (не успел на похороны, был на спецзадании) – это всегда озвучивают галками и подсвечивают снегом. Галки уместны на старых кладбищах и еще в той части парка, где нет каруселек, чертова колеса и розовой ваты, а прозрачный лес один чернеет. Слушаешь галок и понимаешь, что живешь в вечности. А не в четверг утром. Я рада, что они прилетают.

Или такая обыкновенная вещь, как лай собаки. В Москве он в дефиците. И ночью все нормальные собаки спят в своих постельках, предварительно пожевав специальную косточку, предотвращающую появление зубного камня. Поэтому, когда я слышу отважный дворняжий лай, я вспоминаю, что так и должна звучать ночь – гоголевская, чеховская, человеческая. Там луна, тут собака, дальше – дерево. И очень благодарна тому старому Полкану, который думает, что должен охранять двор пятиэтажки, и это его работа. И не сачкует.

Или такая банальная машинка, как трактор. Смешно, когда снег, а он гоняется, как щенок, за каждой снежинкой. Рычит и мечется туда-сюда. Сегодня вообще с ума сошел, наконец понял, что ему не выиграть эту битву, что снегопад… И как заорет – как солдат, попавший в окружение. Кароче, у трактора была истерика.

А еще недавно случилось чудо. Выхожу я в час ночи из метро, предвкушаю, как буду топать пехом сквозь бурю и мглу, а тут, как во сне, из-за угла показывается мой автобус, горит огнями, останавливается в ночной тишине, открывает двери. И я сажусь и еду один на один с седым водителем, похожим на Коррадо Катани. Даже неудобно было бросать его там одного, в ночи и пороше. Я вздохнула и вышла на своей остановке. А он даже не посигналил…

Ася сказала: «Че тут такова? У него по расписанию в час ночи – последний рейс». Да, конечно! Ничего в мире не происходит так, как надо, как написано, как должно быть. И только автобусы ходят по расписанию. Буду верить в него.

Маленькие хвостики

Сначала к нам вышла переводчица в твидовом пиджаке и грубых ботинках и командным голосом поведала, как страшно нам повезло, что стричь нас будет Стэйси Броутон, который сто лет был главным в Vidal Sassoon. И если не сам придумал точные английские стрижки, то уж, во всяком случае, стоял у истоков.

Я попала на мастер-класс Стэйси, потому что позвонила своему мастеру и попросила постричь меня на лыску или почти. А она попросила подождать, и раз мне все равно, что у меня на голове, то давай она на мне потренируется.

Всю мою жизнь у меня были приличные прически, каре, косы, просто длинные… Я их красила, мелировала, крутила им кончики, отрезала челку, а потом прицепляла ее назад заколками. Стриглась, отпускала и обратно. И вот.

На сухоньком седом Стэйси была гавайская рубашка, натурально с пальмами, шкеры цвета морской волны, носки цвета яичного желтка и маленькие очки на кончике носа. Англичанин!

Он сначала рисовал «стрижку» на зеркале маркером, а потом показывал что да как – на моделях. При этом непрерывно ТАНЦЕВАЛ, ПЕЛ, дразнил переводчицу и называл ее «Адольф», несмешно шутил, порхал как бабочка и жалил как пчела. Так как в руках у него (несколько часов) были расческа и ножницы, то его все время поили, как попугайчика – с рук из маленькой чашечки.

И каждая стрижка была шедевром, моя в том числе. И нам сразу сказали, что точные английские стрижки НЕ ТРЕБУЮТ УКЛАДКИ и еще и «благородно отрастают».

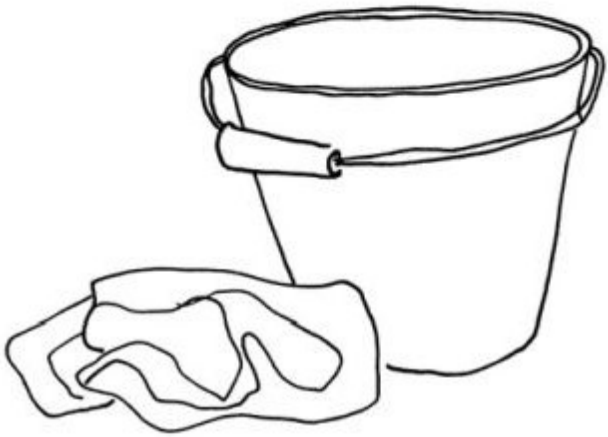
– Вообще мне больше нравилось, когда у тебя были длинные волосы, – сказал мужчина всей моей жизни.

– Больше, чем эта стрижка? Больше всего?

– Однажды давно ты полы мыла и сделала маленькие хвостики – вот они больше всего.

Следующий день

Итак, я у нас сегодня дежурная. Это значит, попив кофе, я не смогу пойти прямо к компьютеру, включить аську и показать Светке язык смайликом, а мне придется тереть раковину, печку, ванну, наливать воду в оцинкованное ведро, брать тряпку и утешаться тем, что мыть пол вручную полезно для бедер. Слово «таз» в данном контексте мне не нравится. Хотя полезно именно для него и его пресловутой подвижности. Целый мир, новости, погода, свежие анекдоты, сплетни, фотографии, песни – останется в невключенном инете, обычно заменяющем все, что можно заменить.



В такие дни мне особенно не хочется быть там, где я есть. В такие пахнущие доместосом дни мне особенно не хочется быть здесь и сейчас. Здесь и сейчас мне хочется быть только с мужчиной мечты, но даже в самую первую минуту с ним я помню о минуте последней и о том дне, когда остаюсь один на один с грязным унитазом и громыхающим ведром.

А включив-таки комп, я встречаюсь еще с ящиком, полным писем, сообщающих о действиях друзей в моем мире (кто эти люди?), с перечнем вакансий, которые я могла бы занять (нет, надо держаться, не удалять сразу. Хотя бы прочитать), а еще с телефоном, полным неотвеченных звонков с номеров очень незнакомых, но не сулящих ничего хорошего. Один их вид…

какие-то непонятные коды… И почему мне так холодно? Я знаю, зима.

А еще в такие будние дни, которые никак не катятся к вечеру, в полной тишине и трезвой памяти, оказываешься не только с ведром и телефоном, но и перед фактом. Перед каким-нибудь, не важно. Этот факт начинается словами «а пора бы уже начать», или «настало время призадуматься…», или, еще хуже, «предпринять». Или совсем плохо – «сейчас или никогда». И ты как бы перед этим фактом стоишь, и вас ничего и никто не разделяет.

Наоборот, все только напоминает о том, что ты чей-то друг, чья-то мать, главный редактор, ответственный квартиросъемщик и очень безответственная дочь. Очень.

Всегда наступает этот день, и, послав Светке «доколе?» (с зеленой рожицей, которую тошнит) и получив от Заиры свой свежий диагноз («ты всегда западала на дагов» – да, я именно такая), включив музыку и умывшись французской пенкой, я неутешно стою перед фактом на немытом полу у залитой борщом печки, и ничто не может меня спасти. В следующее свидание я не верю, потому что оно через триста тридцать миллиардов лет, которые все равно не пережить. А то хорошее, что не из инета – поцелуи и его запах за ушком, – оно где-то в эфире, ему нет подтверждения, его вообще будто нет. Есть только здесь и сейчас, оно так осязаемо и живо, оно скользит в руках жирной сковородкой и оседает на раковине помидорными кожицами.

Я начинаю мыть пол от угла кухни, и придумываю альтернативную реальность, и описываю ее самым доступным мне способом – пишу письмо. Я хотела бы идти с тобой по улице – пишу я мысленно, – довольно узкой улице со старыми домами, чтоб шел редкий снег, а ты чтоб шел не сильно впереди. Чтобы звуков было мало, так, будто громкость сильно уменьшили. Чтоб заходить в маленькие магазинчики, так, для удовольствия, ничего в них не искать, а только разглядывать, и покупать не насущно-необходимое, но дорогое и хорошее. Тебе какую-нибудь оправу для очков или рубашку. А я там хочу платок треугольный, яркий, с лошадками. И чтоб снег все шел, но тротуар чтоб был чистый, как с подогревом. Чтоб заходить по дороге в бары, пить там что-нибудь вкусное, горячее, но чтоб курить не хотелось, потому что все тихо и хорошо. А ты бы мог быть слегка небритым, но чтоб в пальто – таком узком, коротком. В кармане билет на самолет. Ночной. А я на каблуках высоких и тонких. Внутри себя я уже умею на таких ходить. А сапоги чтоб были тонкие и мягкие, как перчатки. И чтоб так идти и идти, а потом встретиться с кем-то, кто не знал нас раньше и кого мы не знали… И так, не делать с ними ничего особенного – поговорить, посмеяться, послушать

певицу, потанцевать на деревянном полу.

Но для всего этого у меня должны быть очень длинные волосы.

И надо освоить танго.

Я уже выжимаю тряпку на лестнице. Все-таки мыть полы полезно не только для таза, но и для развития воображения.

Большая маленькая жизнь

Видела, как на эскалаторе парень целовал мех на капюшоне впереди и чуть выше стоящей девушки. (Да, мы тут все еще в снегах и мехах). Сначала подумала, что это маньяк, который целует весчь незнакомки. Та явно ничего не подозревала.

Потом я подумала, что это его девушка, а он такой вот нежный. Эскалатор был длинный, поэтому все выяснилось. Девушка вынула наушник, обернулась и что-то спросила. И судя по разговору, они были просто знакомы. По крайней мере, девушка так считала.

* * *

Из магазина «Пятерочка» вышел мужичок с полным пакетом продуктов, но сам пакет при этом был из «Ашана». Ага-ага, экономненько. Вот у кого не только пакет с пакетами, но и сундук с «веревочками, непригодными к употреблению» небось дома стоит. Такой весь крепко сбитый, аккуратненький мужичок. Ботинки почищены, пуговочки пришиты, воротник рубашки – чистый. Если бы писал брачное объявление, указал бы «ищу рачительную хозяйку» и пересчитывал бы потом с ней пакеты из пакета с пакетами.

Но одному экономней.

* * *

Мальчик и девочка тащатся из школы, обвешанные рюкзаками и мешками. У мальчика звонит телефон.

– Да, уже идем. Да, вместе. Все в порядке. Хорошо, обязательно.

Все как у всех. Телефонный контроль.

И тут мальчик говорит такое:

– Мам, а ты-то как там? Че-то грустная… Точно?

Такой слом. Мы столько читаем про трудный переходный возраст, как сложно подростку жить, как надо его понимать и любить, не лезть, не читать нотации, не надоедать с излишним контролем и заботой. Чуть ли не спасибо говорить, если трезвый приходит. Забываем, что можно быть подростком и оставаться человеком.

* * *

Видела, как женщина несла ребенка через огромное заснеженное поле между двумя шоссе. В городах, по крайней мере, у нас в Новокосино, такие есть. Ребенок не грудной, двух-трехгодовалый, тяжеленький, у женщины рюкзак на спине. Сама в капюшоне, дите в капюшоне, боковой ветер, сугробы по колено. Шла с остановками, ставила малыша на землю, дышала и снова подхватывала. Вышла к дороге и села в автобус до какого-то подмосковного поселка. А там наверняка снега еще больше.

Я смотрела и думала, что все мое материнство было именно таким – одна, ветер, снег, поле надо перейти, их надо дотащить, и это еще только начало. Сейчас кажется, что свое поле я все-таки перешла. Можно ехать.

* * *

– Па! Ну почему ничего не сказал Гасу по поводу его прически? Как дед – внуку.

– Потому что она мне понравилась.

– Этот желто-розовый колор?

– Он не желто-розовый. Он цвета старой мебели.

* * *

– Как это «лавандовый эклер»? Лаванда – это же то, что в наволочку кладут, чтоб белье хорошо пахло!

– Что вы! Это наш самый вкусный эклер, официанты его сами себе берут. Уж не знаю в каком виде там лаванда, но и немножко смородины. Один парень приходил раньше каждый день и покупал своей девушке лавандовый эклер. Пока ухаживал.

– Больше не приходит?

– Теперь они, наверное, дома едят…

* * *

Рыжая мама сказала рыжему ребенку, про которого я была уверена, что это рыжий мальчик:

– Хватит играть, положи телефон! А то ОСЛЕПНЕШЬ и будешь ХОДИТЬ в ЛИНЗАХ, КАК КРОТ!

Ребенок закончил игру, спокойно снял шапку, и тут и выяснилось, что это рыжая девочка:

– Мам, ну где логика? Ты же не покупаешь мне линзы. Если решишь – я хочу зеленые.

* * *

– Ты хочешь плотно поужинать? Или бутербродами обойдемся? – спросил мужчина никакущей наружности у своей спутницы. И его наружность тут же показалась мне симпатичной. Спутница высказалась за горячий ужин. И обсуждение меню повергло меня в грустьпечаль-тоску. Все-таки я не умею готовить мужчин. Так, чтобы они готовили мне ужины.

Но аппетит разыгрался.

* * *

– Простите, пожалуйста, женщина! Мы всего лишь жалкие панки с бодуна, не поможешь на опохмел любой мелочью?

– Как с бодуна? Пятница-вечер на дворе!

– Я же извинился!

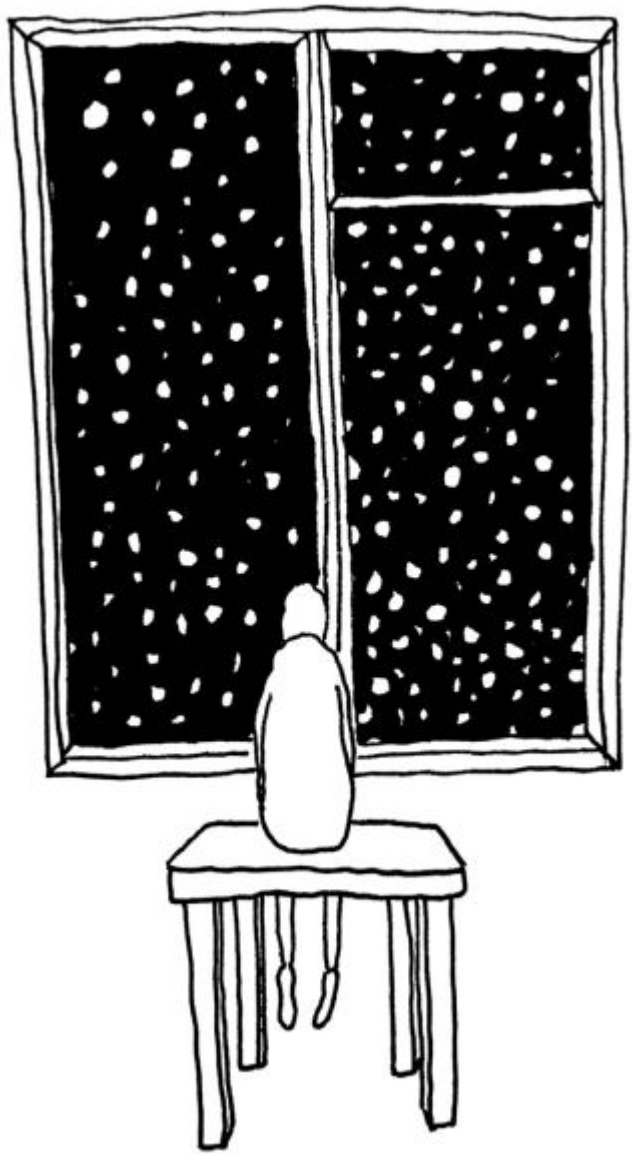
* * *

Еще слышала прекрасную историю: парень, с осени работавший дворником, твердо намеревался в начале марта вернуться к себе в Узбекистан. Но 15 марта начался новый снегопад, и он сдал билет. Остался. Сказал: «Как я свой двор брошу!»

И взялся за ломик.

Снежок и Клара

Когда снежок сыплется, и жить веселей. Сидишь на табуретке на 17-м этаже, качаешь ногой, а за окном белое на белом – снежинки толпятся на фоне неба, образуют пары и секстеты, летят вверх, и наискосок, и вообще в разные стороны. И вроде уже не просто сидишь-тупишь, а находишься в центре бурного движения, и все вокруг завихряется. Даже можно ничего не делать, только в окошко смотреть, даже не шевелиться – жизнь и так будет продолжаться, клубиться рядом! И начинаешь ею страшно интересоваться.



Или, наоборот, сидишь целый день в телефоне (без кавычек), что-то там прямо очень важное делаешь, а потом поглядишь в окно, увидишь, как большие мохнатые снежинки летят вверх. И наискосок. И вообще в разные стороны. И так прифигеваешь, останавливаешься, думаешь «надо каждый день выходить в лес под окном», замечаешь в конце концов небо, в нем четыре звездочки и луну. И внешний мир уже кажется гостеприимным.

Правда, потом две звездочки разлетаются в разные стороны, потому что это были самолеты. Но и две натуральные звездочки в

светлом московском небе – неплохой результат.

Сегодня отвлеклась на снежинки, уперлась взглядом в новогодний открыточный пейзаж под окном и постоянно действующее настроение «что-то я еще должна была сделать» сменилось на забытое «новыйгоджескоро». Плюнула на текучку, убрала ноут и позвонила Кларе Филипповне.

Звоню я ей редко. Сначала, забегавшись, не звоню, потом не звоню, потому что неудобно, потом уже боюсь, что и звонить поздно. Ей 93 года, она живет между домом на «Динамо» и мастерской на «Белорусской». Если летом не едет в Дагестан. Так было всегда – и те десять лет, что мы знакомы, и еще лет 60 до этого.

Я бы в общем хотела, чтобы так все и продолжалось. Чтобы жить и знать, что днем Клара Филипповна работает в своей мастерской с видом на Белорусский вокзал, а вечером пьет чай с лимоном в своем доме художников на Масловке.

Звоню на сотовый, жду 10 гудков, потом звоню в мастерскую на городской. Трубку берет сосед Клары Филлипповны и отвечает, что сегодня она «еще не приходила». И затем говорит:

– Давайте я запишу ваш номер, передам Кларе, а она вам перезвонит. Сейчас я схожу за карандашом.

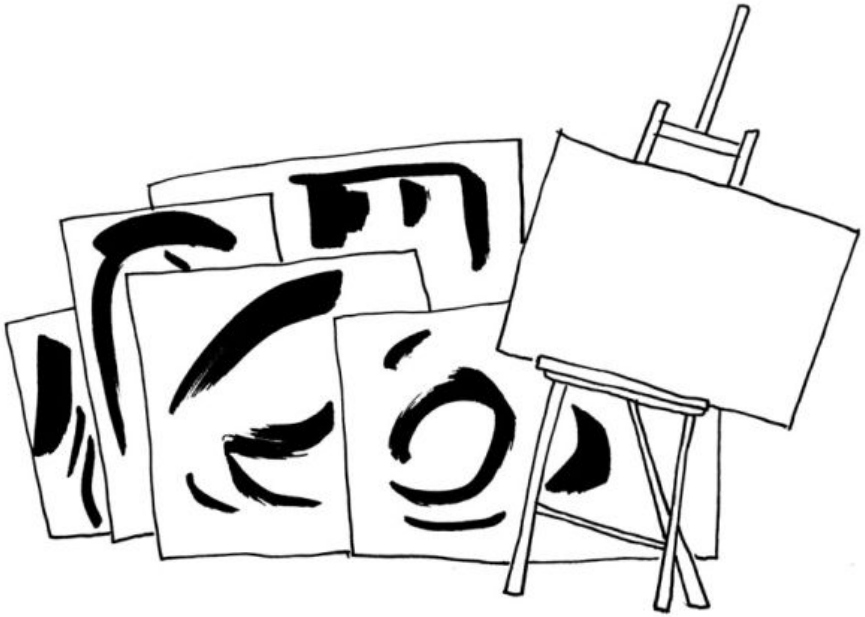
А что, люди все еще так делают?

Был слышен звук поезда у них за окном, и как художник кладет трубку на стол, долго идет по мастерской к столу, потом обратно, шуршит карандашом по бумажке…

И как бы время замедлилось, как в этом фильме с Ди Каприо. Волчок завращался плавней. Мой внутренний метроном удлинял перерывы между тик и так, и я это слышала. Поначалу сбивалась с ритма, но скоро стала попадать. Тик. Так. Представила все эти дремучие алоэ на подоконнике, подрамники и холсты, один – на мольберте, разбитую сахарницу и в большом окне тоже снежинки… Тик. Так.

Дальше вроде ничего особенного не случилось – но Клара перезвонила. И у нее все прекрасно. «Готовлюсь, говорит, к выставке. На «Беговой» мне дали два зала. 18 января – открытие. А еще была выставка в музее Востока, но я до тебя не дозвонилась – опять потеряла твой номер!»

Договорились увидеться.



Ощущение, что метроном продолжает замедляться, но будто прибавляет силы, как медленно ускоряющийся паровоз. Тик. Так. В моем мире все идет своим чередом – снежинки летят, и кто-то записал мой телефон простым карандашом, у Клары новая выставка, и в ее мире тоже все идет своим чередом… Тик. Так.

Потому что, наверное, когда замедляешься, жизнь вокруг тебя замедляется тоже. Чтоб потом пойти в нужном направлении.

* * *

– Ася, я звонила Кларе Филипповне! У нее все хорошо-о-о! – кричала я, качаясь на табуретке.

– А ты говоришь, тебе УЖЕ 44…

Февральские плачи

Сегодня ветер

– Сегодня ветер, – говорила мама с утра.

Это значило, что жизнь приостанавливается и голова болит. В окне за маминой спиной метались деревья, сгибались под прямым углом, рывками били поклоны. Я была маленькая, деревья большими, а то, что «сегодня ветер», означало, что можно запереться и провести дома длинный день, полный апокалиптических звуков. С тех пор я рада любому поводу никуда не ходить, чтобы слушать мир из безопасного укрытия.

Деревянные рамы свистели, выли, скулили, тоскливо пищали тоненькими голосами. У-у-у-у-у! И-и-и-и-и-и-и! От этих звуков становилось щекотно где-то между полушариями и накатывал игрушечный ужас. Ветер напирал на стекла, они сопротивлялись, но дрожали – то мелко, как в ознобе, то сильно, как в приступе. Порыв, еще порыв, сейчас что-нибудь растрескается… А нет, снова мы устояли, будто отбили атаку.

На подоконник наметало дорожки песка, иногда даже маленькие пирамидки. А снаружи гудело, гудело… В доме напротив жила безалаберная семья, плевать они хотели, что «сегодня ветер» – у них всегда были окна нараспашку и болтались разноцветные одежки на балконе. Легкомысленные синие рамы страшно хлопали, закрывались и открывались тысячу раз в минуту. Тах-тах-тах-тах. Полотенца и рубашки извивались на веревках, иногда их срывало и уносило – вверх в небо. Мне казалось – куда-то в космос. Я смотрела им вслед, и они махали мне до последнего.

Машин на нашей улице было мало, и если на другом конце города у кого-то с подоконника сдувало кастрюльку – мы узнавали об этом немедленно. Буря играла с кастрюлькой, как кошка с мышкой. Бамц-бамц-бамц. Было отчетливо слышно, как ветер несет кастрюльку издалека, переворачивает, смачно бьет о землю, с наслаждением извлекая из столкновения железа и асфальта самые громкие и жесткие звуки на свете. Ветер играл и самоутверждался одновременно – кастрюлька отправлялась в неизвестность.

Но любимым моим звуком был грохот оцинкованных листов на крышах. О! они не улетали! Они сворачивались и разворачивались. Кажется, именно так в театре за сценой имитируют гром и грохот бури – трясут лист железа. А если оно

по-настоящему раскатисто гремит? Это страшно. И точно нельзя выходить на улицу. Даже за хлебом. Будем печь пышки, чаевничать и то и дело протирать запесоченные подоконники. Ведь чем громче снаружи, тем уютней внутри. И обычные домашние звуки – шипение газа, скрип закипающего чайника вдруг сообщают покой и дают ощущение надежного укрепления.

В подъездах хлопали двери, иногда вылетали и бились подъездные стекла (новые потом никогда не вставляли) Дзынь! – праздничный, как салют. Но на фоне общего рева звон разлетающихся осколков был не самым устрашающим. Так, добавлял апокалиптичности.

Собаки лаяли ветру в лицо, он дико бередил собачьи нервы. Коты же громко продолжали сношаться, их экстатические крики добавляли жути. Мимо несло бумажки и прохожих, бежали дети из школы, они всегда что-то громко кричали. Это весело, когда можно кричать что есть сил и все равно быть тише ветра.

Я много лет ждала, что у меня как у мамы, в ветер, будет болеть голова. Она так и не начала. Ветер люблю и слушаю, он оправдывает мое нежелание одеваться и выходить «на улицу». А когда выбираюсь, хочется бежать и кричать.

Тут у меня подружка жила

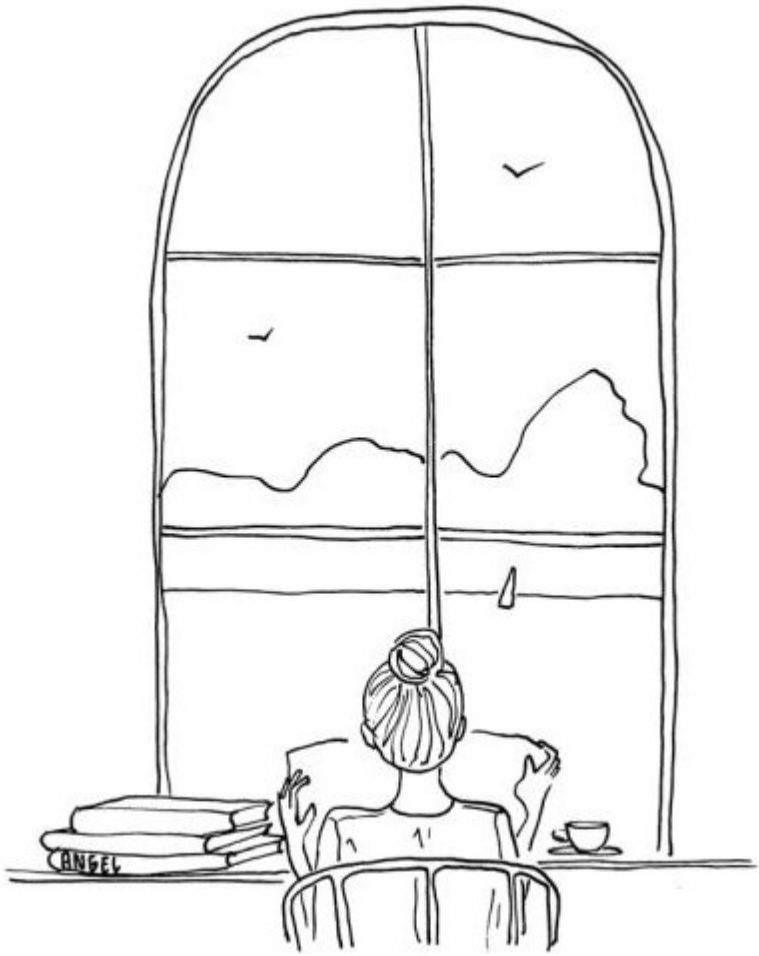
Когда проезжаешь мимо дома с потеками на штукатурке и говоришь «Тут у меня подружка жила», чувствуешь себя космически-тоскливо. Хочется верить в нелинейное время и думать, что прямо сейчас она там, за занавеской, и ей все еще 19, как в наши общие 90-е.

Она училась в меде и одновременно работала в больнице, носила косу с кудряшкой на кончике и самые густые ресницы на земле. Свои собственные.

У нее не было телефона, и если у меня что-то случалось, а случалось постоянно, я звонила ее соседке и долго ждала «на трубке». А она, выслушав, всегда говорила: «Лучше приходи, я как раз пеку». Я надевала пальто с меховым воротником, повязывалась шерстяным платком с красными розами и шла по улице, на которой не было тротуаров и фонарей. Зато я шла и знала, что сейчас мы посидим на кухне рядом с электрическим чайником, обсудим мои и ее события, ничего нового не придумаем, не решим, но попьем чаю, и она обязательно бросит гвоздичку в заварку. И идти обратно по улице без фонарей и тротуаров было не страшно.

Когда мне срочно понадобилось переливание крови, она

сказала «сделаю», хотя я у нее была первая такая пациентка. Она преспокойно попадала мне в вену и ни разу не сделала больно. С тех пор я не боюсь уколов.



В родном городе «у меня еще есть адреса», но ее нет. Не знаю, где она, и не помню, как мы потерялись. Вся жизнь же была впереди. А настоящих друзей в эту жизнь оказалось совсем-совсем мало. Тех, с которыми совпадает чувство юмора, еще меньше.

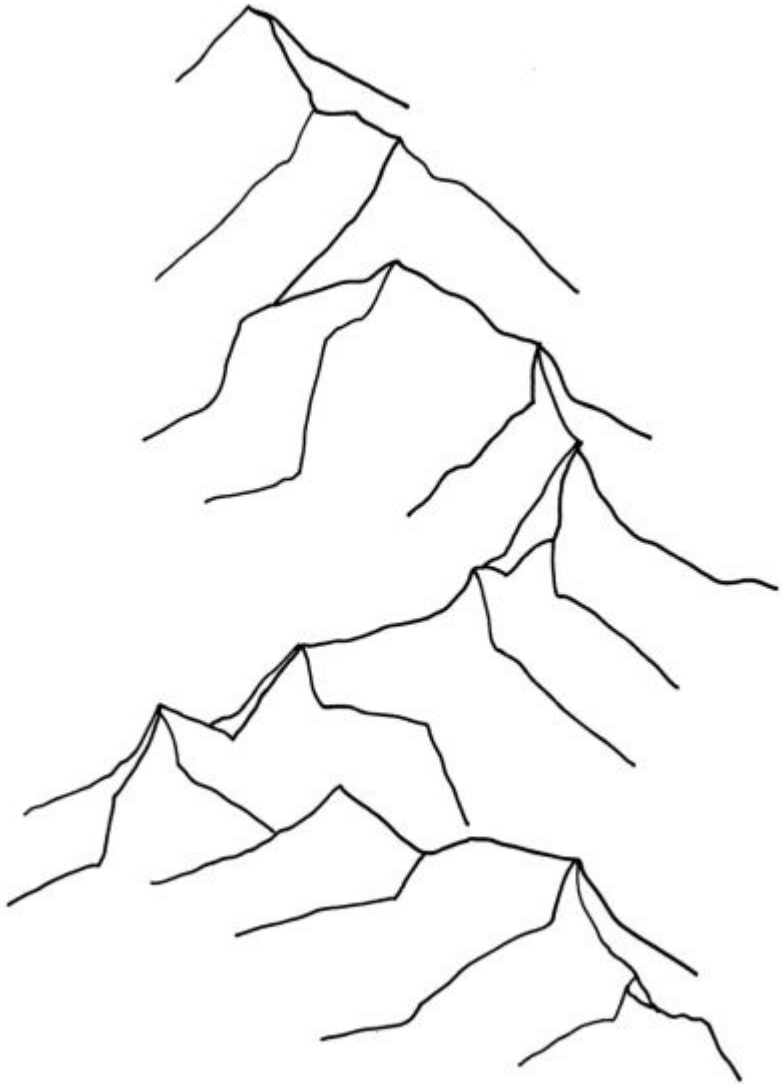
Никого из потерянных друзей и любовей мне не удалось заменить. Новые есть, а таких больше нет. И когда я сама кидаю гвоздичку в заварку – мне невкусно.

Горы вблизи

Горы зимой – это серые скалы, серые деревья, серые дороги и серое небо. Картинка высокой резкости, контрастности и разрешения, но тысячи роскошных зимних пейзажей пролетают мимо несфотографированными. Потом раз – и чернильно-зеленая река выплывает из-за поворота, как свежая зеленая клякса посреди пейзажа, нарисованного простым карандашом. Твердым кохинором 2Н.

А за следующей дорожной петлей снова серый фон, на нем силуэты гор во много слоев: ближний, самый светлый, тот, до которого можно дотянуться рукой из машины, дальний – совсем черный, громоздится у горизонта. Кажется, их легко отодвинуть один за другим, как театральные задники и увидеть огромное небо.

Отступлений от серого мало, собственно, два: коралловые ягоды шиповника на бестелесных кустах, будто подвисшие в воздухе, и бордовые с сизым налетом ветки деревьев. Идеальный рисунок на платок Hermes. А, да – еще белоснежные полоски снега в трещинах камней. Цвета один в другой перетекают акварельно, но не смешиваются и видны вместе с полутонами. Людей мало, машин мало, мохнатые, меланхолично настроенные коровы с кудрявыми рогами бредут вдоль обочин и смотрят без любопытства.



В детстве мама делала люля на вишневых веточках. Вишня росла у нас прямо под окном, и мама говорила: принеси палочек – тоненьких, но прочных. Я радостно бросалась их ломать с нашей вишни под окном. И они были как раз такими – бордовыми с сизым налетом…

Когда вспоминаешь вот так себя маленькой, значит, тебе хорошо.

В горах было.

Да, я не забралась сюда пешком, но ехали долго, порой вертикально, по грунтовым дорогам прорывались сквозь леса и туманы, хотели увидеть горы вблизи. И вот мы тут. И выше уже невозможно, думаю я. А потом фары гаснут, и я замечаю гору, темнеющую справа. Она нависает, загораживает луну. И на ней сильно ближе к небу кучка огоньков – там люди живут. Сильно, сильно выше.

Вокруг много сухих можжевеловых кустов, и когда начинает холодать, хочется сжечь их все, добыть тот самый вкусный дымок, который медвежонок обещал ежику. Под ногами хрустят пучки подмороженной белесой травки. А вокруг темно-зеленые сосны молчат, даже не качаются. Лес вбирает в себя туман по самые макушки. Сосны выступают из тумана ровными рядами, и за каждым из них я, как за новой крепостной стеной. Вот оно, детское «ощущение надежного укрепления»!

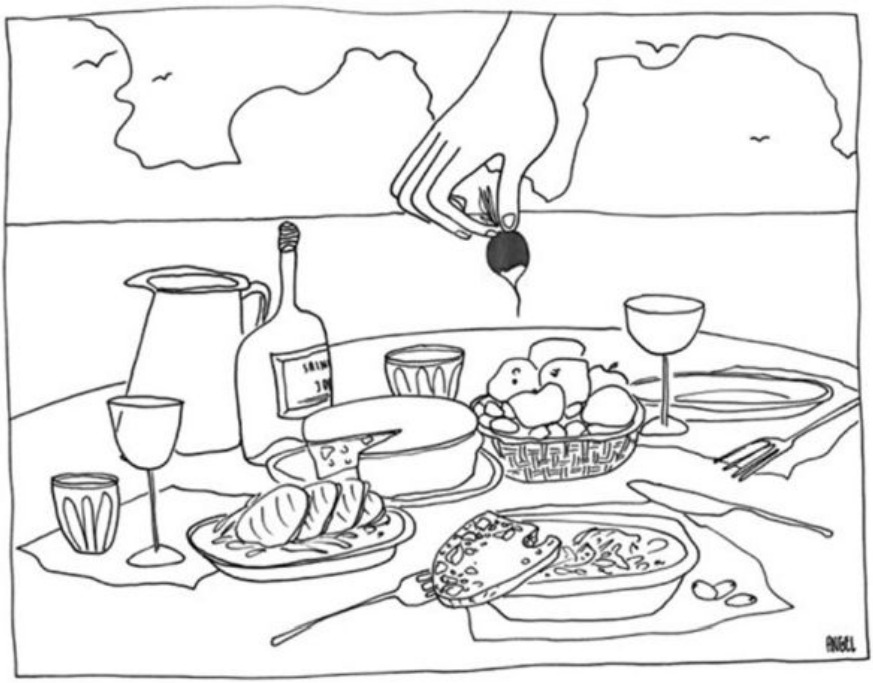
Собака лает где-то у реки, и эхо ее лая уходит в ущелья, делится на семь, множится, расщепляется многократно, каждый раз становясь на тон выше. И капли оранжевых ягод все так же парят среди капель белого тумана и ломаных силуэтов веток. Идеальный рисунок на платок Hermes.

Темнеет, уезжать не хочется.

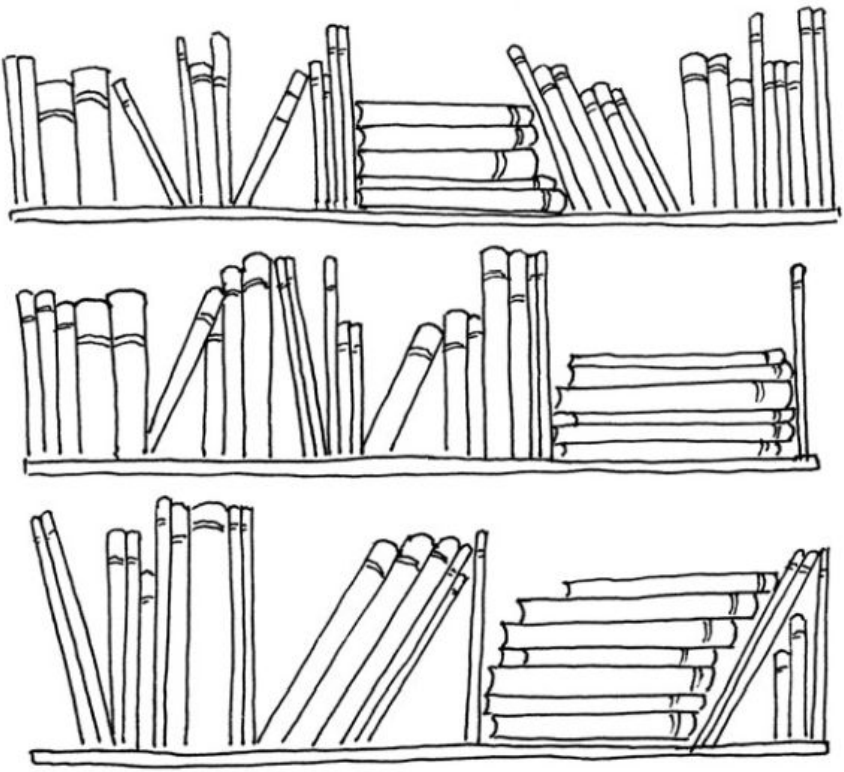
– Белый туман – это облако, а черный – значит туча.

В горах все знают, что туман может быть черным. И он наползает мгновенно. И вот уже не видно ни одного огонька – ни вверху, ни внизу, ни травки под ногами, ни звездочки на небе, ни очертаний вершин. Только сам туман, он густой и темный, как дым от покрышки.

Когда включаются фары, мгла не расступается, а сжимается в точку.



Весенний оксюморон



Парень-медведь

Количество оксюморонов в жизни нарастает.

Перьевая подушка после чистки пахнет живыми курами. Кофе, который я купила, не вовремя вспомнив присказку, что «дороже не значит лучше», – пахнет так, что вспоминается сеновал, покос, ячмень, Левин и советская столовая – одновременно. Дешевле – тоже не значит лучше. Особенно кофе.

Горячий шоколад в пафосной кофейне пахнет перцем, это тоже неправильно, но прекрасно. В том числе на вкус и визуально. В меню написано, что этот перец – розовый. Ред хот чили пейперс в моем шоколаде. Уже достала телефон, чтоб сфотографировать, но напротив сидел парень в куртке от такого бренда и смотрел на меня так требовательно, что пришлось сделать вид будто я пишу эсэмэску.

А однажды от мужчины, который внешне напоминал медведя, пахло, как от грудного младенца, у кроватки которого сидишь и агукаешь, не потому что любишь детей, а чтобы понюхать. И это такой запах, который парфюмер Зюскинда включил в свой окончательный парфюм и от которого все так с ума сошли, что с ними случился свальный грех. Но парень-медведь был давно.

Жизнь прошла, и теперь я сплю, будто в курятнике, и пью кофе, смолотый из ржи, а в кофейне с перцем случайно оказалась. Тот, в куртке, это сразу понял.

8 марта

Когда я была в третьем классе, кто-то, не знаю кто, положил мне подснежники в капюшон шубы, прямо со снегом. Она висела на облезлой вешалке в школе. Иду, тащу портфель, сменку и издалека замечаю, как там что-то белеет…

Те подснежники пахли не цветами, а землей, как полагается. До сих пор помню, как у меня сердце забилось.

А моей подруге парень тоже как-то раз принес подснежники прямо с землей и снегом 8 марта. С утра лазил по горам, правда, они были недалеко. Собирал, пришел весь в грязи и с мешком подснежников. Вот было счастье!

Потом в молодости было много ожиданий по этому поводу, все они как-то скомкались, никто не поздравлял так, чтоб было хорошо и радостно. Мужчины объясняли, как это тяжело – поздравлять, когда социум вынуждает, и все чего-то ждут от тебя, и вообще обязаловка.

Я думала, что раз обязаловка, то не надо. И потом уже заранее говорила, что праздник этот не люблю и не отмечаю. Чтоб не давить.

А сегодня Асин мальчик принес сразу три букета роз с атласными лентами – ей, мне и бабушке. Я смотрю, новое поколение не парится по поводу давления социума.

Вручил, поздравил, я только руками всплеснула, а они уже пошли к лифту. Чтоб потом в кино на какой-то супергеройский ужас.

Но Ася вернулась, просунула голову в дверь и сказала:

– Вот так-то вот.

В реале

Удивительно, сколько, оказывается, все еще происходит в реальном мире. Просто сегодня утром я была в лесу, ну почти в лесу – в большом парке.

Ночью ударял мороз, и все заиндевело. Вы знаете такое слово – «заиндевело»? На дорожках образовались «кружки и стрелы», гербаривые узоры, как раньше на окнах – до того, как они стали пластиковыми. Скамейки покрывал иней, от ручья поднимался пар (от ручья поднимался сюр), склон над озером был ритмично разлинован косыми тенями сосен, и оказывается, есть люди, которые стоят на берегу прекрасного пейзажа и делают зарядку – вдох-выдох, вдох-выдох. И приседают, и пыхтят. Вот же для чего нужна жизнь – чтобы морозным утром оглядываться вокруг и ощущать: какая красота! И делать зарядку.

А некоторые, знаете, умудряются орать на собак. Я вот не люблю, когда орут на детей и дергают их за руки, а тут женщина орала на собаку очень зло: «Куда ты прешься! Сколько раз я тебе сказала!» И в таком духе. Среди красоты и инея. Наверное, дети у нее выросли и ушли. Не встретилось ни одной мамочки с коляской, и мне это понравилось. Хочу заново знакомиться с миром за пределами материнства и детства.

А еще был один лыжник и один старый лабрадор с одышкой. Хозяйка ушла далеко, и он все никак не мог ее догнать – не хотел идти по колючему снегу, выбирал сухие дорожки. Я долго видела хозяйкину спину, а потом она остановилась, повернулась и сказала: «А сегодня мороз, да?» Лабрадору сказала. Он как бы ответил «да» и снова обогнул снежный нарост на асфальте.

А кругом тишина.

Из птиц видела много синиц. Немножко воробьев. Слышала удода – тра-та-та, сухое и гулкое. Тра-та-та. И еще слышала одну загадочную птицу, мне она всегда важна. Воробьи-то понятно, они есть, удод – здорово, но когда оказывается, что рядом живет и поет птица, которую никто не знает, – это вдохновляет. Это делает парк таинственным лесом.

Еще была девушка в лосинах с розами, которая ничего вокруг не видела – ни сосен, ни пруда, ни мерцанья скамеек, ни узоров на асфальте. Она бегала. Не ради удовольствия – таких сразу видно, – а, наверное, ради какой-то цели. Например, тренировала волю или переживала из-за толстых ляжек. Молодая еще.

Я так заморочилась с виртуальным миром, смотрю столько красивых картинок, мыслю постами и иллюстрациями…

А недавно вглядывалась в лицо смайлика, чтобы понять,

искренняя ли у него улыбка? И не сердится ли на самом деле человек, который ее прислал?

С ума сойти, да? А сегодня было немного реальной красоты. Она есть, но и на нее нужно время.

Одинокие люди

Это была весна. В полпервого ночи в метро напротив меня шесть старушек целую лавку заняли. Все разные по фактуре. Образы классические. Одна в шляпке с вуалькой и маникюром, одна в шерстяном берете с пимпочкой и клетчатом шарфе, одна в шапке кривой домашней вязки, кто-то в подкрашенных фиолетовой синькой волосах. Митенок не хватало. Разнообразие и в обувке – от массивных ортосапог до поношенных, но изящных ботиночек со шнурочками. (Всегда ж выбираешь, в ком видишь себя, – я выбрала ботиночки). И налет небольшой запущенности на всех шестерых. Как патина. Слово это нравится – патина.

Плащи и пальто повыцветшие, сумки потертые и в морщинистую сеточку… Но! все бабки веселые, энергичные, переговариваются, перегибаясь, чтобы докричаться до третьей или пятой от себя подружки. Какое-то «Трио из Бельвилля», только секстет. Полный сюр.

Кажется, они ехали с большого мероприятия – концерта, может, спектакля. Я решила, что это исключительное явление – собрались ради такого случая. Но тут стали звучать реплики: «А завтра у нас что?», «Кухню запустила, все где-то шастаем, в выходные опять намылились…». Потом они начали выходить по

очереди – сначала «Шоссе Энтузиастов» – одна вышла, пятеро провожали ее поцелуями и возгласами «До завтра!». Потом в «Перово» все повторилось. Две поехали дальше.

Что у них было запланировано на завтра? У меня, помню, как обычно, было запланировано застрелиться.

* * *

Лежала в больнице. В палату привезли бабушку из операционной, мы кинулись к ней, типа, ну как там было? Она говорит: вводили в наркоз, стали расспрашивать про мою жизнь, ну я им успела все рассказать. Что было два мужа, одного я любила, а с другим 50 лет прожила.

Не хотела бы я быть ее вторым мужем.

* * *

А еще у меня есть сосед, он алкоголик. Не из тех, которые делают вид, что на самом деле «я могу завязать в любой момент». Да ни за что на свете! Чем он тогда будет заниматься? В ночи он орет на мать бранными словами и колотится в дверь всеми четырьмя ногами, если она открывает не мгновенно. А сам, может, и постучать забыл. Страшно слушать, как старушка лепечет что-то оправдательное, повторяя слово «сынок», в то время как он обвиняет, повторяя слово «сука». Ее голос словно обит войлоком, наверное, это от горя.

Зато по утрам он причесан мокрой расческой и полит одеколоном. Волос мало, а одеколон дрянной. Вонючий, еще по-старому, по-советски вонючий одеколон, таких уже не делают. Одеколон – ровесник алкоголиковых белых туфель в дырочку и белых брюк со стрелочками (мама же и погладила). В малохудожественной литературе весь этот маскарад называется попытками сохранить остатки собственного достоинства. Но мне кажется, персонаж полон этого чувства. Оно бьет через край. На праздники, существование которых каждый раз оказывается для меня сюрпризом, типа Дня единения и Дня конституции, он вывешивает на балконе большой государственный флаг Российской Федерации. Триколор. А потом гуляет по двору и делает замечания детям типа «кто вас только воспитывает».

* * *

Недавно прочитала, что надо стараться окружать себя счастливыми людьми. Я все думаю, где их столько взять, чтоб прямо быть ими окруженной? По-настоящему счастливую женщину я видела в районном суде. Она вышла из зала заседаний, где слушалось ее дело, лицо светилось истинным счастьем. «Признали меня наследницей», – сказала она на выдохе тетеньке, с которой до этого сидела в коридоре так долго, что успела рассказать ей всю биографию истцов и все глубинные источники их неправоты. «Ух, что я им устрою!» – добавила она, и тут на нее нахлынули всяческие вдохновения и предвкушения. И она была счастлива. Несомненно. Не хочу себя такими окружать.

* * *

– Ну как съездили? Как тебе Индия?
– Нормально. Нормальная Индия.
– А ты же еще, кажется, в Тай летал? И как?
– Прекрасно, отличный Тай.
– Не слышу восторга в голосе…
– Столько лет везде езжу, мне теперь только в дороге хорошо.

* * *

Пышная блондинка с распущенными волосами у полок с чаями в «Ашане».

– Молодой человек, подскажите, а где я могу найти зеленый чай?

Молодой человек со скоростью молотилки перекладывает с тележки пачки чая. И по всему видать, что про выходные он не слышал никогда.

– Пакетики?

– Что вы! Ни в коем случае! Только для чайника!

Чтобы показать, где она может такое найти, молодому человеку пришлось остановиться и его это не порадовало. После долгого размышления блондинка берет коробочку с самым дешевым в мире чаем, под брендом самого «Ашана», наклоняется все к тому же узбеку:

– А этот вы пробовали? Вам понравился?

Он молча продолжает молотить, в смысле перекладывать упаковки.

Такие все одинокие люди.

Позвони мне, позвони

Переждать не сможешь ты трех
человек у автомата.

Вероника Тушнова

Как далеко отодвинулись времена, когда маме на работу звонили только в очень экстренных случаях, и для этого надо было – о ужас – «переходить дорогу» и бежать на остановку к телефонной будке.

В нашем районе она тоже стояла без стекол. Не красная, а нежно-розовая, выгорела. Еще она была немного скособоченная – местные силачи гнули ее в разные стороны. Например, вчера она наклонялась слегка вправо, сегодня идешь, а на ней и двери нет. Когда я впервые увидела такую же будку с полным комплектом стекол и плотно прилегающей дверью, где-то в центре города, то очень удивилась. Впрочем, и этот комплект был полным недолго. Раздевали их как-то быстро, почти сразу.

Железный телефонный аппарат выдержал немало ударов судьбы – у молодежи и школьников это достижение цивилизации вызывало бурные, но смешанные чувства. Трубку периодически отрывали – от избытка жизненных сил и свободного времени. На аппарате были выцарапаны имена и ругательства. Имена через день-два оказывались тщательно соскобленными.

Многие уличные абоненты, услышав буквально «звон монет», когда их несчастные двушки (две копейки) проваливались внутрь аппарата, начинали размышлять, как бы его взломать. Некоторые переходили к делу и, кажется (не в финансовом плане), успешно.

Какие-то бандитские хроники получаются.

Искусительной выглядела намертво прикрученная табличка с 01, 02 и 03 и словом «бесплатно». Чаще всего телефонные хулиганы звонили в газовую службу (04). Но это считалось не круто. Круто и типа опасно – в милицию. И послушать, как их дежурный ругается. Безобразие, в общем.

Очень часто телефон не работал. Я хорошо помню, какой тяжелой и холодной была трубка, особенно когда снимаешь ее, а она тупо молчит. (Особенно зимой.) И как она пахла чужим дыханием и была теплой от руки предыдущего. (Еще и потной, в жару.) А тяжесть такая, что поговоришь, подержишь, потом плечо болит.

К будке время от времени стояла очередь, и, как всегда, когда говоришь не сам, я слушала людей и ужасалась: «Как можно обсуждать такую ерунду?» А может, просто я была маленькая, а разговоры взрослыми.

Иногда ждать приходилось долго. Очередь постепенно вскипала. И если в фильмах в таких случаях нетерпеливо стучали в боковое окошечко («мне тут уже стучат»), то в нашей будке болтунов тяжело брали за плечо.

Сейчас никто никого не ждет, чтобы поговорить. Иногда даже жаль, что нет.

Я думала, что в принципе не запоминаю номера телефонов, но, оказывается, это я сейчас их не запоминаю. А номера папиной и маминой работы из 80-х годов помню отлично, в этом есть что-то пенсионерское.

Уже, что ли?

И вот прибегаешь срочно звонить маме, две копейки одной монеткой или двумя однушечками всегда заготовлены, крутишь тяжелый диск, а он сопротивляется всеми своими пружинами. Потому что однажды раз и навсегда диск заменили на стальной, до этого был пластиковый, но его поджигали раз 50 подряд.

Крутишь диск, слышишь в трубке мерное сухое тра-та-та, тра-та-та, срывается, снова тра-та-та, гудки и бац! – не туда попадаешь. Какая-то старушка тебя же и обругает, а двушка была одна и надо бежать в хлебный ларек, умолять продавщицу разменять пять копеек на 3 + 2. Желтая двушка с хлебными крошками…

И вот снова гудки, надопоздороваться, надопоздороваться, иначе маме на работе скажут, какая у нее дочь невоспитанная, кто-то уходит вглубь кабинета, слышно как стучат каблуки по паркету, а в трубке свистят звуки из космоса, и далекие разговоры, один, два, три диалога… Кто подальше, кто совсем рядом. Их дела и заботы кажутся смешными, нереальными, как из кино – какие-то сплетни, какая-то колбаса, крики.

Потом мама, там у себя на работе, наконец, подходит, говорит совсем близкое, отчетливое «але» и это маленькое чудо, облегчение и все становится нормально.

А у моего первого мальчика две копейки были на веревочке. Он доходил до нашей будки, звонил мне, тянул за веревочку,

доставал монетку обратно из автомата, и мы шли сидеть на скамейке.

Однажды я ему тоже, помню, звонила на домашний – помолчать, но дать понять. И он догадался, что это я! Увидел меня в школе, улыбнулся, а потом на уроке выглянул из-за плеча соседки и передал записку, такую классическую, на бумажке в клеточку, помятую, заготовленную заранее – «я тебя люблю». Я написала чуть ниже «я тебя тоже». И передала обратно.

Совсем надоели мгновенные коммуникации, эта доступность меня и всех на свете в любой точке планеты. Я измучилась, хочу записок и звонков из автомата на углу.

Позвони мне, позвони…

И Тушнова с Пугачевой как:

«Переждать не сможешь ты трех человек у автомата».

А эти автоматы уже – прошлое столетие.

Айва

Хотела айву еще с осени. Но ее на каждом шагу не купишь. Увидела в проклятом «Ашане». Взвесила две, а тот, кто стоял рядом в очереди, южный человек, удивился: «Тут? Айва? Что-то из прошлой жизни». Да, айва, она оттуда. Где остались горы, села, фруктовые деревья, лепестки на земле. И дороги по краю бесконечных садов, вдоль которых стоят ведра с абрикосами. Потом персиками. Потом айвой. Она такая аутентичная айва. Сейчас, конечно, весна, но для утраченного – не бывает времени года. И мне кажется, что где-то вечно зреют фрукты, зеленеют деревья, падают яблоки в траву, а я – тоже вечно живу в снегу и сапогах. И уже смирилась с этим. И покупаю сентябрьский плод весной в «Ашане». Я хотела сесть, взять нож и блюдечко и отрезать по кусочку. И смотреть, как садится солнце. Чтобы хоть что-то было похоже на «как раньше». Так прошло три недели. Времени спокойно сесть не нашлось. Но айва на подоконнике украсила мою жизнь. Своим видом она как бы говорит: я тут, я лежу, жду и никуда не деваюсь. Во мне спокойствие, которым я всегда смогу поделиться, а ты всегда сможешь разделить. У нее такой голый незащищенный вид. Или мне кажется… Но нам же тут не до айвы, нам нельзя снижать обороты. Их надо только наращивать и искать упоения в буре. И делать вид, что в буре есть покой, и Лермонтов заблуждался.

Женщины-женщины

Сидела на маникюре в компании трех красивых ухоженных армянских женщин. Одетых под стать их красоте и ухоженности – со вкусом и шикарно. Им не жалко быть шикарными каждый день.

Я вот, если у меня встреча срывается, а я уже накрашенная – ищу куда пойти, чтоб грим не пропадал.

А среди женщин-женщин так осмотрелась и поняла, что выгляжу точно как странные московские особы, которых лет двадцать назад я рассматривала в редакциях, и у меня мозг взрывался: где? Где они берут эти дурацкие одежды? В каких подвалах и сундуках?! Почему не гладят? Не носят нормальные сережки?!

Сама я в те времена еще пыталась быть шикарной. По будням. В Москве. Но выдохлась очень скоро. Заранее мятые рубашки с потребительским свойством «ноские» потеснили пушистые кофты, которые надо было стирать в шампунях.

Прошли годы, и вот, вокруг, покачиваясь на каблуках, ходят не поддавшиеся женщины в бледно-розовом и с безупречными бровями. А я сижу в ботинках – не поймешь, мужские или женские, старинных джинсах Wrangler, жилетке хэнд мейд мама вязала, и рубашке, скажем, японской – и этим все сказано.

Да.

И заяц деревянный в виде броши к жилетке приколот. Или это брошь в виде зайца. Веселый такой, разноцветный, уши так и торчат.

Я долго сопротивлялась московскому повседневному стилю, когда в зал Чайковского ходят чуть не в горнолыжных ботинках. А всем этим очприкольным «авторским» штучкам предпочитала золотые сережки.

Прошли годы, и посмотрите на меня, иду в кино в компании зайца:

– Мне на «Три билборда».

– Один?

– Один.

– А он и есть один.

Купить последний билет в зал, потом купить самый жирный молочный коктейль в мире, уже собраться простить себя и услышать за спиной:

– Мне тоже с собой, но шампанского.

– Одно?

– Лучше два. Полусладкого.

И простить.

Отключить телефон на фиг, а если он спросит, где была, ответить неопределенно: «впитерепить».

Но он не спрашивает.

Пора вернуть тонкие колготки и приталенное.

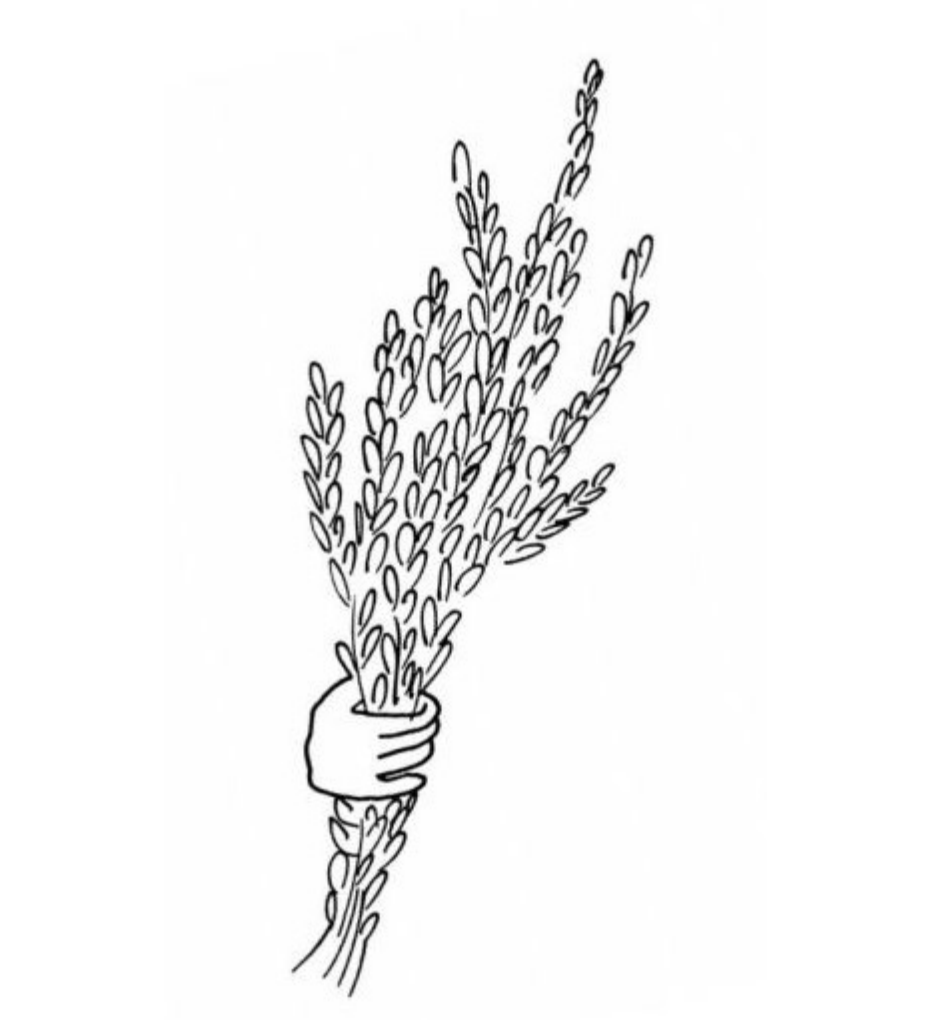
Свечечки да вербочки

Мы вышли из Пушкинского на промозглый весенний воздух. После встречи с искусством организм отверг мысль о «Бургер Кинге», но очень хотел есть. Пока осматривались на Кропоткинской, пошел дождик, руки озябли, нос замерз, пришлось забегать в ближайшую дверь. Забегаем, и сразу понимаем, что там ХОРОШО. Толстый человек в фартуке – хоть сейчас на вывеску – не спеша режет лимонную цедру, а девушка раскладывает ее на печках. Запах почти сельский – природный, свежий, он смешивается с запахом ванильного крема, и все какое-то не московское.

Согрелись, сели к окну на высокие стульчики, напротив оказался мокрый мощеный переулок, который, как в Тбилиси, круто идет вверх, а в конце его стоит желтое закатное солнце и не слепит глаза, и опять же не по-московски видно много неба. А у нас тут тепло и пахнет ванилью, цедрой и сандалом. Заказали капучино с мятой.

Назавтра Вербное воскресенье, мимо идут люди с ветками – несут святить в Зачатьевский монастырь. У некоторых вполне суетный вид, будто им важно поскорее с этим закончить, но не у всех.

Мальчики да девочки
Свечечки да вербочки
Понесли домой.
Огонечки теплятся,
Прохожие крестятся,
И пахнет весной.
Ветерок удаленький,
Дождик, дождик маленький,
Не задуй огня.
В воскресенье вербное
Завтра встану первая
Для святого дня[13].



Настроение именно такое и я бы очень хотела быть причастной к этой процессии с вербами, спешить на службу, повязать платок в храме, взять в руки свечку, отстоять сколько надо, и чтоб на меня брызнули благодатью. Но я не соблюдала пост и теперь сижу во французской булочной и ем профитроли. Мимо ведут лошадь, и сразу видно, что в городе ей тесно. Подковы скользят по брущ-щ-щатке, лошадь оступается, ей тут не место.

Когда-то, когда я верила в силу печатного слова, я с ужасом прочла в журнале Time Out полную гнева и отвращения заметку о том, что в Москве не найти нормальных профитролей. Заметка была за женской подписью, и я подумала: тоже мне проблематика! Тоже мне журналистка – самка журналиста.

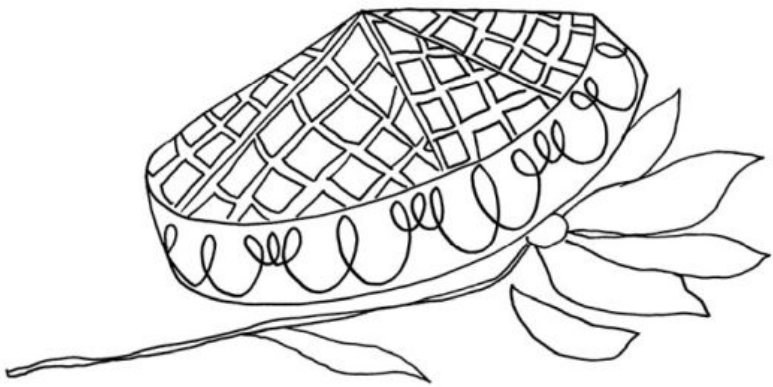
А теперь, пока я пытаюсь обнаружить в себе веру хоть во что-

нибудь, профитроли стали так важны. Они такие вкусные! Ася, конечно, хочет еще. Мы доедаем и идем в Зачатьевский. Мы пытаемся создать новую семейную традицию. По дороге покупаем вербу, успеваем ее освятить, а когда едем назад в троллейбусе, тетка толкает дочку в бок и шепчет: «Вот, люди к Вербному готовятся, а мы с тобой вечно никаких праздников не блюдем!»

Правильное направление

Встретили на улице старого дедушку, сразу видно, что давно без бабушки, но держится. В хорошем драповом пальто, которое стало велико в плечах. И, что характерно, в кожаном летном шлеме (жаль, без летных очков). Абсолютно понятно, что это его собственный шлем.

В общем, спрашивает, как ему найти такой-то адрес. Сразу оказывается, что он ушел в другую сторону. Объясняем, что надо перейти дорогу и двигаться в противоположном направлении. Через минуту оглядываемся – снова идет не туда. Догоняем, направляем. Ася идет спиной, чтоб контролировать ситуацию: «Не волнуйся, он перешел дорогу, очень даже бодро… Стоит. Так, пошел куда надо. Идет нормально».



Это такое детское весеннее ощущение: жизнь не стоит на месте, все идет нормально, причем в нужном направлении. Ася в этом уверена, и я не сопротивляюсь. Внезапно в ВК приходит сообщение от Гасикова друга, который уехал в Ашхабад: вам нужна тюбетейка? Отвечаю, что мне очень нужна тюбетейка и смутно вспоминаю, что летом спрашивала, продают ли там у них тюбетейки?

Еще Ася уверена, что все обратимо. «Я сегодня очень расстроена – тройка по самостоятельной. Но самостоятельные можно пересдавать. Так что я подготовлюсь и перепишу! И буду я молодец».

Она перепишет; дедушка пошел в нужную сторону; у меня будет тюбетейка, а хорошо бы и шлем; Гасик, который так волновался за поцелуи, – научился целоваться, теперь волнуется

за секс; а солист его очередной любимой группы Breaking Benjamin почти вылечил свою аэрофобию, и теперь есть надежда, что он перелетит океан и даст концерт в Москве. И конечно, тоже будет молодец. А там посмотрим.

Авитаминоз

Главное, все ж хорошо, голова не болит и в воздухе такая легкость. Кругом проталины и тени. И солнце нежное, но яркое. Солнце цвета розового золота, оно просвечивает нас насквозь, и я вижу незабудку на маленькой чашке в кухне дома напротив остановки. И трещинки на крашеной раме.

Две девочки лет по 15 в одинаковых белых кроссовках оттирают с них невидимые пятна, слюнявят пальцы, трут и снова слюнявят. И не важно, сколько мне лет и какое время года. Такое может быть когда угодно, а в том, что весна, нет полной уверенности.

Мимо, пристегнутые к автомобильным креслам, едут уставшие дети: субботние родители везут их родителям круглосуточным. Почему детский досуг всегда хотят сделать и приятным, и полезным, а в результате получается ни то, ни другое? Стало модно советовать просто оставить детей в покое. Я – за.

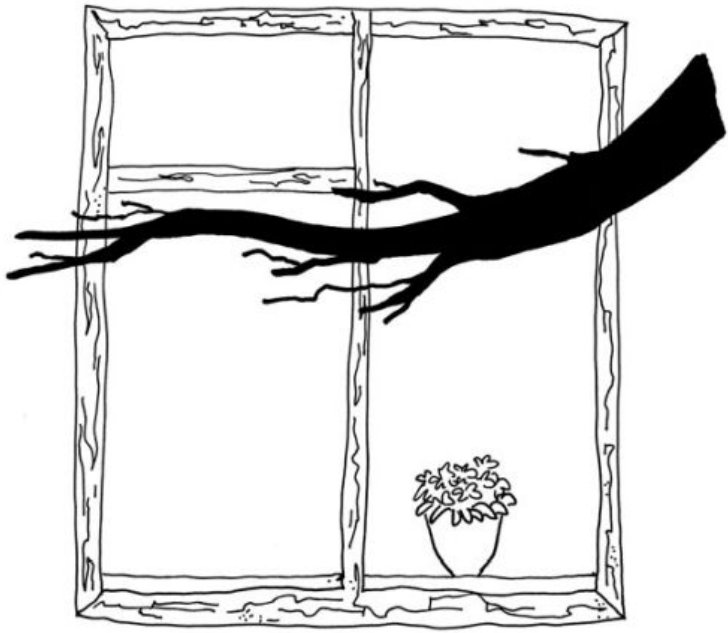
И тут ребенок лет пяти спрашивает, почему в этом автобусе нет вай-фая? А в других что, есть? Только не это.

«Придет смерть, и у нее будут твои глаза» – написал Чезаре Павезе. В моем случае это будут такие светлые, почти что белые глаза, как у собаки породы хаски. И такие же злые. Главное, у нас же все хорошо, да? Только в левом виске и повыше все время что-то пульсирует, наверное, сомнение. Надо посмотреть, что это значит по психосоматике.

* * *

Иногда хочется быстро и долго бежать внутрь себя и захлопывать за собой двери, щелкать щеколдами, задраивать люки, крутить по часовой, задергивать шторки, закладывать щелки. Чтобы ничто, ничто не смело просочиться. И посидеть в тишине, как в сейфе.

А иногда хочется выползти из своего тела, оставить его, как водолазный костюм на берегу нового континента или хотя бы острова, ладно, берега, – и уйти в субтропики, такой, как есть, вообще без оболочек.



Ну, потом вернуться, конечно, опять заползти в кожу и в маски.

И постоянно хочется прикрыться от какого-то света в глаза – то ли фары, то ли прожектора, то ли мониторы. Такие все яркие, белые.

Может, витаминов каких попить?

Когда я не разрешила переключиться с канала History на канал Paramount Comedy, Ася сказала:

– Нда, не таким мне виделся воскресный вечер…

Подумаешь, мне каждый вечер видится не таким.

Первомайское

– А че такая серьезная стоишь? Завтра же ПЕРВОЕ мая! Радоваться надо! На работу не пойдем. Откроем сезон – купаться будем в пруду на Кусковской. Давай с нами? Я привык первого мая – купаться. Я просто казак кубанский. Без воды не могу. Соглашайся. Съездим утром на Выхино – на рынок. Купим вкусных помидор, мяса. Ты, наверное, клубники захочешь, она уже сладкая. А хочешь, потрогай мою лысину. Уже чуть-чуть отросло, тебе станет щекотно, это тебя рассмешит. Рыбу можно пожарить. Ну и выпивать, конечно… Стой, давай шнурками поменяемся! У меня тоже яркие! Ой, ну хоть улыбнулась. Давай! С праздником!

(Просто парень на остановке)

* * *

– Надо гулять, везде ходить, все пробовать, все знать… А то потом пожалеешь. Оглянуться не успеешь – хлобысь – сорокет. Тут уж не попляшешь…

(Тетки на остановке)

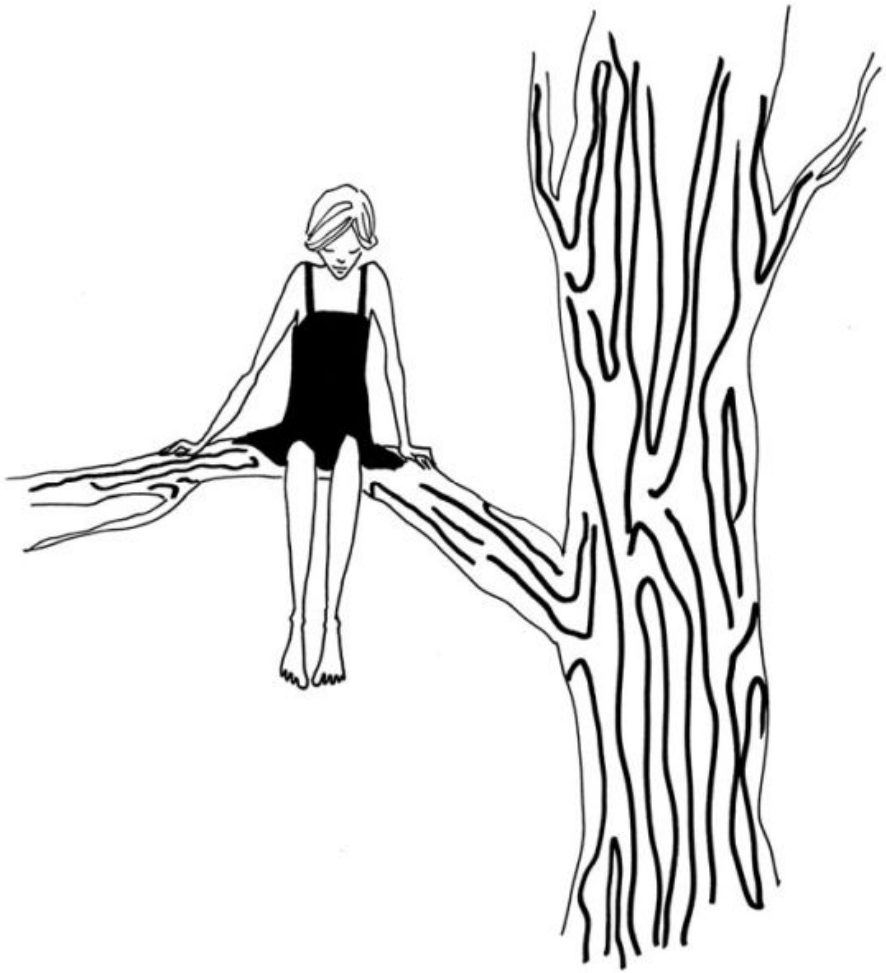
Настроение стало прямо праздничное.

Стрижи детства

На нашей стороне улицы были пятиэтажки, на противоположной – уже частные дома, а выше Тарки-Тау – гора в шаговой доступности. По́верху она как бы оторочена скалами, которые лунными ночами отчетливо светятся, а в ненастные дни прикрыты облаками или туманом.

По улице не ездил общественный транспорт, и вообще машин было мало. Поэтому я слышала, как шебуршат куры в частном дворе напротив, как гремит цепь кавказской овчарки (у нас их называли кутанскими), и как она долго крутится и наконец укладывается у себя в будке, как скрипит трехколесный велосипедик маленького мальчика, который часто ездил на нем без трусов. Короче, масса звуков окружала меня, особенно с утра.

А вечером были отчетливо слышны разговоры прохожих. Их было мало. Справа из-под горы шли работницы швейной фабрики – они цокали каблучками и разговаривали о таких вещах, которые тогда казались мне смешными, а теперь не очень: «Ты видела, как он на тебя смотрел?», «сразу не отвечай, пусть не думает…», «ты вообще собираешься…?» Собираешься что? – хотелось бы мне знать, но так как девушки разговаривали на ходу, я так и осталась заинтригованной по поводу их намерений. Мой мозг долгие годы находился в состоянии ожидания развязки.



И вот, уже работая в газете, причем в экономическом отделе, я воспользовалась служебным положением и проникла на швейную фабрику. Почувствовала, что за эти годы знаю уже слишком много о жизни ее работниц. Очень хотела своими глазами увидеть среду их обитания. И в конце концов понять, что они там шьют в две смены. Мы тогда все ходили в халатах Хасавюртовской швейной фабрики и очень гордились разнообразием фасонов и живостью расцветок. Почему-то я ожидала встречи с веселыми ситцами и девичьим щебетанием. Но оказалось, фабрика работает на оборонку – шьет постельное белье для армии. Строчить простыни и при этом сохранять такую жизнерадостность, чтобы, подскакивая на махачкалинских колдобинах, по дороге с ночной смены годами говорить, кто на кого как посмотрел, и гадать, во что это выльется. Всюду жизнь.

А слева по вечерам шли мужики из пивбара на углу. Это был

прекрасный пивбар типа «стекляшка», куда посылали сыновей с трехлитровыми баллонами (в сеточке) или стояли на воздухе у классических высоких стоек. Ну и лежали на травке по периметру.

Нельзя сказать, что по дороге домой мужики разговаривали. «А я тебе скажу вот что…», «Забудем, забудем…», «Ну по-о-оздно, не ори». И еще были всякие рычания, мычания, рыдания и бурчания, а также горловое пение, переходящее в массовые драки со страшными звуками возни и трения пиджаков и туфель об асфальт.

Извините, ностальгия.

Просто вчера закончился интернет, я провела ночь и утро в тишине. И услышала все забытое: как звучат капли дождя, когда они стучат о козырек подъезда, и как – о подоконник, и как об асфальт. Потом как с тополей сыплются сережки. Как трутся друг о друга крылья голубя, пролетающего мимо окна, как скрипят о плитку туфли парня на лестничной площадке, как гудит закипающий в турке кофе. Но самое главное! – я услышала под окнами такие же каблучки и такое же милое девичье щебетание примерно по тем же проблемам и – о ужас! – такие же пьяные крики с рычанием, ворчанием и нечеловеческим пением. Через двадцать лет, в другом, полностью противоположном месте.

Всюду жизнь, и везде одно и то же. Наверное, это должно меня жизнеутвердить.

И еще о звуках. И ностальгии. Во дворе дома моей бабушки в Грозном рос огромный тополь-вонючка. И у него была величавая круглая крона. Такие деревья художники любят рисовать в детских книжках и располагать на них гнезда, цветы, плоды, котов и скворцов.

И вот в сумерках вокруг этого сказочного дерева любили летать стрижи. Стаями, по кругу, по кругу. Происходило это как раз на уровне моих глаз на четвертом этаже. Делать было нечего, бабушка на кухне варила варенье из белой черешни, я сидела на маленьком балконе, на маленькой скамеечке, которую дедушка сделал сам, и смотрела на безумное кружение стрижей.

И слушала, как стрижи пищат. Звук то отдалялся, то приближался. Эхом звенел в школьном дворе и снова приближался, и опять. И так много раз. А дерево стояло на фоне розового закатного солнца и не шевелилось. Ни листиком – то самое грозненское безветрие.

Я все думаю, почему писк стрижей у меня так связан со счастьем? Со счастьем как с ощущением «столько всего впереди».

Наверное, тогда, когда я слышала этот звук, жизнь у меня даже еще не началась, но по всем признакам должна была быть

насыщенной и вкусной. Каждый день мы привозили с дачи ведра огромных черешен и маленькие корзинки с клубникой и красной смородиной. И розы. Я сама срезала розы и ставила в вазы – «Мадам Баттерфляй» была самой нежной и пахла загадочно, особенно в темноте.

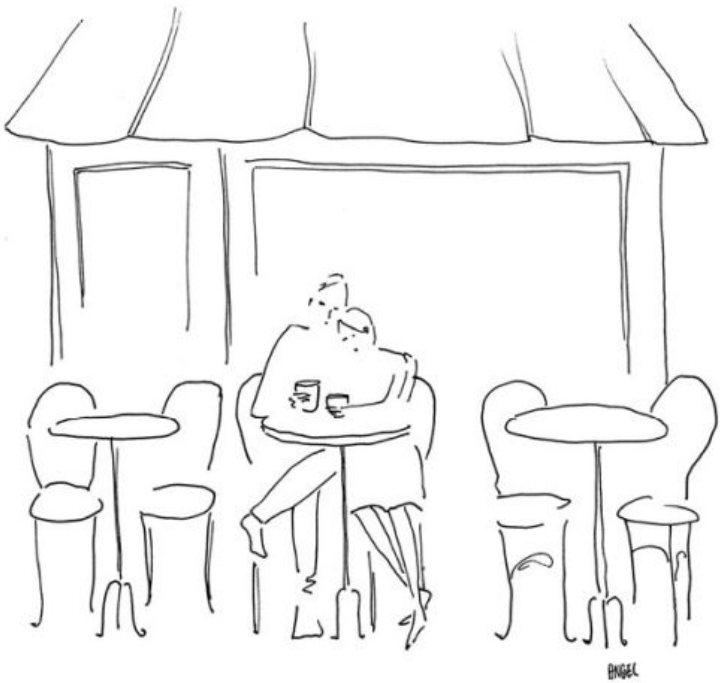
В общем, стрижи не поют, не щебечут, они пищат. И в последние годы мне стало не хватать их радостного писка. Он стал мне остро необходим. Я прислушиваюсь ко всем птичьим звукам, но все не то, все не то. И есть ощущение потери и чуть ли не тяжелой утраты.

Дом-то разбомбили в 95-м, дерево наверняка сгорело, но стрижи-то куда подевались? Их нет нигде! А из меня как будто вычли какую-то составляющую счастья. Как будто больше никогда не будет беззаботности, сумерек, варенья из белой черешни и стрижей, укачивающих девочку.

Хотя, что значит «как будто»? Какая я глупая. Не будет точно. Чего уж там.

Окно в Париж

Позавчера утром было так солнечно, а дома ни кофе, ни хлеба, и я подумала: сейчас бы выйти и сразу в Париж в шляпке и туфлях на каблуках, сесть за столик на тротуаре и медленно завтракать.



Выйти пришлось в Москву, притом в кроссовках, и сесть с краю в сетевой кофейне. Но столик был у окна, да еще и выложен стеклянной мозаикой, и она сияла на солнце, как разноцветный мармелад: облизать нельзя, но можно не бояться, что растает.

У официантки оказалась такая красивая ровная спина, что я не удержалась и спросила, не занимается ли она танцами. Тогда она тоже засияла и сказала: «Да!» Мы поболтали о нелегкой жизни танцоров, и она удалилась, танцуя одной спиной.

А прямо рядом, ну честное слово, сидели два француза и говорили, ворковали, курлыкали на чистом французском! Я даже пыталась заснять их для 15-секундного видео в инста (типа, городские зарисовки, тэг «атмосферно»), но одумалась.

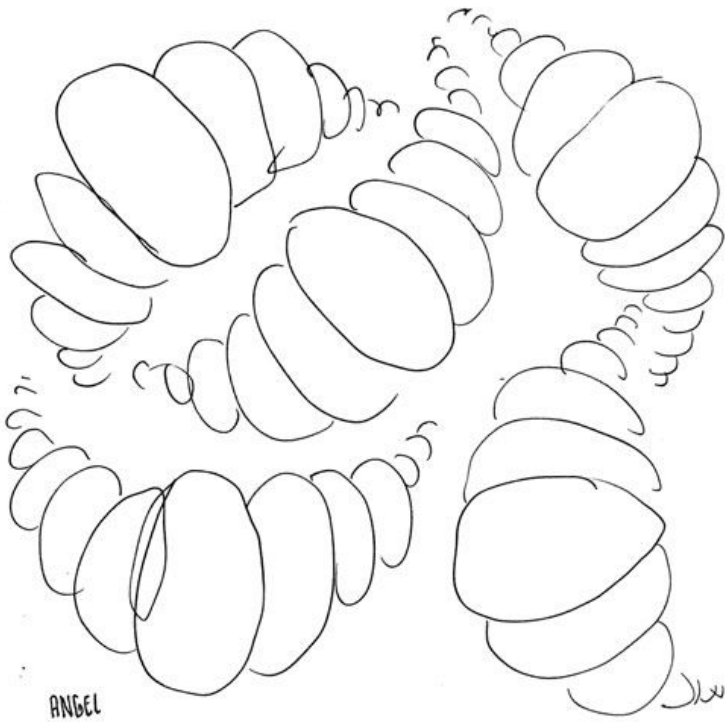
Это было как чудо. Как будто я все же вышла в Париж.

Долго и уверенно звуки французской речи вибрировали в

воздухе, неправдоподобно органично они сливались с запахами пекарни. Раскаты и перекаты! Возможно, французы говорили, например, про механизацию, детали двигателя или бухгалтерию по проекту (что одинаково непереводимо с французского и с родного). Ну и что. Можно было отвернуться и представлять молодого Бельмондо или поросшего щетиной Венсана Касселя. И было бы похоже, что они тоже рядом. И говорят об обыкновенном.

Об обыкновенном, кстати, труднее всего говорить интересно. И важнее всего.

Хорошо еще эти французы не ели круассаны (обмакивая их в кофе), был бы перебор и лубок.



Они-то вообще ничего не ели. Малюсенькие чашечки с эспрессо, стаканы с водой с лимоном. Случайно я видела, сколько они оставили на чай – рублей 12 горсточкой монет.

Да.

Но я купила багет.

Его можно откусывать сегодня, смотреть на туман и думать о Париже, солнце и танцах.

Где родился

Я верю в это старорежимное про «там, где родился, там и пригодился». И жалею, что не пригодилась у себя. Невозможно перевезти с собой корни.

А в новой почве – пока найдешь, какими соками питаться, пока нащупаешь связи в новой грибнице – вся жизнь пройдет.

Вчера видела такое. Магазин «Цветы». Продавщица – Сибирь, Ставрополь, Краснодар, Урал – молодая, плечистая, бедрастая – ей бы сеятелем работать, ей бы на простор. В ларьке она не на месте, ей тесно. И покупатель – Средняя Азия, маленький, щупленький, смотрит на нее как на воспитательницу в садике – снизу вверх.

И короче, покупает он три розы.

Она ему заворачивает.

Он лезет в карман, пересчитывает деньги. Происходит диалог.

В результате одну из роз меняют на худосочную хризантему (все равно вечером выбросили бы). Кому он понесет этот странный букет? В какие отношения он его инвестирует и что надеется от них получить? Какую часть дневного заработка он на него потратил?

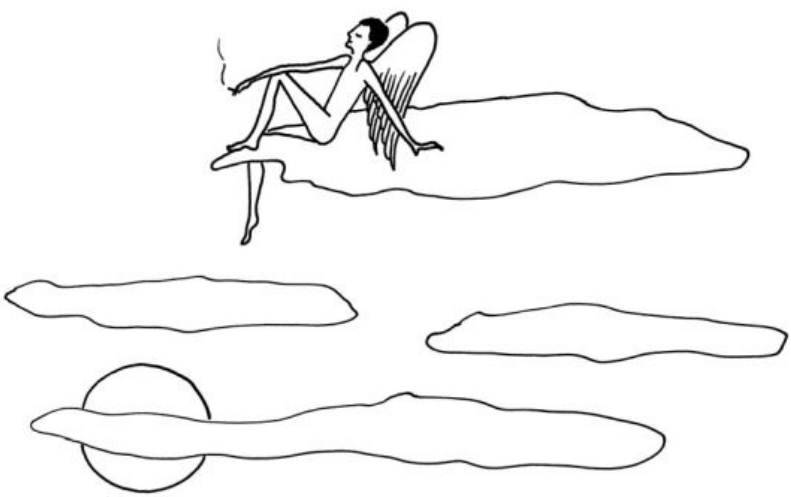
Блин, такие неприкаянные все. Людей тасуют, перемещают, гоняют по земле. Они пытаются жить или создавать видимость нормальной жизни.

Но когда смотришь на эти попытки вот так через стекло, понятно, насколько они тщетны. В том числе свои собственные.

Рассеянный ангел

У моего ангела свои творческие амбиции и много посторонних дел. Шабашки, компашки, какой-то левак. Я у него иду по остаточному принципу. Эти постоянные отлучки, пускания ситуации на самотек, опоздания, когда уже ничего нельзя изменить, а можно только сметать опилки и подтирать сырость. И его чувство юмора мне не нравится. Слишком изысканное.

Мне кажется, он смазливый и много о себе понимает. Типа вечный ребенок, как на немецком сервизе «Мадонна», – молодой, кудрявый, нахальный. В целом неплохо, но слишком зависит от настроения. Вот еще был, грел в области левой щеки, что-то нашептывал, пах перышками, и тут раз – сквозняк, и я точно чувствую, что одна. Улетел. И сразу темно и будто лес обступает, как в кино Тима Бертона. Ангел как бы во мне уверен, как бы говорит: ну-с, дальше сама!



А я не могу сама. Дети уверены, что могу сама, родители уверены, что могу, надо дальше поддерживать в них эту уверенность. Но ангел-то должен знать, что мне нужна помощь. Мне нужно чудо.

Хотелось бы кого-то покрепче, помощнее, ну, что ли, пососредоточеннее, с широкой грудной клеткой, и чтоб внутренним спокойствием так и веяло. Не так, как от чистильщика бассейна или постригальщика лужайки из порнухи. А чтоб он был весь веселый, добрый и умудренный, и знал, что нельзя бросать меня в лесу. И все у него чтоб под контролем,

надежным, но ненавязчивым: «Да успокойся, не суетись».

И тогда я смогу иногда сидеть и ни о чем не думать, чуть в стороне от течения времени. Мочить ножки в другой реке, и болтать со своим бывшим ангелом. Для поболтать он вполне пригоден. Он мне будет говорить: «Ну как твой новый? Все геройствует? Ну-ну… Слышал, он вчера у-у-у-у-у-у-ух!»

А я буду говорить: «Ну че за вид? Опять целый день на пляже проспал? Ракушка к попке приклеилась… Крылья пора чистить, в перьях какая-то старая карамелька застряла, поскреби. Или жвачка? Песчинки в пупок напичкались… Слетал бы к своей новой, небось, сейчас экзамен провалит. Как я ей сочувствую!»

Ну, вот как-то так хочу. Тишины, молока и меда…

Понимаю, на что все это похоже, тут и к доктору не ходи. Но мы ему не покажем.

Летний сад

Река, сосна, птица

Я когда еду в метро и не читаю (и не сплю), то вижу людей и все про всех понимаю.

Вижу всякие мелочи и, наоборот, их жизни целиком.

Может, я во всем ошибаюсь, но это не важно.

Я так хорошо всех представляю, что подробности чужих жизней наполняют меня, и я сразу устаю.

Вот бабка, старая, но крепкая, читает сложную философскую книгу, может, преподает в вузе, зачет – удáвится, но просто так не поставит, внуков любит раз в году, подруги умерли, туфли дорогие, какая-нибудь коллега из Америки прислала, на научной конференции познакомились…

Вот парень – рубашка розовая, галстук – голубенький, белые макасины на голую ногу, загар – явно солярий, если ваще не автозагар – некогда ему никого любить – все время на любовь к себе уходит. Женщины приходят и, что особенно радует, – уходят. А он остается.

Девушка – ногти накладные, но неухоженные, сумка как бы дорогая, бижутерия и пудра совсем дешевые – наверное, из Ржева, Урюпинска, Крыжополя, папа бухает, мама пашет где-то за копейки, брат в армии, она, наверное, здесь на съемной квартире с такими же подругами, продавец в плохом магазине.

Говорят, что житель мегаполиса за день встречает столько людей, сколько человек XVIII века – за всю жизнь. А я их еще и придумываю, и про каждого роман могу написать. Голова пухнет.

Вчера закрыла глаза. Стала думать: прокисло ли молоко у меня в холодильнике и получится ли из него простокваша, и что стекло на планшете надо менять.

Открыла глаза и, чтоб не смотреть на людей, стала читать книгу у девушки по соседству.

Это был актерский учебник. По Станиславскому что-то там… Я успела прочесть только три строчки.

«Представьте себе следующие предметы и существа:

– белый медведь;

– чайная роза…»

Там дальше еще много чего было. Но я так потряслась. Ведь действительно, подумала я, где-то есть белый медведь, он ходит по снегу, следы оставляет, ловит рыбу, а где-то есть чайная роза, она цветет, пахнет не холодильником, а розой, может на кусте, может в вазе.

А я еду тут под землей.

А в субботу мы с коллективом ездили в лес.

Такой настоящий.

Сидели на берегу.

Вокруг стояли тишина, и ели, и березы, и осины, а напротив на острове – густо-густо высокие, идеально ровные сосны, деликатно пела какая-то птичка, медленно текла река.

И вдруг кто-то спрашивает: «Так как ваш журнал называется?»

Главред помолчала и говорит: «Коммерческий директор».

И это так странно прозвучало в этом месте.

Вообще немыслимо было, что где-то есть какая-то коммерция, какие-то директора…

Мы переглянулись и больше не стали говорить о работе.

Надеюсь, что когда я буду… ну там, скажем, на небе…

там где-нибудь рядом будет река и хоть одна сосна и хоть одна птица…

и представляю, если мне там кто-нибудь напомнит, как я беспокоилась о простокваше и функционале iPad…

Как это будет…

странно…

И хорошо бы, чтоб было с кем переглянуться.

Там хорошо, где…

В Махачкале моего детства был один плавательный бассейн при холодильном комбинате, и называлось это «на холодильнике». И было далеко. Ассоциация с холодильником мешала мне полюбить это место. Плавала я летом в Каспийском море. Каспий – он такой не гламурный, суровый такой (берега песчаные зато), непрозрачный, благородного темно-болотного оттенка. Не похоже на курорт. Но в случае чего я доезжала до пляжа – на маршрутке или на машине, если подальше – плыла до горизонта и возвращалась как новая.

Зимой такой фокус негде было выкинуть, а очень хотелось. Мне все время казалось – вот могла бы я в случае чего бултых! – и поплыть – сам черт мне был бы не брат. Что бы это ни значило. Я годами, десятилетиями мечтала о бассейне с прозрачной голубой водой. Чтоб прийти, раздеться и растворить в воде все впечатления, эмоции и мысли, превратиться в сплошную мышцу, а потом почувствовать приятную усталость и даже эйфорию…

Теперь он у меня есть. Уже больше полугода я хожу в роскошный голубоглазый светящийся бассейн. Там прекрасная сауна, хамам, джакузи и прочее. И все это через дорогу от дома. И работает до полуночи. Я своему счастью долго не могла поверить. А недавно, стоя под массажным водопадом, вдруг так пожалела нас всех, кто плавает в теплую пятницу вечером.

Я представила тех, кто этим майским вечером сидит на веранде ресторана. На столе льняная скатерть, бокалы с красным вином, их брызги превращаются на скатерти в багровые звездочки, шоколадные сигареты, теплый ветерок и вид на старую Москву. Или Рим.

И тех, кто ныряет сейчас на каком-нибудь острове в океан и видит маленьких ярких рыбок.

Или тех, кто в гамаке с косяком на берегу.

Или тех, кто макает кисточку в краску и ведет по шершавой бумаге такой смачный пастозный след. Синий.

И тех, кто сидит в зале венской оперы в красивом платье, а на сцене поют-заливаются лучшие в мире голоса. И музыка заполняет все пространство.

И тех, кто делает сейчас долму на своей даче на Истре.

И тех, кто спит под большим деревом в глубине двора или сада.

И тех, кто на вершине какой-нибудь высокой горы грызет травинку, и даже орлы летают под ним, а он видит их гнезда в скалах.

И тех, кто пишет роман или сценарий вдвоем или втроем. У них мозговой штурм, они орут друг на друга, потом что-то придумывают и понимают, что это то, что надо! И начинают подпрыгивать.

И тех, кто идет по Нью-Йорку со стаканчиком кофе в руке.

И тех, кто готовит пиццу босиком на летней кухне, а дети бегают во дворе и заглядывают и спрашивают, когда уже будет готово.

И тех, кто целуется на эскалаторе.

И тех, кто сидит в закрытом со всех сторон дворике, выложенном плиткой, а посередине фонтанчик журчит…

И тех, кто сейчас садится в самолет и знает, что в аэропорту встретит кто-то сильно любимый.

В общем, я поняла, что наплавалась. Это невыносимо скучно. Хорошо абонемент проплачен на год вперед. А то бы бросила.

Человек места

Это ловушка какая-то. Кто-то спокойно эмигрирует в заморские страны, живет с другой стороны земли, где вокруг говорят не по-нашему, и ничего, обживается, выучивает новые маршруты, привыкает – даже думать, даже чувствовать по-новому. И его там прет, прет, прет! Ну бывает же так.

А у меня не получается. И уже понятно, что не получится никогда. Потому что в мой геном встроен навигатор с единственно верной геопозицией.

С детства Большая медведица висела над школой, выходишь из подъезда – налево.

Или вот голоса, треск, хор цикад летом обступал, стоял стеной, сопровождал в дороге и был настолько привычен, что не замечался.

Или вот муравьи – они, оказывается, всегда были перед глазами, за ними наблюдали часами, сидя на корточках, подкидывали им травинки, заставляли огибать препятствия, пытались вычислить, кто у них главный, а кто рабочий?

И вот я уехала и теперь живу в окружении птиц с высокими голосами и деревьев, которые шумят на другом языке. Звезды вроде те же, но не слева, а все время за спиной. И все хорошо, а кое-что намного, намного лучше, чем в родной стороне. Но!

Когда мозг, сканируя окружающую действительность, не обнаруживает в ней сюрчания цикад и лая собаки, не видит фоном силуэта горы, не встречает ни Большой медведицы над школой, ни вечного движения муравьев вдоль дорожек – он начинает понимать это так, что местность незнакомая и, возможно, враждебная: «Опасность! Опасность!»

Вот так я, оказывается, устроена.

Если без муравьев и горы, на дне головы включается тревога, и я чувствую себя неуютно, хотя и не осознаю этого. Или осознаю, но не сразу. Но нигде не могу быть счастлива. Потому что нигде не дома. Как несправедливо в наш век тотального туризма, перемещений и всеобщей мобильности!

Ближе к сорока, не перестав мечтать о путешествиях, я поняла, что мне нужно, чтобы перед окном было дерево и чтоб собаки, обычные уличные собаки, лаяли, если где-то, на их взгляд, непорядок.

А если не так – вроде полный ажур, травка зеленеет, солнышко блестит[14], а я все равно – везде как на работе. Потому что там, где раньше был лай собаки и шум тополя, теперь зеро, дырка, пустота, которая не восполняется. И чувствую – чего-то не

хватает, но не помню, что было на этом месте. Может, спелый помидор и молодая баранина, а может, жужжание комара и мерцающая звездочка в углу пейзажа. А может, вообще что-то самое важное.

Однажды, сугубо по делу, в состоянии делового напряжения я приехала в свой город, легла спать в ночи, утром сонно вышла на кухню, села у окна и уперлась глазами в обычную картину – гора, как киль перевернутого корабля, ветреный день, люди куда-то идут, деревья качаются, кошка сидит в огороде и тоже смотрит на прохожих.

Я просто увидела это, и в мою неподготовленную душу снизошел покой.

Я остановилась на бегу, сбилась с рабочего ритма, и

служебный повод поездки стал не важен. Оказалось, что сто лет мне не было так хорошо, как на этой кухне. Оказалось, для счастья все имеет значение: угол наклона горы по отношению к горизонту, угол наклона пирамидальных тополей, загибающихся от ветра, и знакомый стук дождя по плексигласу.

Отпустило напряжение по периметру лба, во дворе встретила одноклассника, который даже не знал, что я давно уехала, и спокойно сказал: «Привет, Полин. С рынка иду…»

Я сидела на скамейке во дворе, долго смотрела, как кошка играет с воображаемым бантиком – выгибается, пружинисто прыгает вверх, сама себя пугает и бежит – просто так – от внутренней резвости, а в паре метров за ней мрачно и с остановками следует косматый боевой кот.

Не хотелось вставать, я ощущала, что наконец оказалась внутри своей матрицы. До меня дошло, что я человек места. Я к нему привязываюсь навсегда, как кошка.

А вернуться-то невозможно, немыслимо.

А потом был вечер, кромешная темень махачкалинских дворов и арбузная мякоть махачкалинских внутренностей. Гости, друзья, знакомые, незнакомые, блюда с мясом и тестом, подливка, бульон, коньяк, люди, слова, теплый воздух и живительный шорох последних, женских, «пуховых» тополей. Они, честно, шумят по-другому, по-свойски, принимая тебя целиком.

А потом была ночь, и в воздухе пушинки от камышей, и писк стрижей, и на дороге длинноногая птичка коленками назад, и слышно, как рыба объедает прутик в пруду. И небо очень темное, близкое, и казалось, я вижу пунктир, соединяющий звезды в созвездия. Как в старом учебнике.

Над садом стояла луна – огромная, желто-розовая, жирная, с оплавленным краем, будто потекшим от соприкосновения с горячим маслянистым небом. Или морем, из-за которого поднимается. Казалось, луна шкворчит и потрескивает, как яичница, как спелый плод. Звезды горели, метеориты падали, напоминая про вечное – даже после смерти – движение. И все было так близко, включая эту непонятную вечность, что с ней вроде можно было договориться.

А когда ехали обратно по контуру черных крон, за нами бежали три звезды, и одна из них была совсем розовая.

И это было счастье, самое настоящее, физическое – то ли забытое, то ли потерянное.

Amata nobis quantum amabitur nulla.

Сад летом

Потом, но не прямо сейчас, ты будешь стоять в саду одна. Хорошо, если в саду. Смотреть в небо и слушать, что происходит, ловить ветерки, рассматривать тени от веток на земле в лунном свете, вспоминать о чем-то, о чем больше никто не помнит, и думать о ком-то, кто безнадежно далеко.

Или вообще будешь сидеть, а потом и лежать в таком месте, где не видно звезд, к луне надо поворачиваться, искать ее в небе, а там облака, там – не дозовешься.

Но сегодня же не так.

Потому что на этот раз кто-то стоит с тобой в этом саду и тоже смотрит в небо и думает о своей, совсем другой, луне и своей, совсем другой, вечности.

Пахнет помидорами с грядки. Яблоня еще прячет плоды в листьях, шумит, отвлекает. Розы устали от жары и тоже будто оплавились. Где-то в темноте льется вода. Дорожка белеет. Собака урчит и гремит цепью, но не выходит.

Сегодня ты стоишь перед вечностью не одна, и потому в нее не засасывает. Тебя заземляют, держат за руку, срывают розы, протягивают последнюю маленькую землянику, чудом уцелевшую, – ее остается только слизать с ладони, – подсохшую, но ароматную.

И пока ягодка растворяется на языке, ты успеваешь подумать, что потом, но не прямо сейчас, будешь стоять в этом саду одна. И вспоминать о чем-то, о чем никто больше не помнит, и думать о ком-то, кто безнадежно далеко.

Перерыв на себя

Почему-то я не хочу открывать для себя неизведанные земли. Все они открыты, истоптаны, усеяны бутылками кока-колы. Самое интересное и неизведанное – я сама, и к себе я бы и хотела уехать. Чтоб дожди и бумажные книги.

Или поехать к морю, где на берегу песок и сосны, обязательно с красными стволами. Чтобы море холодное, и не брать с собой купальник и сланцы, чтоб сидеть и слушать волны, скрип времени внутри сосны и собственный внутренний голос.

Если б я могла услышать, распознать и подать этот голос, на него бы откликнулся кто-то похожий, и все бы понял по голосу и полюбил бы меня навек, и я его тоже. Я была бы в плаще, а он в свитере, и можно было бы возвращаться. «Обратно перебраться через дамбу».

Депрессия – это когда понимаешь, что никуда не уедешь, что не услышишь звона внутри себя, что внутренний голос не конвертируется в монеты. Тогда пора паксил запивать текилой, вырезать гланды, а лучше сердце, и так победить хадру. Но земляники и любви не будет. Разве только дожди и книги в телефоне.

Отпуск в маленьком городе у моря

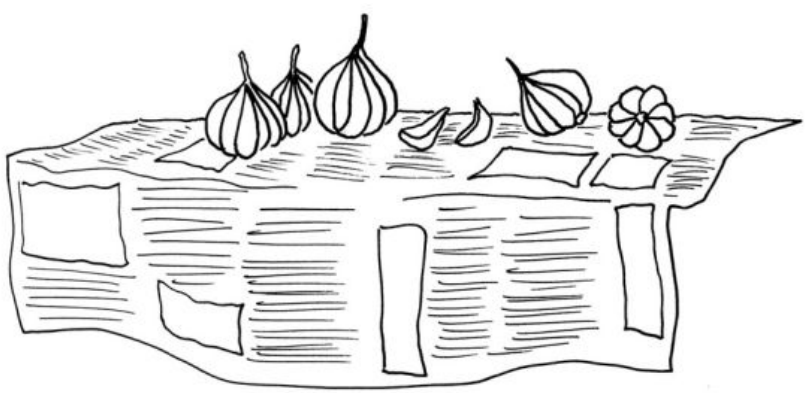
Жарким днем, в воскресенье, когда все семьями сидят на пляже, пошел дождь. Небо стало чернильным, море совсем белесым: картинка как в Instagram с фильтром Lo-Fit.

Встала радуга и серфингист под белым парусом катал мимо и сквозь нее, вправо-влево. Было непонятно, заметил ли он, что дождь, видит ли он радугу. Или, может, у него все внутри, всегда с собой – и радуги, и дожди. Ему вообще главное – ветер. А ветер крепчал. Тряпичные навесы от солнца превратились в паруса и громко захлопали.

Сначала все не верили, что это надолго, и даже не снимали больших шляп, но дождь превратился в ливень, и народ повалил домой. Серфингист остался игнорировать радугу. Потом стемнело.

В первом доме от моря – бар, а хозяин в нем – египтянин, говорят «настоящий египтянин», который на родине заправлял солидной сетью отелей, но волею судеб оказался в маленьком городке, женился на дагестанской женщине и открыл бар. На самом деле – пивнушку. Ну ничего, они тоже жизненно важны. По вечерам оттуда, в основном по трое, выходят народные философы. У них много времени и тем для дискуссий. Они перекрестно и по кругу с удовольствием объясняют друг другу, что жизнь – штука сложная, кругом все гондоны, но лично их не проведешь, «не вчера родились» и палец им в рот не клади.

Рабочий сидит на третьем этаже строящегося дома в пластиковом шезлонге, задрав ноги на кирпичи и в кепке, хотя ночь. Он разговаривает с девушкой, девушка говорит ему приятное, и ни город, ни мир не кажутся ему маленькими, у него все прекрасно.



Перед ломбардом (!) моют тротуар чудо-шваброй и поливают из шланга. Внутри фургона с арбузами зажгли желтую дружелюбную лампочку и груда арбузов засветилась, как узор на ткани – выпуклый и яркий. А сам фургон посреди темной улицы стал похож на уютный домик с рождественской открытки. Хотя арбузы наверняка с селитрой, уж больно ранние.

И первые персики раньше появлялись только в августе, к моему дню рождения, а теперь уже в июне продают в каждой подворотне. И хочется взять именно с листиком. Как мандарин. Чтоб потом он лежал, чтобы натюрморт. И чеснок! – как давно я не видела мелкий сухонький дагестанский чеснок и как презираю китайский. Буду грызть с помидорами, прямо несколько зубчиков – у меня нет планов на вечер. Зачем приезжать в Дагестан, если не есть дагестанский чеснок? Хотя многие считают, зачем приезжать в Дагестан, если не иметь планов на вечер.

Я сказала продавцу: «Не кладите так много – одна я столько не съем». Он посмотрел на меня грустно и попросил телефон. Кавказцы сочувствуют всем одиноким женщинам и хотят их спасти, хотя бы ненадолго.

К мусорке подошел мужчина с усами, в белоснежном поло и красных спортивных штанах. Под мышкой у него был противень. Мужчина достал из бака черный пакет, вывалил мусор на противень и стал спокойно его перебирать, светя телефоном из карманчика. Знаем мы это спокойствие, сейчас если не найдет, придет домой и тому, кто выкинул ту «бумажку, вот здесь же лежала», – мало не покажется. Хоть бы нашел.

Дети во дворах многоэтажек бегают в надувных жилетах и с плавательными кругами на талии. Маленький мальчик говорит другому такому же маленькому: сегодня папа купит арбуз. И оба солидно молчат. Предвкушают. Тот возраст, когда в обещания отцов еще верят.

Велосипедист проехал, чиркнул фонариком, девушка засмеялась, вдалеке кто-то нещадно буксовал. Как мне не хочется думать, о том, что дальше этой улицы, и вообще, что будет дальше.

Все еще отпуск

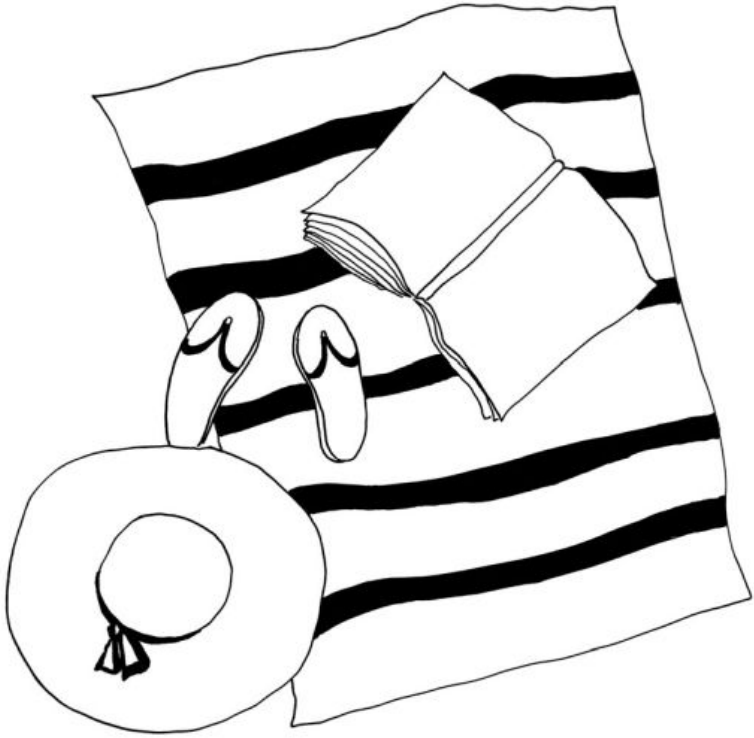
В большом городе ты как в бескрайнем море, в маленьком – как на острове. В бескрайних городах волнуются, на островах отдыхают. Сидишь на кухне, смотришь в окно, и кажется, что земля надежно закреплена на трех слонах и черепахе, а пространство закругляется где-то невдалеке, там, где гора, а рядом небо начинает розоветь. Сла́ва маленьким городам. А то от всего бесконечного, типа вселенной и пробок на МКАДе, – голова болит.

В доме сквозняки как на корабле, занавески болтаются, и кажется, что где-то наверху должен быть тугой упирающийся парус. А море лежит в двух шагах от меня и молчит. Ни запаха, ни шума прибоя. А пограничники бдят. Настоящий военный корабль зависает на горизонте и всем своим видом показывает, что Каспийское – настоящее море, а не какое-то там озеро из учебника географии за 5-й класс.

В сумерках под окнами люди идут с пляжа и разговаривают обыкновенными человеческими разговорами. Эти разговоры укачивают и щекочут. Хочется пропустить эти разговоры сквозь себя, пусть струятся, убаюкивают, помогают абстрагироваться. Когда рядом не торопятся и делают что-то необязательное – играют в нарды, катаются на моторках или едят арбуз, то скорость падает и у тебя. И легко удержать ногу подальше от педали газа.

Тротуар на главной улице города в пятнах тутовника, и он сыплется и сыплется как апельсины в Испании, и угрожает белым футболкам, пацаны объедают его с веток. Все гуляющие обвешаны детьми и разговаривают не по телефонам, а друг с другом. В небе толпятся стрижи, их так много, что они задевают друг друга крыльями. Перед рестораном стоят платаны в кадках, лондонская телефонная будка светится на углу. Так неожиданно.

Я вижу, что под скамейкой сидит кот, и понимаю, как давно не видела котов самих по себе, без ошейника, зато с яйцами.



Темнеет рано, быстро и сильно. Над морем первозданная непроглядная темень, какой никогда не бывает в мегаполисе. Небо бархатное и близкое. Сейчас надо мной именно тот участок неба, под которым я чувствую себя в безопасности. Большой ковш можно схватить за ручку, то, что я считала Сириусом, оказалось Венерой, зато на привычном месте. Воздух влажный и густой, как бульон с комарами. Пахнет фумигатором и жареной рыбой. Хочется на берег, но ночью там невозможно, комары подпрыгивают и с разбега сквозь кожу впиваются в нервные окончания.

У меня отпуск. Хочется пить каждую минуту с маленькой ложечки. Хочется на ручки к великану. Хочется купить сеточку с детским ведерком и набором разноцветных пищалок в виде синего бегемота, желтого осьминога и малиновой морской звезды, расставить их ближе к прибою и больше никуда не ходить.

Среди ягод нашла смородиновый листок, отложила, чтобы заварить чай.

Самое лучшее в любви

Самое лучшее в любви начинается, когда, попробовав что-то там рвать много раз, много раз решив, что вот с этим, этим и этим – невозможно мириться, а вот это – вообще убивает, садишься на чемодан в прихожей и понимаешь, что никуда не сбежишь, и никакой новой жизни не будет, и не нужна она, новая. Что пусть он будет такой, какой есть, каким может быть, каким умеет, что все равно больше никто не дает тебе счастья. И вот самое лучшее в любви начинается, когда после всего этого ты можешь обнять человека и понять, что ничего не кончено, и будет ли продолжение – неизвестно, и что это не важно.

Если в этот момент засмеяться, потом – ничего не страшно.

Потом может оказаться, что счетчики сломаны, что у радиации, которую все боялись, вполне человеческий уровень, и яблоки родятся, и коровы доятся, а те, кто уехали, – уже жалеют и возвращаются.

Я знала, что любовь – это совсем отдельно от всего. Что можно умом все понимать и жить вразрез этому пониманию. Но как то не относила все это к детям. Которые все делают не так, все врут, все забывают, растут не такими, какими должны бы под моим чутким…

И если меня нет, не едят полезного, не читают хорошего, не чистят зубы, не понимают ответственности, ходят босиком, лохматые, в соплях, и это невозможно уже каждый день спрашивать про английский. И много раз решив повоспитывать, много раз обидевшись, применив дисциплинарное, которое не подействовало, приходишь ночью с работы и, сделав триста дурацких замечаний про грязные трусы и огрызок под подушкой,

перестаешь бороться. Умываешься, ложишься, а они тебе в оба уха шепчут про разные глупости, про нитку в пупке, про царапину (невидимую) на ладони, про выпавшую ресницу…

Короче, самое лучшее в любви – перестать ждать, перестать воспитывать, обнять и почувствовать, что остальное не имеет значения, и власти над тобой не имеет.

Лето в городе

Вчера ночью долго брызгала водой свой фикус в подъезде. В новую квартиру он не влез, потому одиноко стоит на площадке. Напрасно излучает фитонциды.

Потом поливала всякие цветы в длинном кашпо – оно тоже со старого балкона и тоже украшает мою лестницу и мою городскую жизнь.

Потом поднималась с лейкой по ступенькам – пальцы в земле испачканы – и представляла, что иду по тропинке из сада в дом.

И будто кругом стоит мир, ночь и природа.

А сегодня варила компот из смородины, которую Гас привез из деревни + яблоки с рынка и нектарины из супермаркета. Но я притворилась, что не знаю, что яблоки, может, в нашем же парке собрали, а нектарины созрели в грузовике по дороге из Испании и вообще неизвестно, что в них там кололи и чем красили.

Я притворилась, что они тоже из моего сада, того же самого по которому я шла вчера вечером. Такие вот бессмысленные городские летние дела.

Мне казалось, настанет лето, дети уедут, в доме установится тишина, и я приведу в порядок свои дела и свои мысли.

Соберу и поточу цветные карандаши, что валяются по всему дому – под ковром и за диваном. Это очень медитативно – собирать и точить кучи цветных карандашей.

Думала, научусь наконец печь блины и тесто буду мешать неспешно, деревянной ложкой и обязательно по часовой стрелке. Так старая грузинка говорила, с которой моя тетя в Тбилиси на одной кухне готовила. В старом доме с верандами на улице Чонкадзе. Грузинка научила мою тетю печь бисквит и говорила, что тесто мешают только по часовой. И ни в коем случае не на сквозняке, а белки взбивать в идеально сухой посуде. Только так. В спешке учебного года и прочих буден мы не соблюдаем стародавних правил, вот я и думала – хотя бы раз соблюсти.

Еще собиралась постелить комплект – льняной с мережками – из приданого. Больно не функционально, но хоть иногда же хочется.

Лечь на наволочку ручной работы и читать на ночь Чехова, «Дом с мезонином», и чтоб батистовая занавеска трепетала на окне.

Ага, щас.

Ну что еще я собиралась и не сделала? Собиралась варить кофе по-турецки и пить его по очереди из чашечки «Маленький принц» и из чашечки «Щелкунчик» костяного фарфора (коллекция – Балеты). И положить уже пирожок на тарелочку, которая к Щелкунчику прилагалась. Так и написано в чеке: чашка, блюдце, тарелочка под пирожок… Из другой жизни.

Еще собиралась прогладить саше с травами. Лежит среди детских маек и уже не пахнет чабрецом и полынью. А мне обещали, что если прогладишь раскаленным утюгом – снова повеет лугами. Я не верю, конечно. Но все-таки…

Собиралась свить гнездо из одеял, отоспаться, спрятаться…

И ничего, конечно, не вышло, когда кругом такое творится, что даже во сне тревожно. И мне странно, что кто-то сажает бегонии во дворе, прогуливается по скверу и жалуется, что кот стареет и лысеет, а кто-то обсуждает модели роликов и телефонов. Я как эта эльфийская царевна, которую Лив Тайлер играла. Не по красоте такая, а в том смысле, что начинаю вянуть-пропадать, когда в мире прибавляется зла и ненависти. А этого всего так много, так ужасно много. И что я могу сделать? На фронт пойти?

Мне подарили чулки, четыре пары, а мне кажется, что теперь уже не пригодятся. Что это, как белье с мережками, саше с травами, кофе из фарфора, пирожок на специальной тарелочке, –

больше никому не нужно и никогда не вернется.

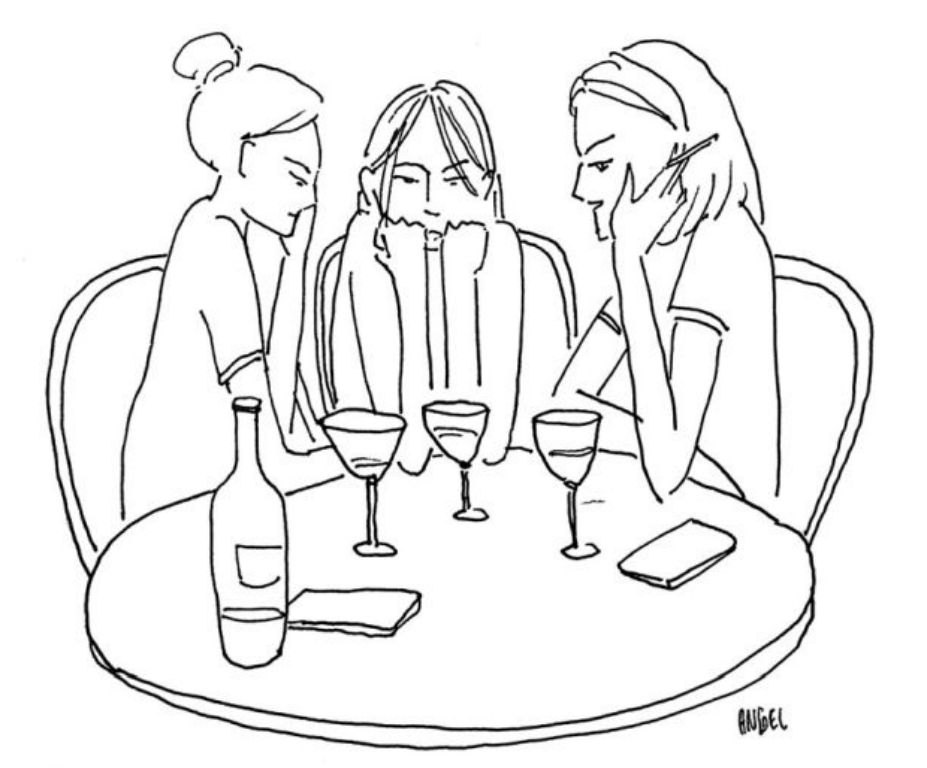
Что никто не в безопасности, что не притворишься надолго, что «все нормально». И не спрячешься, когда нет ни своего гнезда, ни вишневого сада.

А только фикус на лестнице. И пустота в сердце.

О своем, о женском

На родину я ехала отдохнуть и укрепить фасад – поухаживать за лицом и остальным внешним. Думала, наверстаю. Но оказалось, то, что я делаю раз в году, – есть нормальные будни горожанок. Все парикмахеры, маникюрши и косметологи были плотно заняты. «Записать вас на через три недели?»

Я плюнула и пошла в салон «Лилиана» в подвале пятиэтажки. Тут тоже битком – и по записи и в живой очереди. Сижу в подвале, жду чуда. За окном 40 градусов в тени.



Кондиционера нет. У окошка со стороны улицы – мужики на корточках. Снизу нам хорошо видны резинки на их шортах. И трусах. Один делится:

– Я те говорю – разливное. Только разливное! Только к горлышку приложился – баклажки нет!

Высокая девушка говорит администратору:

– Мне волосы нарастили – они-то держатся! А свои падают.

– Это настоящая орхидея?

– Нет, искусственная, но вид имеет. Да же?

Расчески стоят в пол-литровой банке, листок неизвестного растения пускает корни в заварном чайнике.

– На растущую луну стричься хорошо.

– Так-то хорошо, но не экономно – быстро растут.

Ребенок ждет маму, которая «красит голову»:

– Ма-а-ам, пить да-а-а-ай…

Напротив, широко расставив ноги, сидит как бы постаревшая бандерша из «Бременских музыкантов», только в косынке, завязанной назад. Косынка обильно украшена пайетками, длинная юбка, большая модная сумка, в каждой руке по телефону, веер с кружевами, кофта почему-то с капюшончиком, рукава закатаны.

– Ты выехал там? (Говорит по-аварски) Возишься, возишься! Давай, за руль прыгай быстро и вперед…

Берет другой телефон.

– Че там? Спишь, что ли? Он выезжает сейчас! Хоть разгрузить есть кому? Это мало. Двоих найди. Кого? Их тоже можно (дальше по-аварски).

Набирает еще:

– Че делаешь? Знаешь что мне надо? Эту вещь, которая интернет делает, купи-и-и! (указательный палец вверх) В офис принеси-и-и-и! Включи-и-и-и, и чтобы этого разговора больше не было. На связи надо быть. На-свя-зи!

Отключается, вздыхает, поворачивается к девушке справа:

– Ты к Зареме? Что делать будешь? На руки? Да? На ноги тоже это делают? Помогает? Тогда в другой раз себе сделаю.

Поворачивается к женщине слева:

– А ты?

– Я на брови.

– Их вчера делала я.

– Ма-а-ам, пить да-а-а-ай…

Двое на табуретках у парикмахерш:

– Может, мне «шоколад» подойдет?

– Лучше «каштан» поставь.

Вентилятор только один, комнату разделяет плотная штора. Раздается жалобное:

– Дышать нечем, занавеску откройте, мы вас не увидим!

– Если меня увидите – ничего страшного, смотрите сколько хотите! Но у меня тут клиентка лежит на эпиляции подмышек.

Девушке на педикюре приходит звуковое сообщение в вотсапе:

– Сапишка, ты где?! Я тоже, межу прочим, на эту свадьбу иду! А ты там три часа торчишь! А я тут весь дом убираю за тебя! Быстро приходи, или я маме скажу, клянусь.

Девушка на педикюре:

– Напугала (смеется). Этот шеллак надоел уже. Обыкновенное покрытие делаем.

– Ма-а-ам, пить да-а-а-а-ай…

– Щас что у нас? Август уже? Ни разу на море не была.

– Да че там делать? Вода как суп…

Вентилятор крутится так медленно, что кажется, сейчас остановится. Тут даже он не торопился. Нормальные будни горожанок.

Женщина в море

Путаешься в купальнике – лямки, резинки, бретельки. Подвернулось, отцепилось, «вернись, застегну!». Возвращаешься. «Кепку! Кепку!»

Не возвращаешься.

Тебе жарко, но ты уже босиком, и море близко.

И вот стоишь у самого берега, как на краю космоса, и в него надо войти, а не плюхнуться. Вбегать в воду с брызгами не умеешь, каждый день осторожно знакомишься заново, стоишь долго в прибое – сначала по щиколотку, потом по колено, дышишь и примеряешься. Потом начинаешь медленно с остановками продвигаться вглубь – и только не надо брызгаться! Я сама.

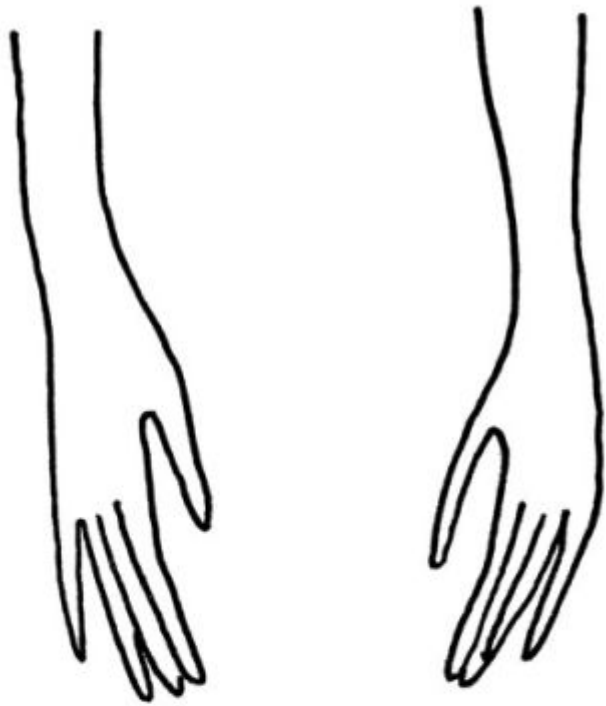
По колено, по пупок, становишься на цыпочки, ребра закончились, вот уже грудь дрейфует перпендикулярно оси позвоночника и тут! – решительно присаживаешься в воде. Присаживаешься и сразу плывешь.

Плывешь и замечаешь, как вода меняет температуру и цвет. Переплываешь из одной полосы в другую – из теплой прозрачной – в зеленую прохладную, из зеленой – в бирюзу, из бирюзы в

холодную темную синьку.

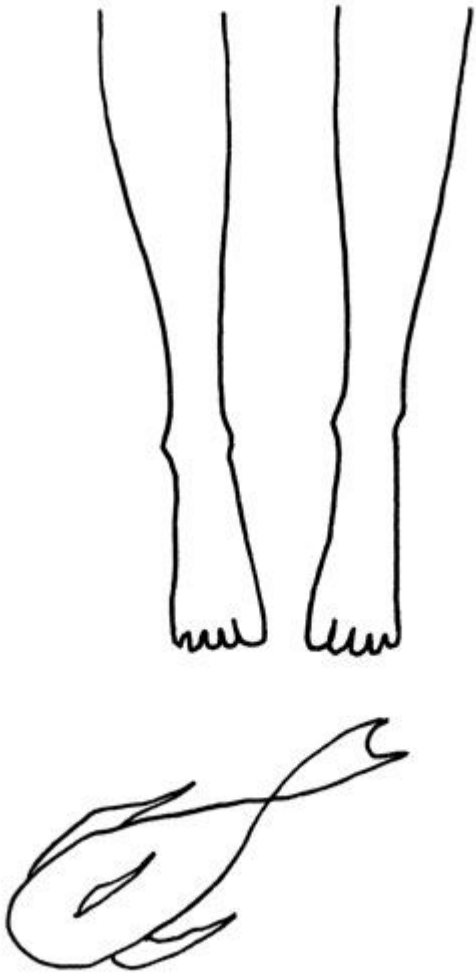
А под ногами то камни, то рыбы, то стайками, то поодиночке. Или прозрачная креветка проплывет боком.

Плывешь, и внутри – у сердца и под горлом – будто развязываются старые узелки. Житейское со стороны моря кажется мелочью, и хочется снять и отпустить на волю купальник, мешает.



А иногда отплывешь далеко, так что и голосов с берега не

слышно, болтаешь ногами, чтобы аж фонтанчики над водой, дивишься бирюзовым пузырям и белоснежным брызгам, думаешь – какая глубина-а-а, любуешься педикюром, и тут вдруг бац! такая мысль – какая все-таки БЕЗДНА там, подо мной! И позади, и вообще. И тогда все, попалась – кажется засасывает к центру земли.



Начинаешь холодеть, бояться, паниковать. Призываешь себя смотреть в противоположном направлении – в небо, прислушиваться к чайкам, приглядываться к облаками – какие сегодня – кучевые или перистые?

Задираешь голову, а там свод божественного оттенка (лазурь?), которым Микеланджело расписал Сикстинскую капеллу. Намеренно отвлекаешься мыслями от глубины под

ногами, размышляешь, как он смешивал краски? Смотрел в окно, щурился и добавлял в банку еще голубого порошка? Конечно, нет! Сразу верится, что рука гения управлялась откуда-то сверху, тем пальцем, которым Бог-отец тянется к Адаму на фреске.

И тут же облака наплывают, как крылья огромных ангелов, и отбрасывают тени. И дыхание выравнивается. Ложишься на спину, делаешь звездочку, с удовольствием шевелишь пальцами и решаешь, что и ничего не бездна. Там небось банка из под кока-колы на дне болтается, если сильно нырнуть.

По ногам чирканет ледяной водой – о! это подводное течение, холоднющее и чистое. Я всегда думала, как оно пра́во, это течение, тем, что оно подводное. На поверхности все равно испачкаешься.

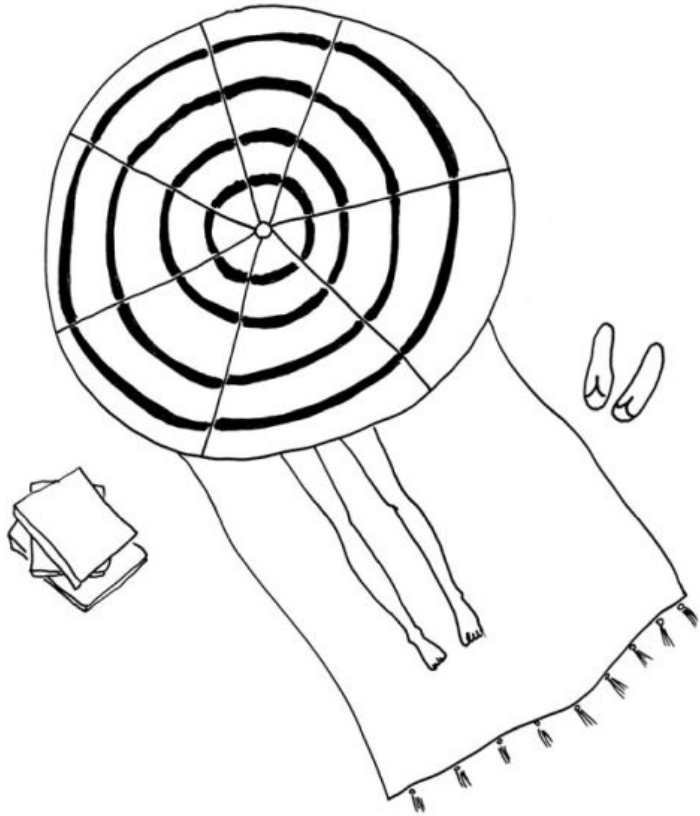
Нырять! Снова мочить голову, только вымыла шампунем для объема, но как-то тупо – плыть в таком море и не нырнуть, не попытаться раствориться, не побыть гладкой змейкой, не слиться хоть ненадолго с этой доиндустриальной прозрачностью, не побыть среди бодрых рыб и шевелящихся водорослей.

Обнаруживаешь, что тут море еще живо и эгоистично живет своей жизнью, а не обслуживает желающих погонять на скутере или надувном банане. У камней тусят бычки и сомики, птицы сидят на камнях и населяют небо – это мелкие изящные чайки и большущие кряквы. Или брюквы, или смоквы, забыла название. Тут утки в небе не редкость – парами и клином, а редкость цапли, но и они летают.

Ну почему всегда надо обязательно выходить из моря на берег и снова иметь дело с чем-то сухим, твердым, имеющим форму: с полотенцами, сумками, шлепками, огурцами и сыром? Отвлекает от созерцания.

Впрочем, огурец подойдет.

На море, как на празднике – все вкусно, и хотя просто сидишь на тряпочке и держишь ноги в песке – интенсивность проживания момента необычайная. Глаза и мысли разбегаются, уходить не хочется, хочется побыть смуглой десятилетней девочкой в красивом тугом купальнике, перепрыгивать через волны и бояться щекотки прибрежных рачков. Кричать от вострога!



* * *

А бывает, не хочется плавать, хочется постоять, поговорить в воде на закате, после полдника – чаепития с абрикосовыми пенками, посмотреть, как солнце вплавляется в горизонт.

Разговор в море, даже серьезный, сразу становится легким, слова произносятся и тут же устремляются вверх, как шарики с гелием, их относит ветерком, они теряют значимость и вес. Все уже не важно, все не так уж важно. Впереди арбуз, и нарды, и еще чай, и ночь, и ночное небо, которое «словно не может вместить всех звезд» и выталкивает их в море. Если очень жарко, можно снова в него войти и бесстрашно поплыть в непроглядную, глухую, бархатную тьму – к гипотетическому горизонту, туда, где он плавно перетекает в черную морскую гладь и с ней ненадолго сливается.

В доме со стороны спальни ласточкино гнездо, и по утрам слышно, как птенцы в нем пищат и возятся. Случайно просыпаешься в 04:30 и видишь, как солнце встает из воды. Среди

тысяч небесных оттенков прорывается струйка красной, нет, даже алой краски, как кровь, струящаяся из пореза на коленке.

А вы знали, что такое «ласковый бриз»? Я не знала. Это волшебство: он дует прямо с моря. Он не ветерок. Он именно бриз-з-з-з. Он мягок, он бархатист и немножечко влажен. Самую капельку. Он обвивает ноги, влетает под юбку, вьется вверх, нежно врывается в голову, и вот жизнь уже кажется прекрасной.

Когда ты едешь с моря в город – даже если ночью, – ты все еще сильно нагрет. Поверхность кожи хоть и не сгорела, но излучает тепло, как рефлектор.

Ты – солнце, ты – освещаешь салон, ты – всех вокруг пригреваешь, и печешь, и бесишь уже своими разговорами о море и воспоминаниями о нем, начавшимися через 10 минут после отъезда.

Антизож

Недавно мир красоты и здоровья был потрясен заявлением некоторых врачей, что пользу приносит только вода, выпитая сидя.

А, мол, если вы пьете стоя – она не успевает просочиться в мышцы и ткани. О сколько напрасно осушенных полуторалитровок, которые пронеслись по организму, не успев насытить влагой засушливые участки! О необходимость садиться каждый раз, когда пьешь! А сколько говорится о вреде активного солнца для кожи, сколько тратится на солнцезащитные кремы…

И вот вчера на пляже видела женщину-пантеру – взрослую – за 40, в раздельном купальнике – белый верх, леопардовый низ, высокую, грациозную, длинноногую и загоревшую до состояния «цыпленка-табака». Казалось, если кусок поджаристой кожицы с ее плеча откусить – дальше сразу будет косточка. Она вышла из воды села под зонт, достала пачку «Мальборо» и закурила толстенную сигарету. И выпускала дым – медленно, с удовольствием.

Чуть позже официант принес им с мужем (было видно, что муж) по бокалу белого вина и по чашке черного кофе. Они все это выпили, и она снова закурила. Я смотрела во все глаза. Перед моим мысленным взором пронеслись годы, прожитые в неудобном положении ЗОЖ и страхе старости. А как же – алкоголь на жаре – это двойной удар по организму?! Как, впрочем, и кофе с сигаретой. А загар – это ожог и удар по иммунитету? По фигу ей. Она встала, надела шорты (только шорты) и ушла, покачиваясь не от хмеля, а от длины ног. Прекрасная, беспечная… И было не похоже, чтобы у нее что-то болело.

Возможно, слухи про вредные воздействия работают только для тех, кто в них верит? – подумала я. И в сердце закралась надежда.

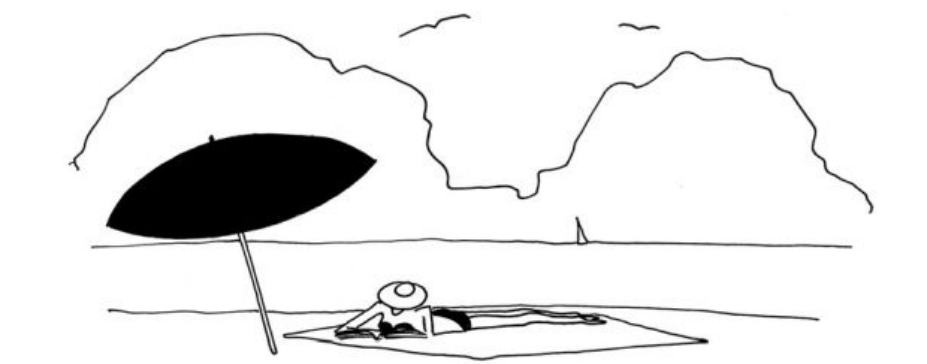
Морское бессознательное

– Какие в этом море водоросли некудрявые, прямые и жесткие, как у бабушки в круглом аквариуме. Рыбы вообще дуры все, а самки гуппи еще и страшные. Когда в прозрачных часах видно весь механизм и как крутятся колесики – это классно придумано, но когда перед глазами целыми днями плавают рыбы с прозрачной кожей и кишками наружу – как это может успокаивать? Еще считается, что аквариум – это для нервов хорошо. А что там за той горой? Если плыть все время прямо – там будет Италия? Говорят, она совсем близко. Как называется море, в конце-то концов? Без инета ничего не узнаешь. Ну и не надо. Вода такая соленая-соленая, капля на губу попадет и сразу будто брусок соли лижешь. Где я такое видела? На конюшне – лошадям кладут прямо кирпич соли, им полезно для укрепления чего-то там.

Ася сказала: море – будто суп, который бабушка пересолила.

Ой, как тетка похожа на Черчилля, прямо одно лицо, такие же глаза прозрачные, веки.

– Ася, надень кепку, нет, козырьком вперед, а то нос обгорит, будет пузыриться.



Какая тут вода прозрачная и бирюзо… В ней хочется раствориться. Чайка только одна летает. Всегда одна. Может, это та же чайка, что и вчера? Это она сидела у нас на антенне утром на балконе? А голуби на пляже – это странно, это диссонирует, голуби задолба… А по утрам слышно, как петухи поют, удод ухает, так хоро… Когда та девочка в стрингах ныряет – попка торчит на поверхности, как поплавок – красиво. Вон те два парня сразу прекращают ржать – смотрят на поплавок.

Каким пейзаж может быть уютным. Бухта, замкнутость, прикрытые тылы. Сегодня всей картинке будто прибавили резкости и яркости и будто зумом приблизили горы – виден каждый куст на склоне. Кажется, в горах идет дождь. А небо такое синее, у нас оно намного бледнее, у нас анемичное северное небо. Обожаю, как пахнет самшит, обожаю кипарисы – они выравнивают мой внутренний мир – море горизонтальное, а кипарисы вертикальные – так образуется равновесие и гармония.

– Ну вот что в голове у тетеньки, которая одна на всем пляже – ходит без лифчика?

– Мам, это просто. У нее в голове мысль: «Пусть сиськи тоже загорят».

Представля-я-яю, что эта мысль абсолютно одна болтается у нее в голове, как космонавт в открытом космосе, переворачивается так и эдак.

Джелато – вкусно, читать Асе «Тараса Бульбу» не получается – и она сопротивляется, и вообще скучно. Яхта под американским флагом, она прямо из Америки шла? Это возможно? Наверное, хорошо – ночью на яхте в открытом море: выходишь на палубу, а вокруг темень и гладь – ни-че-го, кроме воды. Никакого контекста. Ничьей энергетики. Пойду купаться.

Мысли не додумываются и не заслуживают того, чтобы их додумывать. Проскакивают пунктиром, тянутся, не складываются в концепции, не приводят к выводам и действиям. Это что-то но-о-о-овое… Наверное, это и есть о-о-о-отды-ы-ы…? Ох, как они не боятся летать на парашю-ю…? Разве попро-об…?

Олимпийское перемирие с телевизором

О, какое счастье купаться после моря, мыть под краном пальчики, выполосканные в морской воде, смывать песчинки, отковыривать по одной со щиколоток, чувствовать тело – свободное, рыбье, русалочье. Оно так прекрасно устало, оно болталось сегодня в тоннах воды – морской звездой, поплавком, медузой, травинкой. Оно сливалось с мировым океаном, было одним организмом, почти растворялось, слушало громкий прибой и тишайшие всплески. А теперь стоит в душе. И позвоночник расслаблен и изгибается плавно, как стебелек водоросли, будто все еще под водой. А уши! Уши гудят от долгих ныряний, и звуки вокруг меняют длину – голоса звучат, как в тоннеле. А кожа и песочная, и морская, нагрелась так, что чуть не потрескивает, ее хочется лизнуть, почувствовать вкус соли, а потом остудить, смыть соленый налет, чтоб снова задышала в прохладе.

Когда шла Олимпиада-80, я была маленькая, ну ладно, хорошо, мне было шесть лет. И я запомнила, какой это был праздник и радость – спешить домой с пляжа, чтобы посмотреть трансляцию, поболеть, обсудить, окунуться. Мы тогда все время ходили на море. И впечатления смешались, объединились, превратились в цветной витраж: море, Олимпиада, лето. Открытие – счастье, зрелище, гордость! Закрытие – эмоции, слезы и сопли. И вот теперь я в том же городе и в той же квартире, и снова хожу на море, и все так вспомнилось, так нахлынуло.

– Стряхни, хорошо стряхни, потопай, вытри о тряпку, не тащи песок в дом…

Когда проводишь на пляже по пять-шесть часов каждый день, меняется весь быт. Морской образ жизни означает песок везде: на пятках, в волосах, в кармашках сумок, в пупке, на коврике машины, перед и далеко за порогом, на дне ванны и в мыльнице. И моешься под краном, отколупываешь песчинки по одной, трешь полотенцем, а они все равно просачиваются. Полощешь вечером купальники, отвернешься, а песок на дне тазика с проточной водой образовал колышущееся, узорчатое, будто уже речное дно, и если из лифчика выплывет длинный листок темно-зеленой пузырчатой водоросли или из плавок выпадет ракушка, в ванной получается аквариум. Из комнаты кричат:

– Ничего не полощи сейчас! Тут начинается! Просто брось душик в таз, пусть течет. Комментатор сказал, сейчас побегут.

Тесемки купальников устремляются к краям таза и свешиваются в сторону струй, трепещут там, будто они отдельные и уплывут отсюда, когда захотят.

– Не мельтеши же ты перед экраном!

Но бегуны еще подпрыгивают на старте, разминают ноги, примериваются, присаживаются на низкий старт и снова разгибаются. И в черно-белом телевизоре не видно, какого цвета у них майки. Но это так не важно.

– Давайте есть в большой комнате, накрывайте, не грейте даже, только порежь помидоры! Компот холодный?

На экране бегут, плывут, крутятся на брусьях, прыгают вверх и в длину, и ничего не понятно, но комментатор говорит, что если наш сейчас выстрелит и попадет – он займет призовое. И замираешь – врежет он всем или все пропало?

– Там малосольные огурцы в кастрюльке возьми. Нет, есть! Они тарелочкой прикрыты. Да, просто салфетку постели быстро.

Развешиваешь полотенца и подстилку на веревочку на балконе, а на улице – ни ветерочка, пристегиваешь купальники горячими прищепками и видишь, что твой – самый маленький, и знаешь, что завтра все высохнет до хруста и все повторится: пляж, море, ветер, щекотные креветки в прибое.

– Как белые бегуны все же смешно бегают: столько суетных движений – тр-р-р-р-р, а будто на месте бежит! И негры! Посмотри на него: кажется, неторопливо заносит ногу, зависает –

и раз, раз. Иди сюда, на повторе увидишь, как красиво. Хотя выиграл не он, а другой, тоже негр. Нет, белые иногда выигрывают, но это не в их природе.

– Осторожно, тут вентилятор на полу!

Летом нарушаются домашние правила: можно сидеть на полу, лежать на сквозняке и застилать постели не атласным покрывалом, а махровым – чтобы «просто валяться» в сиесту и после пляжа.

– Пока тут прыжки в длину начались, я пойду купаться, позовете, если что. Нет, это тоже интересно, но долго ждать, пока скажут, кто выиграл.

Когда купальники выполосканы, под струю холодной воды кладется арбуз. С улицы он теплый, а потом ледяной прямо до сердцевинки.

– Вы едите без скатерти? При чем тут Олимпиада? Вам просто лень. Как можно на полированный стол ставить тарелку? Вазу убери, я застелю.

– Когда идешь с балкона, занавеску задергивай, комары же налетят. Сколько прошу сетку сделать, как будто меня одну кусают.

На пляже у меня была цель: я собирала маленькие ракушки определенной формы. А придя домой, долго искала им применение и никогда не находила. Исключительно полезными в хозяйстве казались перья бакланов. Такие длинные, упругие, с неразлипающимися пушинками (перинками, ворсинками?). В них можно было засунуть пасту от шариковой ручки и писать пером, словно ты Татьяна Ларина. Ракушки и перья перебирались, осматривались и складывались в специальный пакет. Если он попадался мне зимой, накатывало чувство вины, что баклан напрасно потерял перо – валяется теперь.

Да. Как сказал поэт Эскандаров: какое у нас было море в детстве, какое у нас было детство в море. И какими мирными казались Олимпиады. О спорт, ты мир!

– Корочку не выкидывай – на квас пойдет. Кстати! Квас! Ну и что, что после арбуза? Пока перерыв, несите!

И вот, через 36 лет, я хожу на море и смотрю Олимпиаду. Без кваса, окрошки, заливной рыбы (холодная, а потому летняя закуска), без скатерти, без Озерова и Маслаченко, без бабушки, но с папой. И фак с ней, с политикой. У меня олимпийское перемирие с телевизором!

Беспорядочная женщина

– В старой шубе мне даже в темноте плохо. Никто не знает, что шуба старая, но я-то знаю! – говорит Ди. И покупает новую. В новой ей хорошо – в темноте и особенно на свету. Это ничего, что за кредит по шубе надо платить год-другой. Главное – самочувствие. А самочувствие определяется шикарной шубой и шикарными же чулками.

Что такое быть настоящей женщиной и быть настоящим мужчиной – никто не знает. Но все стремятся знать и быть. И вот это вот: «главное, чтоб человек был хороший» – уже не работает. Потому что и хорошесть человека, как и настоящесть женщины – тоже весьма трудно определить. Бывает – хороший, а скучный и напрягает. А другой вроде плохой, всех подвел, кинул, всем должен, а веселый, смешной и пусть будет. Но это реплика в сторону.

Пока у меня переезд и форс-мажор – я ночую у друзей. И чтобы не потерять их всех сразу, чтоб они не догадались, что со мной невозможно, – я ночую у них по очереди. И в результате наблюдений в тылах делаю открытие, что мои друзья и подруги живут непостижимой, совершенно противоположной мне жизнью. И что вот они – настоящие.

Я ненавижу режим, вообще не умею планировать, завтрашний вечер кажется мне неопределенной перспективой. А моя ближайшая подруга Маша состоит из армейской строгости и таблицы Exel. У нее все по графику: цветы политы (с удобрениями), рыбки покормлены (с минералами и микроэлементами), аквариумы почищены (строго по субботам), с водорослей сняты вредные улитки, а полезные, наоборот, заселены и ухожены, кошка причесана, помыта под хвостом и сидит на сбалансированной диете. А уж о детях и говорить нечего… Муж хорошо одет, сдобрен американскими витаминами, побрит бритвой последней модели, чистит зубы электрической щеткой с функцией массажа десен и покорно следует режиму сексуальной жизни.

И когда все эти условия соблюдены (это значит – всегда) – у Маши хорошее настроение. Машу радует и процесс наведения порядка, и собственно порядок.

Еще обязательно, чтоб крышка унитаза опущена (по фэншую), а окна, ванна, унитаз и раковины – блестели, как в мультяшной рекламе сиф-универсала. При этом Маша в прекрасной физической форме: уже много лет обливает холодной водой себя и детей, не ест после семи вечера, делает утреннюю зарядку по

утрам и особые упражнения для фигуры раз в неделю. Надо же, как неправдоподобно этот перечень выглядит на бумаге! А ведь все правда. В голове, теле, семье и квартире у Маши царит культ чистоты и здоровья. Вот какая должна быть женщина.

Конечно, ее раздражает, что я хожу в бассейн не с утра, а по ночам и плаваю не для нагрузки, а для удовольствия. Нагрузок мне не хватало. И конечно, ее раздражает, что я не ем вишню, которая полезная, но кислая, а ем черешню, которая тупо вкусная. И что я согласна быть толстой и даже раньше умереть, лишь бы не голодать по ночам.

Забоялась я однажды забыть опустить крышку унитаза, ушла от Маши.

Пришла к Диане, которая в телефоне у меня совершенно справедливо значится как Диана-краса. Тут культ красоты и эстетики. Не красоты и здоровья. А именно, чтоб все было красиво – исключительно для себя. Бытие полностью определяется сознанием, что ты в шубе и хороших туфлях, лифчик у тебя из одного комплекта с трусами, а лямка от него – одного цвета с кофточкой. Или на тон светлее. Вот какая должна быть женщина.

У нее если некрасиво – самочувствие отвратное. Даже в темноте. Быть – значит выглядеть!

Звоню однажды с праздным вопросом: че делаешь? Говорит: платье покупаю. Я удивилась: ты ж вчера покупала! Думаю, может, не подошло. Но тут Ди неосознанно делает маленькое программное заявление: «Дак мне их много надо!»

Непостижимо, немыслимо! Даже не знаю, что мне непонятнее – секс по графику или платье на каждый день. Или недавно было еще кое-что, такое же фундаментальное. Диана делала полнейший ремонт в квартире, в которой собирается жить. И в самом его разгаре у нее случился резкий подскок настроения.

Причина: «Я тут подумала и решила полностью сменить парк трусов. Без ущерба для семейного бюджета – сэкономила на обоях». Это ж какие должны быть трусы! А почему? Потому что трусы так же важны для ее жизни, как ремонт, а может, еще важнее.

У Ди тоже есть аквариум, рыбка в нем только одна. Ее кормят специальным итальянским кормом с пигментом, чтоб она была синяя тире эстетичная тире под цвет обоев. А бесцветную ее никто не любит, прям как меня. Говорят, у рыбки память – три минуты. И мне все время кажется, что рыбка чего-то ищет-ищет, а потом отчаивается искать и замирает. Три минуты кончились. Со мной такое часто.

Я живу под впечатлением от эсэмэски с борта самолета: «Мы падаем. Люблю тебя. Делай что тебе хочется. Папа». Как будто это мне ее прислали, и я делаю то, что мне хочется. Не слежу за здоровьем и внешним видом. И утешаюсь, что пусть я не очень настоящая, слегка бракованная женщина, и даже человек не очень хороший, но зато со мною не скучно. И у меня все еще есть настоящие друзья. Которые, конечно, давно догадались, что со мной невозможно.

Вернуться подшофе

Я всегда тяжело привыкаю к новым местам. Именно местам, потому что к новым людям – легко, иногда прямо сразу. Вот переезда этого побаивалась. Пока Гас не вернулся – не ночевала там.

Но день рождения удался. А ничто так не сближает с новым местом жительства, как первое возвращение домой (желательно, конечно, в пьяном) в полупьяном виде. (Я лично протрезвела от удивления, когда перед носом захлопнулись двери последнего поезда метро, и он плавно покатился в тоннель без меня).

Зато оказалось, что новый адрес, продиктованный таксисту на автопилоте, – правильный, что много цифр кода от нового подъезда – подходят. И дверь пи-и-и-ип ура! – открывается. Это чудо просто! Что собака на первом этаже уже принимает за свою и смотрит одобрительно, когда через нее переступаешь. И ключи уже знаешь, от каких замков и как вставлять. И вообще все такое ми-и-и-лое, такое симпатичное… Уже ничто не кажется чужим. Деревья за балконом шумят, как свои, звук электрички – почти родной, убаюкивающий. Чу-чух, чу-чух, как говорил Крош. Становится очевидно, что ремонт-ремонтом, а жизнь продолжается. Что что бы ни было, а есть друзья и поводы. Что есть вкусный плов с барбарисом и соус из правильных помидоров, и домашний лимонад, и виски с зеленым яблоком, и вкусный чай, заваренный «как положено». И старый добрый шоколадный торт никто не отменял.

И есть прекрасное рациональное объяснение нашего опоздания на метро – все решили выйти в лес, чтоб «просто постоять на свежаке». И кажется, что всего этого будет еще много. И даже если это не так, ощущение, что впереди еще много, много ништяков и радостей, – есть самое главное для счастья. Спасибо всем, кто поздравлял меня в мой день рождения! Поспособствовали. Терпеть не могу, когда всякая попса кричит в многотысячный зал: люблю вас! Потому что ясно же, что неправда. А я правду говорю: люблю своих друзей. Люблю людей, с которыми столкнула жизнь. Всех и каждого. Все оказались хорошими.

Отпустило

Как будто я уже отсидела
за убийство
того, кто мне очень
надоел,
и вышла.
И позади суд,
и страхи,
и привыкание,
и ожидание,
подсчет дней.
Будто уже сижу
на скамеечке у тюремных ворот,
и уже можно дышать
и просто подставлять
лицо солнцу.
И никакого
раскаяния.

Как будто меня все простили,
и даже бабушка,
за то, что я села
на кровать в спальне
на атласное покрывало,
да еще в верхней одежде!
И мама,
за то, что не учусь в МГУ,
и не вышла замуж
за голубоглазого
блондина,
уже не жалеет.

Как будто я вспомнила
все очень важное,
в том числе название фильма,
где все хотели понять,
кто убил Лору Палмер.

И фамилию
своего одноклассника,
которая похожа
на название рыбы,
но не Карпов.
Как будто я нашла все,
что давно потерялось,
включая маленький ключик
от древней швейной машинки,
который,
когда была маленькой
странненькой, —
украла
и спрятала
в узкую щелочку
между диваном и стенкой.
Потом не могла достать,
а все его искали-искали,
хотели шить
на машинке…

Будто отдала все долги,
всем перезвонила,
ответила на все сообщения
и все неотвеченные письма.
Почистила спам.
И отнесла
конфеты учительнице,
которая хорошо относится
к Асе.
И даже еще бутылку шампанского,
и даже духи J`adore.
Вот сто лет собиралась
и очень естественно
протянула ей
и сказала:
«Это вам к чаю».
А что еще скажешь?

Как будто искупалась
в минеральной воде
и еще не обсохла.
Будто сделала все уроки
и даже раскрасила

контурную карту.
Будто думала, что опоздаю,
а сама успела.
Будто операция прошла успешно,
и я отхожу от наркоза
и уже вижу
желтые цветы в синей вазе,
но не вижу,
кто сидит рядом.

Интересно, это все уже окончательно?

Остаться за старшего

Я хотела сесть у моря, снять шкурку с персика и разламывать, разламывать, предвкушая сладость. И кусать, обливаясь соком, и полоскать потом руки в морской пене. Еще хотела наступать на ракушки, ворчать на комаров, сидеть и слушать ворчливый каспийский прибой, ходить по желтому с золотым отсветом песку и тереть между пальцев листья упругих «заячьих ушек» на пляже.

В общем, я хотела домой.

А дома не было. Мама теперь живет со мной, мой «отчий дом», квартиру на Энгельса, давно продали вместе со всеми ее запахами, звуками, углом, в котором я стояла, сидела и лежала в детстве, тюльпанным деревом, заплетшим кухонное окно, горластой цикадой, которая в нем жила, газетами за 1971 год под обоями и видом на покатую гору Тарки-Тау.

Осталась квартира бабушки. Там мне тоже все знакомо, вплоть до клеточек на кухонной клеенке. Она уникальная. В ней 12 лет никто не живет. Папа приходит сюда на выходные покачаться в кресле-качалке, почитать книги, проверить, как булькает вишневая настойка, бродит домашнее вино, и подремать после обеда на том же диване, что и 40 лет назад, когда это называлось «обедать у мамы». Он, как и я (я, как и он), не умеет менять обстановку. Ему тоже важно, чтоб звуки и запахи были встроены в подсознание и не отвлекали новизной.

Здесь те же, только выцветшие до белизны и прозрачности занавески, что и 30 лет назад, те же фужеры в шкафу и тот же кусок мыла лежит на стопке полотенец и выглаженной старенькой ночнушке. И все это так странно, что немножко раздражает и отдает музеем, а в доме-музее жить невозможно. Для дивана и унитаза антикварный возраст – это не достоинство.

Мне было тяжело там спать и есть – слишком много ассоциаций. Я сопротивлялась ветхому быту и убегала спозаранку. Папа приходил, когда нас не было, ждал, пил чай, тщательно полоскал единственную чашку, уходя, сажал на подушку моего детского медведя. Потом заводил часы и оставлял включенными оранжевый абажур на кухне и красную настольную лампу в зале.

Мы с Асей продлевали жизнь этого дома своим присутствием, своими гелями в ванной, мороженым в морозилке, купальниками на балконе. Но это было нелегко. Хозяйничать там, где я никогда не была хозяйкой, открывать сверху шкафчики, до которых «всю жизнь» не могла дотянуться, трогать когда-то неприкосновенные статуэтки – стоят теперь, никем не охраняемые – их же можно разбить! И никто не заметит.

Я уже не понимала, что труднее – новые горизонты и города, где никогда не был и вписываешь их в память набело, или вот переполненное маленькими памятниками место, куда не можешь втиснуть свою взрослую жизнь и взрослую себя.

Мне было тяжело дышать. Даже из сахарницы пахло бабушкиным домом, а значит, ничего не надо делать самой,

значит, завтрак будет готов и постель сама застелется. И летает вокруг абажура ежедневный когда-то диалог бабушки с папой: «Что на обед приготовить? – Откуда я знаю? – А я откуда?» Теперь тишина.

Медведь лежал на боку и смотрел на меня равнодушным стеклянным глазом, за 40 лет он абсолютно не изменился. Когда-то на тумбочке у окна стоял аквариум, большой, тяжелый, дремучий, его и след простыл, а бамбуковая салфетка хранит запах дафний – сухого корма для комнатных рыб. Сквозь сон я чувствовала этот дух той прежней жизни, когда дом был набит людьми и все по очереди спрашивали друг у друга: «Рыбок сегодня кормили?» и просили, пожалуйста, не перекармливать.

Однажды ночью мне показалось, что я слышу знакомый звук – звук тапок типа «шлепки», которые неистово бьются о пятки.

Бабушка до старости (и старость включительно) передвигалась стремительно. Шлепки будто летели вслед за ней – хлопок, хлопок, хлопок и пролетела. Бывало утром спишь и вставать не собираешься, а хлопки, как очень громкие ходики, уже вовсю раздаются, звучат в воздухе, во всех концах квартиры, чуть ли не под потолком – бабушка бегает по своими бабушкиным делам.

И вот этим летом, ночью, я отчетливо услышала этот звук. Хотела бы сказать, что было и дуновение, движение воздуха на щеке, ветерок, ан нет – ночи стояли душные. Но мне будто дали понять: чего ты как не родная?

И я устыдилась и перестала сопротивляться дому.

Проснулась с чувством, будто мне разрешили быть главной – такая метафизическая чепухня. Долго мыла полы, вытирала пыль, взяла полотенце из стопочки (бабушка полотенца крахмалила, и папа вечно стонал в ванной и жаловался, что снова расцарапал полотенцем все лицо: «Ма, ну можно вот это, одно, мое полосатое – НЕ КРАХМАЛИТЬ?») и наконец-то смогла приготовить что-то серьезней овсянки – мясо с овощами и зеленью. На вечер купила пирожные. Запахло едой и чаепитием.

На мой день рождения достали парадные фужеры в горошек, выпили вина под абажуром, папа ушел довольный. Я стала шарить по полкам с книгами, доставать по одной, узнавать загнутые страницы в «Трех мушкетерах» из «Библиотеки приключений». А вот так никогда не прочитанный Фейхтвангер с двумя словами на форзаце: «Сыну Олику». Чернилами. Почерком, который я знаю только по надписям на форзацах.

Олику 77. Мне 43. Я – последний из живших здесь могикан. На косяке есть отметки – «Андрею – 12 лет», «Гасику – 10», но эти могикане выросли в других пространствах, других домах и не

помнят запаха дафний.

На одной из полок нашлась моя тетрадка по математике за 5-й класс, и уже по ней видно, что я навсегда проиграла битву с цифрами, сдала позиции, ушла в оборону.

В кладовке наша старая пляжная сумка с корабликом – внутри все приготовлено, хоть сейчас на пляж, только пять лет назад – Асин, будто кукольный, купальник и Гасикины трусы, смешного малышовского размера. Где бы они еще сохранились при нашей жизни, метаниях, перемещениях, переселениях, переездах? А тут висели себе на гвоздике, чего-то ждали.

В ночь перед отъездом налетел ветер с дождем, занавеска вырвалась на балкон и сметала с подоконника абрикосовые косточки, которые я собирала все лето по старой памяти, надеялась как-нибудь в сумерках сидеть на порожке, бить по ним молоточком и грызть их миндалевые сердцевинки. Не получилось. Мне показалось, что это знак расставания, еще одного, но, возможно, последнего.

А потом оказалось, глупая, я забыла любимую турку и новую кофемолку – то, без чего я жить не могу – ни на новом месте, ни на старом. Потому и не упаковала с вечера – как же мой завтрак без кофе! А утром уже на бегу домывала чашки, подбирала крошки, спешила на поезд, выпустила из виду, растяпа! Теперь все.

«Чтобы писать то, что ты обычно пишешь, обязательно быть в Москве?» – спросила меня школьная подруга, намекая на удаленку. И я ответила: «Да, мне обязательно в ней быть».

Быть, но знать, что в городе у моря сидит мой старый медведь на подушке. И я вернусь и сама зажгу красную лампу.

Броситься в Питер

Я в Питер не уехала, я в него бросилась. Как с моста в канал, как с крыши на асфальт. В Москве я будто на пристрелянной равнине. А Питер… Мне казалось – я в нем спрячусь, он для этого приспособлен: дворы, углубления, выемки и подворотни. Дожди.

Подальше от людных мест, безлюдные красивее. Я слышу эхо во дворах. И телефон на дне сумки не дергается, не дергает. И значит, мне никто не скажет, что я не умею выбирать одежду, обстоятельства и мужчин. Можно плутать по переулкам, можно послушать, как два алкоголика соревнуются, кто лучше воспитан и вполголоса делают друг другу замечания. «Виталий, пропусти даму! И давай пересчитаем снова».

Много темных домов – я их люблю, как люблю все, что стареет с достоинством, – людей, зеркала в благородных пятнах, стены в потеках, старые рубашки. (И не понимаю новые здания, яркие краски и людей без пороков).

И еще тут много воды – она течет и напоминает, что все изменяется. Течет, мол, «и это пройдет». Течет и что-то уносит, предположительно – боли. Вся эта красота сдвигает во мне пласты пыли, нанесенные суетой. Вроде, что мне эти колонны, плафоны, портики, толстые пятки амуров, мускулы атлантов? А они меня как бы поддерживают, будто я балкон и собираюсь упасть. Я-то собираюсь, но знаю, что они удержат. Или подберут, отряхнут и выпрямят.

Я на все это очень рассчитывала. Но оказалось, что тут я как будто один на один с собой и с тем, от кого сбегала. Целый день мой любимый будто ходит за мной по пятам и делает вид, что не знает меня. Смотрит в сторону и немножко злится. Я не удивляюсь, как во сне, который не надо толковать, который забудется, как только проснусь. Но просыпаться не хочется – Питер – полный анриал, тут я могу с ним пожить. Верность мне все-таки свойственна, жаль, непонятно, кому я должен ее хранить.

Я засыпаю с чувством «снова свободен», а утром садовник дарит мне вербу. В канал падает снег, львы почти улыбаются.

В этот приезд мне показалось, что весь это чудный город – с самого начала – город невероятного усилия, что он каждую минуту что-то преодолевает и сдерживает. Боится, что его смоет в Неву, отнесет в Балтику цельным куском. Иначе для чего весь

этот гранит, мрамор, чугун, эти огромные ржавые цепи на мостах? Да нет, это, конечно, мне про себя так показалось.

Когда я шла ночью к вокзалу, меня вдруг стало трясти – то ли озноб, то ли похмелье, то ли страх перед пробуждением.

Бекицер

Питер – настоящая любовь, по которой всегда скучаешь, но зато можешь вернуться и быть счастлив.

На улице Рубинштейна – бары, кафешки и рестораны почти в каждом доме. И многие стояли пустыми и полупустыми. Мы с Асей шли, как мимо аквариумов – их дизайн меняется, не меняются белые лица официанток. И везде никого за столиками, больше курящих у крыльца. Потому что был будний день и было поздно.

Мы почти бежали и все равно замерзали на ходу, и кроме нас прохожих на улице не было. Правда, на тротуаре стоял Довлатов, и я ему вдруг так ужасно обрадовалась, такой он там стоит настоящий, и Довлатов, и памятник, что хочется обнять и поцеловать его в шею. А потом снова никого, пустые – и улица и переулки вправо.

А бар «Бикицер» при этом оказался битком набитым. И тот, кто в него приходил, сначала стоял как в автобусе, потом садился за большой общий стол в центре и ждал, чтоб освободились места за маленькими столиками. Мы тоже пока сидели за длинным столом и оглядывались. Рядом испанец и русский (оба с косичками) по-английски говорили о Боге.

Я спросила печальную девушку, которая уже надела шапку и встала из-за столика в уголке, как в «Макдоналдсе» спросила: «Вы уже уходите?» И она кивнула, такая прекрасная питерская девушка в старом пальто и вязаном шарфе.

Чуть позже она вернулась и сказала с вызовом: «Мы передумали». И я увидела, что к ней пришел парень с розой. И кажется, извинялся.

За баром не протолкнуться. Юноша бледный и две девочки с одинаковыми косичками ели прямо за пианино, сервировались на закрытой крышке – белая салфеточка, пиво, салаты. И вели беседу за современную поэзию, и для них это было серьезно. А девушка постарше пошла от угла к бару и по дороге вдруг из колонок ей что-то послышалось такое, захотелось потанцевать, и даже забылось про выпить. И она затанцевала с кайфом – одна. Больше никто в баре не танцевал, а ей правда было пофиг.

– Это вы наш официант? А что там на стене на иврите написано?

– Я не знаю, я армянка из Адыгеи. Еще что-нибудь принести?

И вот мы долго сидели там, уже на лучших местах, на диванчиках, пили вишневое пиво, ели всякие бикицеры, люди вокруг менялись, но испанец и русский еще говорили о Боге по-

английски. Потом и они оделись и ушли, не прерывая разговора. И тут поднялась суета, с криком «попробую догнать» официантка выбежала на улицу, а парень за соседним столом тревожно следил за ней в окно: догонит – не догонит. Сказали, что кто-то забыл под большим столом сумку, и, конечно, потом оказалось, что я.

Мы шли обратно по улице Рубинштейна, и я в шутку сказала Асе (знаю-знаю, и в шутку не надо): вот умру – будешь плакать.

Она помолчала и серьезно ответила:

– Скорее всего.

Ей приходится быть рациональной. Но я так часто слышу не то, что хотела, что даже уже перестала хотеть. Это вроде бы значит, что выздоравливаю.

Здравствуй, 40-летие…

Я так и знала, что там хорошо. Ездила мимо, но хотела пойти по этой дорожке, заблудиться, выйти с другой стороны земли. Ну ладно, выйти на чужой остановке и просто пойти, пойти вглубь. Знала, дорожка выведет меня куда-то за Москву, куда-то дальше, чем я могу представить. Самое лучшее – то, что не можешь представить. Не можешь знать, как там. Но не бояться. И так и оказалось.

Мне нравится думать про 40 лет. Я наконец-то чувствую себя большой, красивой, сильной. Даже когда я в старой майке. В ней даже больше! Потому что в ней я – какая есть, без искусственных красителей. Мне нравится мой рост, мои ноги и эта распухшая еще в седьмом классе грудь. И я больше не сержусь на нее за то, что она не слушается конструкторов белья. Игнорирует и их, и меня, еле держится на широких лямках. Но зато больше не кажется тяжелой. Может, потому, что я научилась расправлять плечи.

Мне нравится, что я как нюхач слышу больше запахов, чем все. И как дегустатор различаю кучу оттенков во вкусе жизни. И как приемник со сбитыми настройками принимаю сигналы всех датчиков, особенно с кораблей, которые терпят крушения. И не путаюсь в этом хаосе звуков. Пучки запахов, цветов и смыслов сначала входят в меня, и в этот момент иногда бывает больно, но потом они летают внутри, как в космосе. Переворачиваются, нагревают и подсвечивают меня из глубины солнечного сплетения.

Как будто я только сейчас и повзрослела. Недавно. Недавно мне было тридцать и мне казалось то же самое. И я говорила, что не поменяю свои тридцать на двадцать. А теперь и в тридцатилетие не хочу. Мне сорок, и я наконец иду по той дорожке, по которой всегда хотела пойти. И там все именно так, как я думала. Как будто с другой стороны зеркала. Там немножко туман, от сырости, от нескольких дождей, которые промыли мне волосы и мозги. Которые струились по ямке вдоль позвоночника, щекотали и обещали хорошее.

Тут так зелено, что вспоминаются очки с зелеными стеклами и уверенность бабушки, что «зеленый цвет успокаивает». Очень успокаивает. Там сосны, овраги, тропинки и смешанный лес, и даже не важно, с чем смешанный. И пахнет хвоей и дачей, а значит, свидетельствует, что отдых есть и счастье есть. И не вообще, а тут – уже в моей жизни. И за ним не надо куда-то ехать, покупать путевки. Я уже за все заплатила.

И еще эти поезда, которые все время где-то рядом. Этот мягкий стук колес, который окружает, накрывает, замыкает в кольцо – и лес, и квартиру. И усиливает впечатление, что все, что едет, спешит, движется, – остается снаружи. А мы остаемся внутри.

Люди и коты

Иногда не очень люблю людей, но обычно очень.

В палисадничке очень спокойно сидел кот. Сидел-сидел и по своим внутренним причинам слабо один раз мявкнул. Может, воспоминания накатили какие. Из окна первого этажа тут же высунулась женщина и произнесла классическое из анекдота:

– Барсик, это ты?

В ответном взгляде кота читалась бесконечная, почти супружеская усталость. «А кто же еще?» – сказал бы на его месте любой и подумал бы, что бабы – дуры. Но Барсик промолчал и остался неподвижно сидеть среди неподвижных стеблей мальвы.

Котов люблю тоже.

А в другом дворе и в другое время слышала, как мужчина спросил:

– Что это за дерево? Так красиво цветет!

– Это граната, – уверенно ответил парень в брюках с безупречными стрелками. И никто не удивился и не заспорил.

А цветы гранатового дерева правда красивые.

– Ой! Зай! Мы опять это сделали: зашли за водичкой, а накупили всякой дряни на восемьсот рублеф, – восторженно вскричал в «Пятерочке» мужчина с бородой, обращаясь к девочке в розовых роликах и розовом шлемике.

Зая не удивилась нисколько. Было ясно, что она у папы поздний ребенок, а 800 рублей – это далеко не предел в их хождениях за водичкой.

А кто-то сначала покупает в «Ашане» сок за 11 рублей и дает его маленькому сыну запить БигМак. «Никаких коктейлей, Егор!»

Мы тоже так делали. Но с тех пор наше благосостояние сильно улучшилось, и теперь мы можем купить сок в самом «Макдоналдсе».

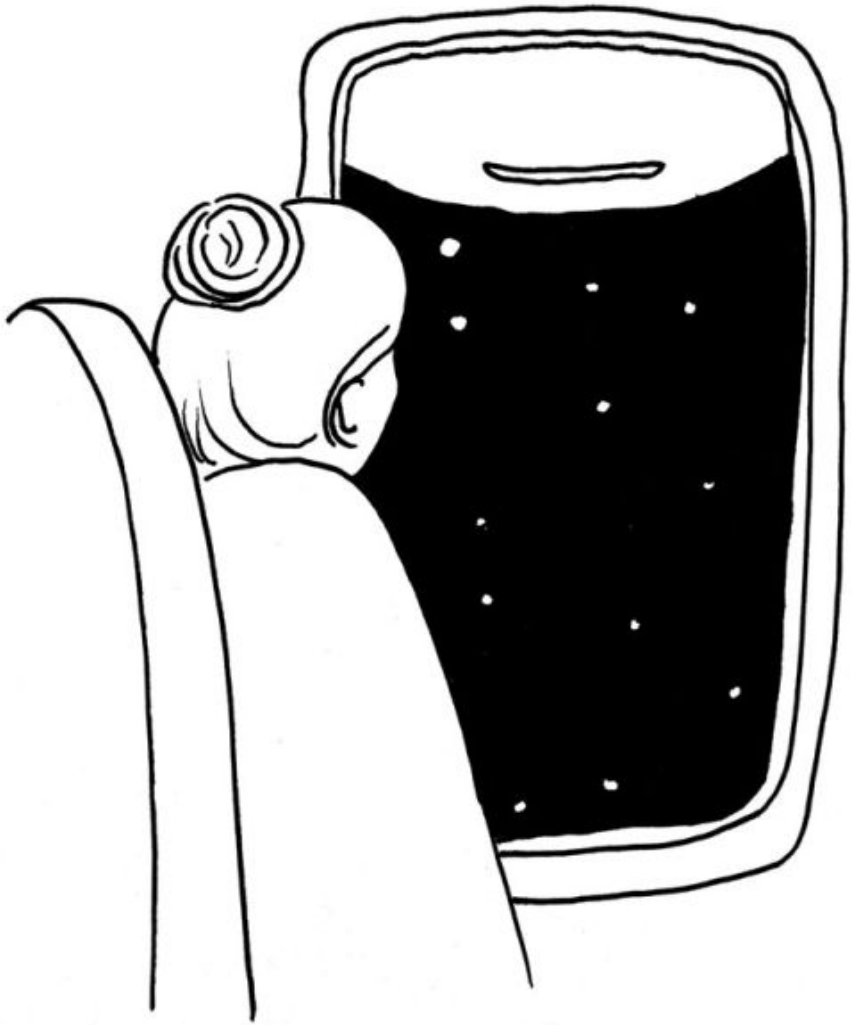
Быть сложной

После 40 я стала беречь кожу и хожу на море только по вечерам. Этим летом, уже в темноте полоская купальник, я увидела в прибое тысячи светящихся рачков. Один из них зацепился за мое кольцо и светился какое-то время после того, как волна отхлынула. Было красиво. Море мерцало. Я позвала дочку, мы вместе залюбовались свечением и этим моментом и обе его запомнили.

«Я не грустный, я сложный, – сказал доктор Хаус, – девчонкам нравится». И это правда. Но при этом сложных (особенно сложных женщин) путают с грустными, мрачными и, что еще хуже, несчастными. «Как у тебя все сложно!» – говорят обвиняющим тоном и считают это недостатком.

А чем плохо быть сложным? Это ведь значит, что у тебя много поводов заморочиться (углубиться, понять), но много и способов получить удовольствие. И это будет роскошное, многоэтажное, сложное удовольствие. Даже если это пиво с килькой. Потому что у сложных больше рецепторов, ассоциаций, усилителей вкуса. У них острее чувства и объемней реакции. И потому им меньше надо для счастья. Они настолько сложные, что могут радоваться простым вещам. Одни они и могут.

Знаете, хорошие духи, когда их нюхаешь на бумажечке, пахнут не так, как на теле, за ушком, не так, как на запястье, а к вечеру – не так, как утром. Утром легче, к вечеру – сильней. И в моем мире каждый человек и каждый предмет будто сбрызнут такими духами. Все в нем движется, все меняет очертания и смыслы, глубину и цвет, и чем дальше, тем интенсивнее. Это и называется взросление и зрелость, по-моему.



У меня есть подруга на 12 лет старше. Когда мне было тридцать, а ей сорок два, она как-то раз отодвинула клавиатуру, потянулась на стуле, похрустела косточками и выдохнула: «У-у-у нас еще столько кайфов впереди». Тогда я не находила поводов для оптимизма в возрасте за сорок. Но теперь ей 55, и нельзя не признать, что кайфов действительно было много и столько же ожидается. Потому что если ты сложный, то с возрастом мир для тебя становится все многомернее, раскрывается, как чайный лист в кипятке. Это как секс: у подростков – количество, у взрослых – качество. У подростков дешевые сигареты и песок в трусах, у взрослых виски и ортопедический матрас. И это естественный ход вещей.

Повзрослеть – не значит завести коллекцию обуви и

построить новую гардеробную. Это не много новых вещей, это много новых страстных интересов и ощущений. И много успешных способов примириться с собой и жизнью и наслаждаться всем этим.

И опыт, его никуда не денешь. Он копится. И тоже придает объем восприятию, придает 3D-эффект всему. Ты уже много чего перепробовал, у тебя есть предпочтения, привязанности – в цветах, запахах, тактильных ощущениях, тканях обивки кресел…

Да, тебе это важно. Если обивка, скажем, коричневый синтетический ковер, не айс, конечно, но ты переживешь – на то и взрослый. Но если светлый лен – ты можешь быть счастлив уже от этого. Можешь сидеть в холле гостиницы, ждать кого-то, разглядывать свою руку на подлокотнике и переплетение нитей в ткани и радоваться.

И так во всем: в еде и алкоголе, в городах, их архитектуре (посмотри, какая лестница!), местах, делах и маршрутах, погоде и природе, кино и музыке, общении и дружбе, – в том, что важно, а на что закрыть глаза в человеке. Отобранные из множества – свои кайфы и любимые вкусы. И все это тебя не утяжеляет, а облегчает.

Другое дело, если ничего этого не произошло. Где-то что-то сломалось и не случилось. И нет у тебя глубоко-внутреннего ресурса – крупных и мелких привязанностей, любовей, симпатий, радостей, привкусов жизни… Финансовые возможности могут все это усилить, но не могут заменить.

И если совсем мало про что ты можешь сказать: «Ох, как же я это люблю! Прямо обожаю». То есть сказать можешь – любить не получается. Но вроде надо же иногда радоваться, и ты заглядываешь в себя и спрашиваешь: «Что я люблю больше всего в жизни? Кого хочу видеть прямо сейчас? Чтобы меня сейчас так порадовало, что прямо – ух!» И в ответ тишина. И можно еще поскрести ложечкой по медной кастрюльке желаний, но без толку. И вот тогда начинается: «Где мой увлажнитель для пятки? Почему чай холодный, шампанское теплое?» И кубики льда в бокале не той формы.

Но если все по-взрослому – в жизни у тебя больше того, что тебе нравится. Включая твои причуды и странности, песчинки и трещинки, которые давно обнаружил, с которыми сжился и которые тоже ежедневно украшают жизнь. Прелесть в том, что ты уже простил себе бзики, и с каждым у тебя есть история отношений: отрицание, гнев, торг, депрессия, принятие – и все это позади. Любишь их в себе и знаешь, что они делают тебя не похожим на всех. Уверился в этом.

И еще твои ошибки, которые были то ли правда ошибками, то

ли настоящей любовью, которая всегда права. Но взрослость, зрелость и сложность – это когда умеешь зализывать раны, запудривать шрамы либо носить их гордо, как ордена. И реже чувствовать одиночество, а если чувствовать, то не бояться его.

Как странно слушать призывы к простоте, «простым» человеческим радостям, неприхотливости утех, посыпание головы пеплом – да, мол, мне нужно больше условий для счастья, больше аксессуаров и мне уже мало дешевого портвейна и сигарет «Друг», чтобы веселиться. Тоска по подростковой неразборчивости, безбашенности и отчаянию во всем – она иногда всплывает. Но когда ты знаешь и любишь так много всего разного, любишь так подробно, раскусываешь с таким смаком, не жалеешь, что тебе не 20 лет. И о том, как часами валялся на пляже, не боясь обгореть, и обгорал-таки до полной смены кожи, вспоминаешь без сладостной ностальгии.

Как говорит один очень успешный продавец кондиционеров: когда ты нашел свое место под солнцем, твой выбор – оставаться в тени. Там бездна интересного и длинный список сериалов, которые еще надо успеть посмотреть.

Отпускаю!

Один молодой психолог, которого я имела несчастье оставить с детьми в качестве няньки, сломал наш комп. И в ответ на громкие стенания авторитетно наехал на меня в том смысле, что «нельзя ж так относиться к вещам! Нельзя дорожить! Нельзя привязываться!».

Я подумала: Как? И к вещам тоже? А, ну да.

Мой первый парень был не мой, а своей мамы. Любовь у нас была взаимная, но несчастная. Потому что маме я не нравилась. Она не просто меня интеллигентно не одобряла, приговаривая: «Сынок, послушай маму: эта девушка тебе не пара», – нет! Она активно противодействовала моему существованию. По-простому, по-народному: «Видела твою в городе – она так противно морщила нос. Вижу: наплачешься ты с ней!»

У каждой девушки был такой парень, в обществе которого она чувствовала себя тупой овцой. (Тогда я еще не знала, что если так себя чувствуешь, то сам он баран!) Мне мой все поломал. Он вроде и был со мной, и вроде держал на расстоянии. Особенно иногда. Если мимо ехал автобус, в котором гипотетически могли быть его родители, он отскакивал от меня и прятался за неровностями рельефа в виде афишных тумб. У меня не было политической воли, я думала: нельзя его подводить. И тоже пряталась.

Ну что скажешь – не повезло.

С моих 18 до 25 он талантливо растил во мне убеждение, что людям, как птицам, нужно много воздуха. Что им нужно давать свободу. Что нельзя привязываться, привязывать и давить. Иначе человек убежит и спрячется. Мол, достаточно просто быть. Просто любить. Просто давать. Прекрасная идея, считала я. И так и поступала, то и дело находя подтверждение правильности этой позиции. Но, кажется, ошибалась. Потому что в результате так хорошо научилась отпускать, что подпустить кого-то к себе теперь стало проблемой.

Никто и никогда не был моим. Или я не умела быть чьей-то. И меня бесит, когда говорят «мой мужик» (почему-то чаще всего это говорят женщины с лишним весом), или просто «мой» («ой! а мой-то!», бе-е-е-е-е-е-е), или «мой муж» с громадным акцентом на слове «мой». Так, знаете, говорят и оглядываются: все слышали? Чтоб никто себе не сомневался. Чтоб все завидовали. И я завидую.

У меня был муж, который для солидности называл меня супругой, а после развода был еще мужчина. Если нас

спрашивали всякие нескромные: «Вы вместе?» – мы улыбались. Типа «кого какое дело?». И были типа вместе. Тогда я еще не знала, что если нельзя ответить прямо: да! – значит, не вместе. Однажды я погладила его по щеке и сказала: «Мой хороший». И он закрыл глаза. И так странно сказал: «Повтори, пожалуйста. Можно только первое слово». У меня не получилось.

Это одиночество, которое не выдавливается даже по капле.

Я на расстоянии ото всех. В результате я отпустила далеко и надолго отцов каждого из моих детей. Дала им слишком много воздуха. Так много, что теперь их нет вообще. Даже в виде звонков детям и алиментов мне. А с двумя детьми и полным неумением привязывать к себе завести того, кто был бы «мой», теперь уже невозможно.

И потом, я не умею строго спрашивать «Ты где?», так и не научилась «знать себе цену», не умею себя «нести», не умею в нужных ситуациях быть холодной, особенно если мне горячо.

И особенно я не умею претендовать. Для этого нужно

чувствовать большую внутреннюю уверенность, что ты имеешь это ужасное «полное право». И руки в боки.

Короче, у меня ни уверенности, ни прав. И я веду жизнь даже не матери, а отца-одиночки, который, наварив супу и уложив детей спать, выбегает на свидание, на ходу уничтожая признаки собственной многодетности, отмывая фломастеры с рубашки и капли Актимеля с джинсов. Но основное не ототрешь. «Давай по-быстрому, не боись, я ненадолго, я не создам проблем, я скоренько, еще один разик, еще один бутербродик – и домой…» А слова «мой сын» и «моя дочь» я произношу так, будто они сами по себе, такие ничейные дети. И я всегда готова к тому, что их надо будет отпустить. Как всех. Еще не хватало маменькиных сынков растить. И подкаблучников.

Зато у меня есть много воздуха.

Недавно я увидела, как одна девушка в клубе пошла танцевать медленный и была вся такая строгая и напряженная. А пацан ей что-то сказал и поцеловал в ухо. И тогда она выдохнула, улыбнулась и закрыла глаза. И я подумала: может, это выход – хоть иногда, хоть на время быть с кем-то. Быть чьей-то. И закрыть глаза. Ну, пусть не навсегда, на этот промежуток… И тогда можно просто прислушиваться к музыке, и она понесет, можно не вести – ни в жизни, ни в танце. Положиться на него – и танцевать. И каждый аккорд будет отдавать горячим в животе и бежать вверх как пузырьки в аквариуме. И можно потянуться и поцеловать его между шеей и плечом. Погладить по спине. Прижаться к чему угодно. И засмеяться. А музыка саккомпанирует. И это все. Лучше так, чем годами делать вид, думаю я, потому что у меня слишком много отрицательного опыта. Негативного экспириенса. Комплексы. А вы не ведитесь.

Я уже не научусь претендовать, удерживать и держаться самой, не научусь верить, что любовь может быть длиннее танца.

Максимум – он потом не отойдет, проводив тебя, к своей даме, за другой столик. Кивнув – «это было восхитительно». Дав понять – я все запомнил.

Не отправится к маме, потому что считает, что ей-то необходимо его присутствие, а ты же молодая-здоровая-вечная!

И не поедет, проводив тебя, к жене. Страстно обняв напоследок и подчеркнув, что между вами особенное, не то, что у них с женой, – обыкновенная семья. Он не ее, не мамин, он свой собственный и немножечко твой. Он пока согласен быть твоим.

И до последнего аккорда есть время. И много воздуха.

Инструкция по разлюблению

Чтобы тебя
из меня
выдавить,
вытравить,
вывести,
как тараканов,
надо просеять меня
через сито,
всего тысячу раз,
туда-сюда,
и по новой…
То, что отсеялось,
выбросить в раковину.
А потом еще
подержать меня
в ледяной воде,
лучше проточной,
прозрачной,
так, суток несколько.
Следом
отжать меня
через марлю
и сильно выкрутить
за два конца
и в разные стороны.
Из того, что осталось,
пожарить сырники
или оладушки, что ли.
А потом еще можно
потолочь меня
в ступе
чугунным пестиком,
как чеснок,
до образования
густой
однородной массы.

Еще бы сбрызнуть меня
из баллончика
дезинфицирующей
отравой

со стойким эффектом
и таким же запахом.
И покрыть сверху лаком.
Да нет же!
Зеркальной пленкой!
Выдавить deL и
эскейп
одновременно.
Тот кровавый песочек,
которым ты из меня
высыпаешься,
хорошо бы
промыть
отдельно
в большом деревянном корыте,
таком, знаете ли,
старательском.
И обнаружить в нем
самородок.
Ясно – не золото,
но что-то твердое.
Сделать из него
брелочек
к ключам на машину.
Поехать по
взрослым делам
и тогда уж
сказать себе:
Ну, дорогая,
а как ты хотела? —
любая любовь
когда-то заканчивается.

Выносимая легкость

Все вокруг сошли с ума и твердят об оптимизации, экономии, сокращении и напряжении всего. А потом жалуются, что не могут расслабиться, даже когда это необходимо. У нашего Макса, как у Муди из «Блудливой Калифорнии» (или «Калифрении»), другая проблема – он в принципе не может напрячься. И не считает это проблемой. Я иногда думаю, что правильно делает.

Когда я не покупаю чипсы, то стараюсь объяснить это заботой о здоровье детей. На что Гас мне недавно заявил: «А о моральном здоровье ты моем заботишься? Оно тоже важно! А отказывать себе в удовольствиях – вредней, чем пить колу!» Это выглядело как подготовленный идеологический демарш. Я даже заподозрила, что его подучили.

Есть у меня один знакомый друг, который не отказывает себе только в излишествах. Этот отказ для него травматичен. А он категорически не способен травмировать себя отказами. Он заботится о своем моральном здоровье. И при этом крайне и всесторонне нездоров.

Гармоничная личность: в его нездоровом теле прекрасно себя чувствует нездоровый дух. Дух нездорового авантюризма. Он и монахиню способен довести до грехопадения, потом до истерики, потом до разочарования и в грехе, и в добродетели. Впрочем, монахини его не интересуют.

Кто его интересует, сказать трудно. Его интересуют как бы все и как бы никто конкретно. Потому что если кто-то конкретно – ему легче жениться. И идти уже дальше, чтоб жизнь не стояла на месте. Он не выносит застоя. И никогда не делает того, что не выносит.

Он всеяден, особенно когда пьян. А когда он пьян, не любить его невозможно. Если мне говорят, что кавказцы, как старые солдаты, в принципе не знают слов любви, я всегда предъявляю Макса. Он говорит «Я люблю тебя» вместо «Але». Дальше разговор развивается по-разному.

«Я хочу, чтоб сегодня ты дала мне нежности», – может сказать он, уснуть к концу трехминутного разговора и исчезнуть на месяц.

А когда звонишь ему с аналогичной просьбой «Спасай меня сегодня вечером», он отвечает с ни разу не подкупающей откровенностью: «Это я могу. Но спасаю только один раз. Потом обычно засыпаю». Видимо, предыдущие спасенные обижались и жаловались на храп. Так что теперь он с нами, женщинами, предельно честен.

– Отвези меня на вокзал.

– Это я могу. Но в таких случаях я всегда обещаю и всегда подвожу.

Обещает и подводит.

Иногда приходит смс:

«Ты самая лучшая».

Потом другая:

«Ты удивительная».

Через 15 минут:

«Всегда о тебе думаю».

И ведь это рассылка. У него в телефоне стопицот номеров

девушек разной степени свежести. Как сказал один его друг: «Все время встречаю его будущих девушек и ни разу не видел бывших».

Это как наркомания – бывших девушек Макса не бывает. Один раз попробуешь – и все, это навсегда. Потому что с ним невозможно испортить отношения. Как все нетребовательные к себе люди, он терпим не только к собственным недостаткам. Но и к женским истерикам, заявлениям и демаршам любой степени тяжести. Ты ему – демарш, а он тебе – я люблю тебя! И не тебе одной.

А еще есть такое замечательное звание, как «моя будущая девушка». Им могут быть награждены все особо отличившиеся девушки, сидящие, лежащие, танцующие в радиусе от 0,5 до 5 метров от Максового столика.

Это только кажется просто сказать: «Дай-ка я подсяду к моей будущей девушке…» или «Знакомьтесь – это моя будущая девушка». На самом деле, чтобы сделать это естественно, без нажима и выраженного нахальства, нужно обладать врожденным обаянием и талантом к невыносимой легкости бытия. Ведь понятно, что оно временное, это звание, недолговечное и ни к чему не обязывающее. Но как ненавязчиво оно сообщает о намерениях мужчины на грядущий вечер, как подспудно катализирует процесс сближения и, одновременно, каким грандиозным авансом служит! Если не сказать стимулом.

Например, официантки, приобретя статус будущих девушек, работают шустрей и слега розовеют от удовольствия. Еще бы! Будущая девушка! Это не то, что предыдущая…

Если не успеть немедленно согласиться на его приглашение, спустя 10 минут будет уже поздно. Он уже найдет другую. Любую. Потому что не важно с кем, важно, где и что именно. Хотя и это тоже… Ладно, потом…

Не уверена, что его также интересует секс как таковой. Ему важен другой процесс. Пойти, сесть, почитать меню, заказать на трезвую голову, с удовольствием поесть, слегка захмелеть, попристават к официантке, заказать еще на пьяную, наметить, куда поехать потом, назвать официантку своей будущей девушкой, выпить опять и…

Переместиться в клуб

Позвонить всем

Пройтись пешком

Покурить

Ответить в трубке: где я? Да тут такое местечко, ты бы видел этот бар-до-потолка

Покурить

Поймать такси и переместиться в другой бар

Поговорить с барменом

Вернуть ему долг

Дождаться момента, когда перемещаться уже невозможно

Отшлифовать выпитое

Взять у бармена в долг

Теперь на посошок

Некоторые самодовольные особы думают, что все это ради них. И что кто-то будет посягать и пытаться воспользоваться.

Посягать, возможно, и будут. Но я много раз видела облегчение на его лице, когда под утро девушка уезжала домой.

Но если девушка все это выдержала, потом по плану должен идти секс.

Но секс после всего этого качественным быть не может и не хочет.

То ритуальное, что происходит, Макс называет «макнуть и уснуть». И что характерно, многие пытаются это повторить. Завороженные предшествующим кутежом, они надеются стать «женщинами его жизни».

Если не знать всего этого заранее, с ним действительно легко можно дойти до грехопадения и до истерики – от смеха, в любой последовательности и вперемешку. Но удовольствие будет продолжаться недолго. А вот если знать, то акт можно длить годами. Потому что он читает и Довлатова, и Аверченко, и

Булгакова, знает, кто такой Птибурдуков и почему к нему ушла Варвара. Однажды он меня просто потряс тем, что пожаловался: Борис Виан, которого он купил, оказался не с тем переводом! Не с тем, который был в книжке 60-х годов издания! Не читается, не прет! Я так потряслась, что нашла ему ту книжку и задарила.

С ним можно говорить цитатами и смеяться одному и тому же. А не смеяться с ним тоже невозможно. У него уникальная способность видеть смешное в обыкновенном и открывать это смешное тем, кто пьет рядом. Он смеется первым, искренне, долго и невероятно заразительно. В том числе над собой. Я считаю, что именно так он продлевает себе жизнь, потому что других объяснений тому, что он до сих пор жив, – не вижу.

– Как твой должник? – спрашивает Макс как бы сочувственно.

– Ниче не отдал, звонил, сказал: «Ну я же не пропадаю!»

– Я тоже так всегда говорю.

И я понимаю, что моя ситуация безнадежна.

Я не знаю, о чем Максим думает и когда он это делает. Наверняка немало женщин задавали ему этот вопрос и задавались им сами. Мне кажется, что «о чем ты только думаешь?» они присовокупляли разного рода «доколе», а также угрозы, которые потом и выполняли.

Так вот, не знаю, о чем он думает, но навскидку, самая перспективная перспектива, которую в силах обозреть его мозг, – это сегодняшний вечер. Что полностью сообразуется с советами психологов, народной мудростью и даже Библией.

С ним ночь увеличивается не во времени, а в объеме. Не снаружи, а как бы изнутри. С ним завтрашнее утро отодвигается, оно не через 8–10 часов, а через мильон лет, и кому вообще это надо, чтоб оно наступало? Мы, во всяком случае, его не просили.

С ним вдруг понимаешь, что не важно, сколько тебе лет, кого ты любишь, с кем ты спишь, куда идешь завтра – все не важно. И для него, и вообще. Важно, что можно смеяться, пить, курить и не думать о последствиях чего бы то ни было.

Последствия не наступают.

Во всяком случае, для него.

Во всяком случае, ему плевать на последствия.

А все мы, кому не плевать, его друзья и приятели, замотавшись в своей обыкновенной жизни, перестав ощущать от нее удовольствие, забыв привкус хорошей пьянки – едем к Максу, чтоб просто посидеть рядом и вспомнить. Некоторые при этом даже не пьют и не курят. Воображают, что сидение рядом погружает их в атмосфэру порока. Жить в которой они не отваживаются. А некоторые, особо занудные, пытаются остановить самого Максимилиана. Агитировать его за здоровый

образ жизни.

Дураки, кому они будут звонить, когда им нестерпимо надоест все делать по уму?

Итак тошнит от собственного рацио, а уж когда Макс трезв и не приглашает, вапще жить не хочется.

Уж не знаю, пытался ли быть правильным сам Максим… Не знаю, пытался ли он когда-нибудь взять себя в руки…

Но не хотела бы я при этом присутствовать.

Эту жажду не утолить

Когда скучаешь по кому-то – среди будней, рутины и всего обыкновенного вдруг вспоминаешь какое-то слово, или прикосновение, или запах почудится, и образ нарисуется размытым контуром, и этого мгновенного бестелесного присутствия достаточно, чтобы понять: все, нимагу – скучаю. А если такое случается много раз, оно идет по нарастающей. От «хорошо бы увидеться» до «хоть бы скорей» и «нужен прямо сейчас» до непроизвольного движения руки, которую хочется протянуть к человеку, чтобы потрогать его присутствие. И убедиться, что там никого.

Иногда начинаешь жить «твои черты, как безумное зеркало повторяя», но это в крайнем случае. Обычно же, когда скучаешь по кому-то в воздухе вокруг, как мыльные пузыри мелькают складочки, смешинки, словечки или помнится нота в голосе, или какая была погода – совершенно не судьбоносная чепуха, из которой состоит любовь, как выясняется.

А бывает, потом вы видитесь, и говорите, и щупаете друг друга глазами и руками, и «вроде все как всегда», а тоска не проходит. Не утоляется. Как будто хотел пить, выдул бутылку лимонада, а жажда осталась. На следующее утро чистишь зубы и опять мелькает тот контур, и там внутри груди, вглубь от бантика на лифчике – болит, и все тут.

Это значит, скучаешь не по тому человеку, какой он сейчас, а по тому, каким он был тогда-тогда, когда было хорошо. Ты любишь себя и его в прошлом.

Или вообще скучаешь по тому, каким ты его выдумала. Тебе так было нужно в тот момент! А человек вообще другой оказался… Такие штуки мучительней разлуки через сто морей, потому что за морями человек все-таки есть, а того, кого выдумаешь, нет нигде. И не будет.

С детьми все то же самое. Скучаешь со среды, ждешь субботы, планируешь с ними сходить в «Ашан» и в кино (в музей и парк), суббота приходит и уходит, потом следующая, потом недели и месяцы – пока не догадаешься, что дети выросли и тебе всю жизнь осталось скучать и ждать неопределенных суббот.

Если бы я писала книгу про отношения с детьми – это был бы конец последней главы. Дальше отношения со взрослыми.

Поссорились

Поссорились по-плохому или «по-хорошему расстались» – внутри все меняется. Снаружи остаешься на месте, но будто уходишь из дома, идешь через двор, садишься в маршрутку без номера, на конечной пересаживаешься в холодный трамвай, кажется, в другом городе, и едешь, едешь вдоль улиц с каменными заборами, пока не оказывается, что нос покраснел, глаза слипаются и придется где-то остаться с ночевкой, все равно где, а завтра на работу.

Заходишь в чужую квартиру, там все незнакомые. Кого-то, возможно, вспомнишь по имени, но неуверенно – кажется, это из одноклассников или с первой работы. Тусклая люстра, мужчина в майке-алкоголичке, телевизор транслирует «Пусть говорят», на завтрак едят борщ, пьют чай из чашек с керосинными розами, на стене дешевый ковер, а ты сидишь с прямой спиной в проходной комнате, из дивана торчат пружинки, впиваются в пальцы, и именно на нем нужно спать, теперь уж всегда.

Не важно, поссорились по-плохому, «по-хорошему расстались», живешь вроде дома, а родных больше нет во всем свете.

Но бывает, проехав на всех маршрутках без номера, во всех холодных трамваях, уже просидев с прямой спиной в проходной комнате со сквозняком, вдруг узнаешь, что можно вернуться, что все отменяется. Идешь в свою, ту же самую, комнату, видишь большое дерево в светлой раме окна, видишь на ветке ворона, с которым сто лет знакома, он всегда сидит в профиль… Ложишься в большую кровать, где легкие одеяла, и простыни пахнут мандаринами, где наволочка с жирафом и под подушкой Чандлер.

И начинаешь надеяться, что больше никто тебя никогда не разлюбит и больше никто из себя не выгонит.

Не любит ли кто-нибудь август

Не любит ли кто-нибудь август, как не люблю его я?

Этот месяц, когда в детстве тебе начинали напоминать, что скоро в школу. И пора покупать новый дневник и тетрадки. И школьные, потому заранее нелюбимые, туфли.

Месяц моего дня рождения, с которым я не смирилась до сих пор, и это не связано с возрастом. Месяц ярких романов, которые не продолжаются или мучительно длятся в сентябре, но не дотягивают до Нового года.

Месяц спланированных, но неудавшихся отпусков и свадеб.

Август – как вечер воскресенья, когда пора чистить зубы и ставить будильник на семь.

Как конец фильма, когда в финале ничего не понятно и уже

мелькают титры.

Как пик зрелости, за которой неизбежно увядание.

Это поздняя малина, первый желтый листок на дорожке и последнее яркое солнце в году.

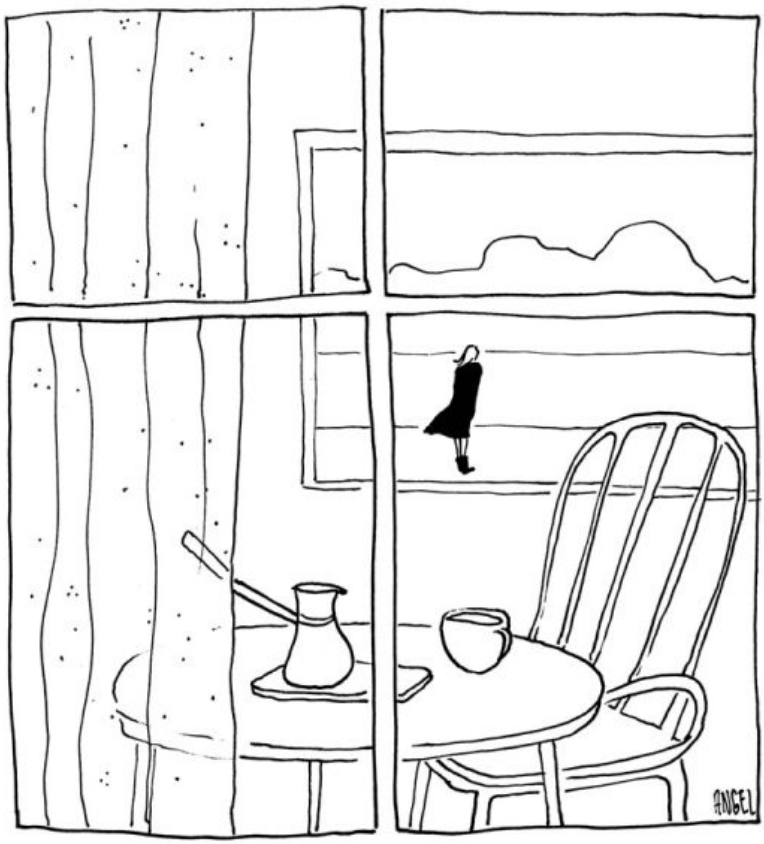
И кто-то уже надел ботинки, хотя многие спокойно держатся в босоножках.

«Еще ж бабье лето впереди!» – утешаемся мы и заранее знаем, что оно промелькнет так быстро, что не заметишь – в этом году и в жизни.

Август – месяц, когда все чего-то ждут, а оно не сбывается. Или сбывается, но не приносит счастья. А «все, что сбыться могло, мне, как лист пятипалый, прямо в руки легло, только этого мало»[15]. И всегда всего оказывается мало! – особенно в августе.

После 20-го начинаешь его гнать, будто скомкиваешь прощание перед долгой разлукой. И хочешь сбежать с перрона.

Тут знающие люди говорят, там дальше бархатный сезон. Не знаю, у меня не было, все сезоны слились в один сильно затянувшийся август. Беспомощный август – когда ты все сделала правильно, а радость все равно утекает сквозь пальцы. Даже не щекочет, не пускает солнечных зайчиков. А лето уже закончилось, его надо доесть и выкинуть огрызок. Новая осень скоро. И как в нее идти? Я еще не нагрелась с прошлой зимы.



Но говорят, бархатный сезон как раз в сентябре, его стоит дождаться. Никогда в это не верила. Попробую в следующем году.

Не любит ли кто-нибудь август, как не люблю его я? А также календари, настенные часы, минуты вообще и секунды частности – считать их, знать о них, слышать их щелканье. Захочешь посмотреть в небо, а в нем светится встроенный пульсирующий секундомер. Теперь ведь даже в автобусах табло с напоминанием даты и времени.

Нетоксичная мать

Сначала мама говорит: «Иди есть». Через пять минут она не говорит: «Иди, а то остынет», она машет безнадежно рукой: «Все уже замерзло!» Перед мысленным взором встает тарелка борща, покрытая ледяной коркой. Но и мамина страсть к преувеличению больше не раздражает.

Мамы дают, что могут, а потом ты вырастаешь и остальное находишь в других местах. Потом теряешь, потом находишь опять – и так много раз. Пока не начинаешь искать в себе. В себе исключительно. Это и называется зрелостью, независимо от результата. Если она наступает, ты перестаешь соревноваться и бунтовать. Стараешься жить и просто несильно расстраивать маму. А мама (если у нее тоже наступила зрелость) старается сильно не расстраивать тебя.

– Ну, что я делала? – рассказывает мама подруге, как прошло утро. – Да, как обычно… Пока посуду помыла, пока ленту в ФБ полистала…

Маме 70. Она регулярно ходит на кинопремьеры, в театры и просто «погулять в город» или покататься на трамвае. И она, например, смотрела итальянских «Идеальных незнакомцев» в кино и поэтому знала, что именно переснял «Квартет И». По ее настоянию я ходила на документальный мультфильм Резо Габриадзе «Знаешь, мама, где я был?». В моей ленте никто о нем не писал, а других источников информации у меня нет, так что я могла вообще не узнать, что отец и сын Габриадзе сняли еще одно великое кино. Хорошо, что есть мама!

– Ты видела последний выпуск «Парфенона»? А предыдущий, из Парижа? А «Глас народа»? Ты же любишь Пушкинский музей! А фильм… Ну, как всегда у Парфенова.

Смотрю, и «Глас народа» – действительно, как всегда у Парфенова. Вот ты почти ничего об этом не знал и вот – знаешь почти все.

– Вторая часть не хуже, – говорит мама. И расстраивается, что я никак не посмотрю «Как Витька Чеснок вез Леху Штыря в дом инвалидов».

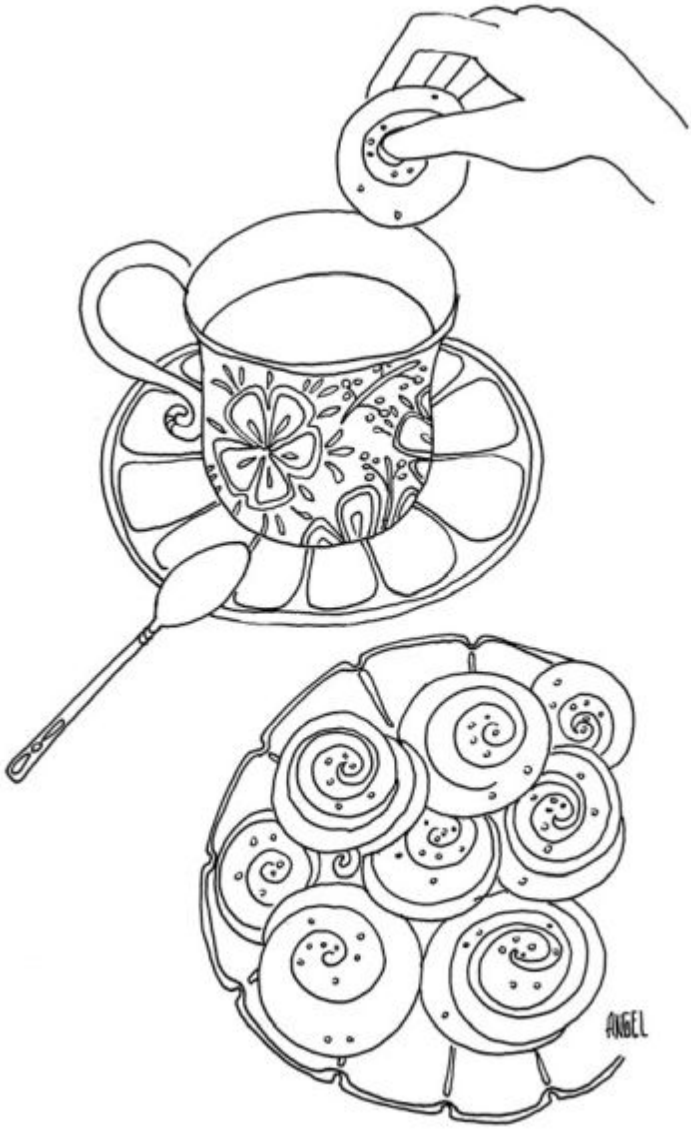
В отличие от меня мама прочитала все модные толстые книги последних лет – «Щегла», «Дом в котором», «Шантарам», «Большую маленькую жизнь», перечитывает Гиляровского, Довлатова, Чудакова, Акунина, пока моет посуду или гуляет в лесу – слушает аудиокниги. Умело пользуется поисковиками, зависает на Яндекс. Дзене, YouTube и IVI. Не так давно сама зарегистрировалась в Инстаграме, между делом лайкает внуков,

ищет интересное лично ей, делает открытия! Реклама ее не раздражает: «Где еще узнавать про новинки?»

Иногда, после очередного короткого замыкания, когда в жизни опять искрило, трещало и таки сгорело, а традиционные средства для взрослых – сериалы, секс, наркотики, рок-н-ролл – не помогают, – не расстраивать маму уже не получается.

Хочется одного – телефон оставить в прихожей и лечь на пол в прохладной маминой комнате, рядом с книгами, по корешкам которых училась читать, рядом со шкафом, где все рассортировано, наглажено и лежит стопочками, рядом с маленьким буфетом, где каким-то чудом всегда есть шоколадные конфеты, а не какие-то ириски и батончики…

У мамы новая стрижка и новые ботинки, на окне свежая занавеска – старая надоела, не успев состариться. На стене карта Москвы, на круглом столике список для похода в магазин – в столбик и каллиграфическим почерком. Как ни тренировалась, у меня все равно не такой.



Когда определенности нет ни в чем, чтобы хоть как-то выровнять свою жизнь, обращаешься к обыкновенным вечным ценностям: мамин обед по расписанию, а на обед – супчик, как в детстве. Прозрачный бульон и морковка так же нарезана. И при любом бюджете – обязательно салат, закуска на красивой тарелочке, компот или морс, горячее блюдо и к чаю что-нибудь вкусненькое.

У меня становится походка, как у моей бабушки. Маленькой я часто ходила позади нее по дороге на дачу и обратно. И помню,

что она ступала тяжело, твердо и помогала себе идти, сильно отмахивая правой рукой. А в левой несла железное ведро с клубникой или персиками, его ручка поскрипывала в такт шагам.

Помню на ведре чистенькую тряпочку, подвязанную веревочкой, помню ямочку на круглом локте, совсем не подходящем для того, чтобы махать им, как на марше. Такой локоток хорошо смотрелся бы на фоне газона, на ручке плетеного кресла, в кружавках. Но наших бабушек в основном учили ходить строем и думать о неопределенном общественном благе. Сейчас трудно представить, но отдыхать у них в принципе было не принято. По крайней мере, ни одна из моих бабушек не была замечена отдыхающей. Одна в 16 лет уже работала на военном заводе, а другая родила моего папу аккурат перед войной, ну и все заверте… Боюсь представлять.

Маминой походкой носками наружу, маминой прямой спиной я привыкла гордиться. А как-то раз догоняла ее у подъезда и заметила что-то знакомое – с одной стороны родное, а с другой – пугающее: мама устала и шла, как бабушка с дачи. Списала на наследственность. Я-то совсем другая – не в маму, думала я про себя. Спортивная порода, легкая атлетика, у меня ноги скорее заплетаются, чем топают.

Прошло пару лет и теперь я знаю ту походку изнутри. Заметила, что топаю, машу рукой и одернула себя – ну уж нет! Я так ходить не буду. И только теперь догадалась – это была не бабушкина походка. И не мамина. Это просто походка уставшей женщины, которой надо идти, а она устала ходить еще триста лет назад.

Но мама все-таки не бабушка – родившихся в сороковые иногда выпускали попастись, хоть и недалеко и ненадолго. И на променаде в магазин мама по-прежнему балеринно держит спину, а наступает мягко и аккуратно. Она никогда не выйдет из дома в чем попало, например, в неглаженом. Или в юбке, не сочетающейся с блузкой. Или в случайных серьгах. Так было всегда. И это внимание к внешнему виду вытекает из требовательности к себе, немодной на фоне новых установок про «делать, что хочется», «жить, как удобно» и носить комфортную одежду.

С папой у них не заладилось, когда он стал отказываться надевать глаженые рубашки, а надевал, наоборот, мятые, а иногда еще и грязные – с маминой точки зрения, с его – идеальные. Мама даже пыталась перегораживать собой дверь, и говорить: «Я тебя не выпущу в таком виде». Но силы были неравны, он вырывался.

И вот прошло всего 30–40 лет, и мама смягчилась. Мне она

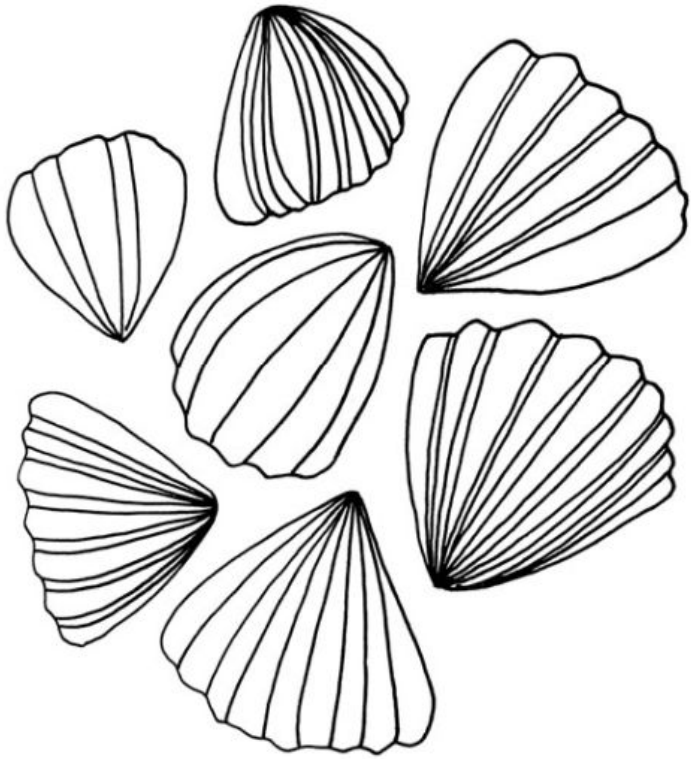
дверей не перегораживает, а только грустно шепчет в закрывающиеся двери лифта или в шахту лифта:

– Губы накрась! Хотя бы…

Мамы дают, что могут, а потом ты вырастаешь и остальное находишь в других местах. Потом теряешь, потом снова находишь, а в промежутках – мамы – это единственная доступная нам стабильность.

Я – ракушки

На берегу
я собираю ракушки,
похожие на меня:
бледные,
ломкие,
полупрозрачные.
Посмотришь,
и сразу видно —
им не хватает
йода, железа, кальция
и внимания
противоположного пола.
Только дунешь,
и фьють! Они
улетают с руки
обиженно…
И хрустят под ногой,
как скорлупки.
Нормальные
ракушки
так не поступают.



А эти…
Посмотришь,
и на ум приходит
экологическая катастрофа,
а также
мелкие неприятности
личного характера.
Но, как это говорится,
«Что-то в них есть?»
Фу, отвратительно!
Достоевский, кажется,
называл такую красоту
чахоточной.
А ее обладательницы
у него все сплошь —
с непростой судьбой,
ну, то есть,
продажные женщины.

Просто ты умела ждать

За пять институтских лет у нее был очень один, очень короткий роман. У меня африканские страсти, встречи-прощания, ссоры-примирения, философские споры, потери и находки смыслов жизни, а она… Ездила каждый день на занятия – с занятий, на работу – с работы. Спокойненько так. Я все думала – «как она жить-то будет?», намекала ей, что уже пора начинать, ну, что ли, учиться строить отношения.

А сама как рассорюсь со всеми, как достигну дна отчаяния – так к ней, в оазис безмятежности. Чтоб без этих: «А он че? А ты че?» Отсыпаться, пироги есть. Отойду – и обратно, как та Баба-яга, к себе, в омут. А она – ну, депреснет иной раз, но в целом – без драм, без драм. Всегда без спутников, одна… «Ну, я пошла», и пошла себе. Потом и вовсе отчалила в дружественную Беларусь. Там познакомилась с парнем, как говорится, полюбила его. Вышла за него замуж. Родила сына. И вот живут они так 15 лет. Ага-ага, так бывает.

А я, устав сначала от страстей, потом от семейной жизни, а потом от целибата, не придумала ничего лучшего, как снова поехать к ней – поспать, успокоиться.

Приезжаю, а там такой муж! Споко-о-о-о-о-о-о-о-о-ойный, как…. Как… как надо, в общем. Глянет, бровь подымет, и думаешь: это он уже замечание делает или пока только предупреждает?

Но вот заходим с сумками домой, он надевает красивый фартук и шмыг – на кухню. Чтобы что делать? А чтобы разогревать то, что приготовил перед тем, как ехать за мной на вокзал. Таких вкусных борща и котлет я в жизни не ела. Подруга так, больше из вежливости, поныла – просила его посуду не мыть. Но он ее не послушал. Я сижу, молчу, вида не подаю, а сама в полном… В полном.

Диван у них один и одна детская кровать. А сын как раз уехал к бабушке в деревню. В общем, мужу постелили на полу, мы с подругой перед сном поболтали, и я отрубилась. С дороги все-таки.

Утром просыпаюсь от того, что стены дрожат, а в ванной что-то с грохотом падает, и вообще звуки подозрительные. Полежала, прислушалась, двух мнений быть не может: это страстный секс. Ну, думаю, прямо, потерпеть не могли. И сплю дальше, как могу. А могу уже плохо.

Через некоторое время слышу – завтракают. Белорусский муж кричит с кухни: тебе кофе сварить? Я, сколько себя помню, каждый божий день торчу у плиты ради «нормального кофе». Тра́чу на это пол-утра, полрабочего дня, полвсего… Да уж, говорю, свари. «А бутерброды, говорит, ГОРЯЧИЕ сделать?» Ой,

говорю, давай! Прихожу, сажусь за стол, пробую кофе – несладкий. Встаю, начинаю открывать шкафы, сахарницу искать. Самообслуживание – многолетняя холостяцкая привычка. Боже мой! Как он удивился! «Ты че, говорит, дергаешься? Нервная такая. Положил я сахар, только не помешал».

Я думала, это станет последней каплей. Но капли только начинали литься на темечко.

Пошли все в город гулять, а когда вернулись, было объявлено, что «жена устала, ей надо полежать». Я только крякнула, а она легла и уснула. Он опять пошел готовить, уже и меню заранее продумал-согласовал. А приготовив, будил ее легкими щипками за попку. Я от всей души предлагаю: давайте пойду, посижу в ванной, пережду с громко включенной водой, чтоб вы на меня потом волками не смотрели. Супруги отказались в оскорбительной для меня форме: «Мы-то еще наверстаем, а вот с тобой что делать?»

Вечером он запекал грушу в карамельном соусе. С мороженым. Божественно. Ночью она отползла к нему на пол, думая, что я уже уснула. И началось! На стадии смачных чмоков я не выдержала и стала громко смеяться. Ну, это было невозможно! Утром они снова пошли к косяку в ванной. Вот ведь, думаю, какую семейную жизнь мне показали. Я к таким понятиям, как счастливая семья и хороший муж, относилась как к инопланетянам: возможно, и есть, но где именно, неизвестно.

Днем она переодевается – он ее по ноге гладит. Вечером повезли меня в баню – он сразу к мангалу, шашлык-машлык, потом к столу, овощи и сыр строгать. Так заведено. Потом за веник березовый и в парилку – жену стегать. А она, понимаешь, то скрабом намазалась, то масочку забабахала. И еще спрашивает, почему это у меня такая кутикула неухоженная?!

Я думаю – неужели правда? Неужели так бывает? Свежесть чувств, не жизнь, а именины сердца. А вдруг показуха? Вдруг все ради меня?

И добило меня, знаете что? Она мерила лифчик в примерочной. Это ж Беларусь – там они все время лифчики покупают – «Милавица» жжет. Я стояла далеко. Но так получилось, что увидела: она его позвала, он вошел, наклонился и поцеловал ее в сосок.

Вот так. Он у нее первый. И последний. И единственный. Откуда она знала, что все будет хорошо? И спокойненько дождалась. И теперь вот живет. И никаких метаний. А я, наверное, просто не умела ждать. И теперь все сама-сама-сама…

Вернулась в Москву глубоко утомленная чужим семейным счастьем.

Мне, конечно, скажут, что я завидую. А я и не отрицаю.
Завидую женщинам, у которых хорошие мужья.
И верю, что «хорошего мужа надо заслужить».
Не знаю как.

Поезд ушел

Трезвые мужчины перестали делать мне комплименты. Даже кавказцы. А раньше ведь на них можно было рассчитывать. Теперь говорят: ну, в общем, ты сама все знаешь.

Когда приезжаешь в Москву с Кавказа, первое время как-то теряешься от того, что в транспорте никто не знакомится, не подкатывает и даже не смотрит. Я порасстраивалась, потом привыкла, что весь флирт в соцсетях, а метро – только средство передвижения. И вот спустя 15 лет стали случаться странные случаи. Со мной заговаривают мужчины пьяной наружности, да так, будто мы сто лет знакомы. И это каждый раз внезапно и очень смешно. Потом.

Случай первый. Ночь-полночь, станция «Бабушкинская». Сижу на скамейке, ко мне решительно подсаживается мужик, резко снимает рюкзак со спины и раскрывает его со словами:

– Итак, что ты будешь? Водка, коньяк, виски или, особо рекомендую, – джин с тоником.

Я заглядываю – в рюкзаке стоят бутылки с этими напитками.

– Джин у меня вот тут уже разведен. Я отпил пару раз, но ты не боись, я в органах работаю, у нас с медосмотром строго. Представляешь, ехал к друзьям, а они смотались. А я ж уже настроился! А один пить не могу. Не умею.

И пока ехали, рассказал мне всю свою жизнь с элементами российского триллера, иллюстрируя фотографиями из телефона. Очень познавательно. На прощание сказал: «Так и знал, что ты все правильно поймешь. Молодец».

И я уже в таком состоянии в этой Москве, что доброе слово и кошке приятно.

Случай второй. Трясусь в вагоне, читаю и смутно понимаю, что напротив происходит какое-то движение, пасы какие-то. Ну, пару раз не отреагировала, потом подняла-таки глаза. Смотрю, мужчинка в кудрявой ушанке подает мне знаки. Улыбается и зачем-то свою замусоленную ушанку двигает по лбу. Туда – сюда. Ну, я дальше еду-читаю. Прибываем на станцию, он встает и поправляет мою шапку на мне! Сдвигает повыше.

– Сигналю, говорит, тебе сигналю. Ты – ноль внимания. Только не обижайся, но не идет тебе, когда шапка на бровях! Повыше надо носить!

Яфшоки. Аж поблагодарила. А он меня потом на эскалаторе обогнал, напугал, в лицо заглянул и смеется: ты думаешь, я дурак? А я просто выгляжу как дурак!

И вид такой хитрый, что мне показалось, он сейчас по-

французски заговорит, как в страшном сне. Хотя, видимо, это я как дурак выгляжу.

И случай третий, сегодняшний. Это вообще. Мужчина с тяжелой, сразу видно, сумкой через плечо, аж сгибается под тяжестью, пристально на меня смотрит. Ну, думаю, наглец. Хочет, чтоб я место ему уступила, что ли? Через пару остановок рядом со мной освобождается, он метнулся, уселся и говорит:

– Извини, пжалста. Ничего не подумай, но ты как с синяками под глазами борешься?

– Средств-то полно…

– Да? Но, видимо, не помогает (яфшоки-3)… А я спортсмен бывший. Видишь, шрам? Это клюшкой по переносице… Хрясь! (делает движение, будто бьет клюшкой по воротам). И с тех пор тоже – мешки под глазами.

– Может, это от пьянства?

– Ну что ты, не-е-е-е-е!

Помолчали.

– Но знаешь, что?! Ты и с синяками красивая, а я с ними становлюсь ну просто невозможен!

И он действительно был невозможен. Тут случилась станция «Таганская». Я вышла, можно даже сказать, польщенная.

Вот, значит, чем приходится довольствоваться женщине в условиях современного мегаполиса. Это всемирная тенденция или только со мной такая бодяга? И может, мне радоваться? Ведь для кого-то я умная-заумная и настолько «сама все понимаю», что со мной лучше не связываться, а алкоголикам я сразу брат родной.

Или это из-за того, что я часто езжу в метро ночью, или, как говорил Филип Марлоу, «все из-за моих беззащитных глаз».

Настоящий мужчина

Мужичок такой весь масенький, узенький, сплошной профиль и большой нос, кожа дубленая, заветренная, темная, уши торчат, тоже прожаренные до состояния корочки, куртка из жесткого кожзама, очень грязные ботинки. Везет в сложенном виде неновую детскую коляску, она перевязана старенькой веревочкой. Звонит у него телефон:

– Да, птичка, еду. Ну тяжелая, конечно… Хорошая, большая… Не заблудился. Да не беспокойся ты обо мне! Ну и что, что в первый раз? Разберусь я с твоим метро. Сейчас приеду, покушаем. Как там мой цветочек? Спит? Не спит? Укача-а-а-а-а-аем.

Резко стало неважно, что у него с ботинками и ушами.

…а значит, дай покоя [16]

Я бы хотела сидеть на веранде дачи,

не такой дачи, где грядки, компостная яма, а летом помидоры веревочками подвязаны…

А на даче с большим лесным массивом на участке.

Сидеть на удобном стуле с подлокотниками и резной спинкой,

пить чай у стола со скатертью, вышитой хризантемами,

и медленно разговаривать.

Не медленно и печально, а просто медленно.

Чтобы каждая фраза была обдуманной, интересной, что-то значила.

И так вот сидеть. Обдумывать и смотреть на морось.

А в том лесном массиве чтоб и лиственные, и хвоя, – липа, сосна, там, осина и обязательно молодой дубок.

И все это так благородно темнеет и опадает вокруг. Контрастирует между собой по тонам, но не сильно, скорее сливается.

Сидеть, смотреть, как длинные капли стекают по листьям, и как влага застыла среди иголок, как ею пропитываются стволы, слушать, как скрипит ступенька, звякает ложечка.

И чтоб прохладно, но хорошо и не зябко.

И разговаривать долго.

И даже вина не пить.

Хотя можно и выпить. Из старого бокала, потемневшего изнутри, потому что из него часто пьют красное вино и не моют его с содой, а просто споласкивают.

А потом перебраться в комнаты, а там чтоб тепло и коты.

Найти в буфете последнее пирожное на маленькой тарелочке, откусить и пойти спать наверх.

Любить в тиши.

Любить и умереть

В стране, похожей на тебя[17].

Сны об Италии

Купила джинсовую куртку на Ламбада-маркете, в магазине, который торгует неведомо как раскопанными запасами винтажа. Ну то есть куртка, например, натуральный Wrangler, но выпустили ее 20 лет назад. И 20 лет она лежала, например, в Италии. Про мою так сказали.

Мне куртка казалась совсем новой, пока я не нашла в кармане «вырезку» из газеты. Расписание футбольных матчей внутреннего чемпионата Италии. И мое воображение немедленно создало куртке дополнительную ценность, это стала куртка «с историей».

Расписание из газеты не вырезано, а вырвано наспех. Может, подумала я, кто-то сидел в этой куртке в маленьком ресторане на улице, в красивом итальянском городе, пил кофе, качался на легком стульчике, читал газету и как раз дошел до интересного места – до футбола, а его позвали. Может, мимо ехали его друзья на мотоцикле, притормозили, сняли шлемы и стали махать ему руками. И он вырвал из газеты отчет о матчах, засунул в карман и побежал к ним. И потерял эту куртку в тот же вечер.

Потом я вспоминаю, что куртка-то женская, застежка на нашу сторону. И тогда все меняется. Тогда, наверное, это девушка сидела со своим парнем, и они пили вино и болтали, и небо было розовое с золотым, незадолго до заката. И рядом росли кипарисы и вокруг было шумно. И по мощеной мостовой приехали те же ребята на мотоцикле и стали их звать. И парень вырвал клочок из газеты и попросил ее спрятать в карман. Потому что сам был в легкой рубашке.

И все это 20 лет назад, в Италии.

Я, наверное, смотрю слишком много детективов. И меня почти никогда не интересует, кто убийца. Я смотрю за тем, как разворачиваются подробности жизни трупа и всех, кто причастен к его жизни, и как все оказываются понемножку виноваты. И в первой серии ты видишь просто труп на полу, а к концу фильма знаешь все о человеке. И раскручиваться история начинает от очень мелких деталей, от почти неуловимых подробностей. И чем тоньше, чем ярче автор строит портрет жертвы в обратной хронологии, тем лучше детектив.

Что из наших вещей, наших привычек говорит о нас лучше всего? И что можно было бы сказать обо мне, если бы мою внезапную смерть пришлось расследовать? Я иногда об этом думаю, потому что и правда смотрю слишком много детективов. Так вот, от меня осталась бы куча листов формата А4,

исписанных от руки карандашом, и две стопки блокнотов с задумками, большую часть которых не удалось выродить. И много цветных деревянных карандашей, которыми я почти никогда не рисую, но мне приятно, что они стоят на столе в стакане. А все остальное, что осталось бы от меня материального, – оно ничего бы обо мне не сказало. Или сказало бы неправильно. Поэтому я бы хотела, чтобы мою историю в обратной хронологии выстраивали от ненаписанных текстов и цветных карандашей, которыми у меня нет время рисовать.

Надо оставить инструкцию в кармане моей джинсовой куртки Wrangler. Вдруг через 20 лет кто-нибудь найдет, прочтет и придумает меня заново.

Я теперь очень люблю свою куртку. И мне плевать, что все на самом деле было не так. И не было 20 лет назад того вечера перед закатом, и ребят на мотоцикле не было. Ну не было… Значит, придумаю что-нибудь еще.

Раз не успеваю дописывать тексты, надо хотя бы допридумать мир вокруг себя. И зажить в нем.

Всегда море

Сосна перед окном
выглядит так,
словно хорошо пахнет,
но пахнуть отказывается,
обманывает шишками
и смолой в дупле.
Во двор
иногда залетают чайки,
но не кричат
ни тревожно,
ни радостно —
вообще никак, —
молчат.
Море честно шумит,
но отдает бензином.
Все это
заставляет задуматься —
да жива ли я?
Но я жива.
И иду по своим следам,
оставленным вчера.
Больше пляж
тут никому не нужен.
Водитель директора
санатория
поправляет кепку
и смотрит в прибой
заинтересованно.
Так, словно ждет
золотую рыбку.
чего еще можно ждать
от моря? —
как бы спрашивает он.
И глядя,
как я подбираю ракушки,
сцепившиеся носами,
еле сдерживается,
чтоб не покрутить
пальцем у виска.
Я пожимаю плечами.
И отпускаю

случившееся вчера
подальше,
и смотрю на все
из-за моря,
против солнца,
приставив руку ко лбу
и щурясь,

Любуясь,
стоя по щиколотку в песке,
и уже не боясь
ничего испортить.

КОГДА ВЫ ДАРИТЕ КНИГУ, ВЫ ДАРИТЕ ЦЕЛЫЙ МИР

ХОТИТЕ ЗНАТЬ БОЛЬШЕ?

Заходите на сайт:
https://eksmo.ru/b2b/

Звоните по телефону:
+7 495 411-68-59, доб. 2261

ВАШ ЛОГОТИП НА ОБЛОЖКЕ
ЛОГО
ВАША КНИГА
ПРИВЕТСТВЕННЫЙ ТЕКСТ, КОТОРЫЙ ВЫ МОЖЕТЕ РАСПОЛОЖИТЬ НА ОБЛОЖКЕ И РАССКАЗАТЬ КЛИЕНТАМ О ВАШЕЙ КОМПАНИИ
ВАШ ЛОГОТИП НА КОРЕШКЕ
ОБРАЩЕНИЕ К КЛИЕНТАМ НА ОБЛОЖКЕ

notes

Примечания

1

Цветаева М. Малое собрание сочинений М., 2011

2

Бродский И. Новые стансы к Августе: Стихотворения. М., 2011

3

Кукла Саша Мисанова. Будет весна, 2014

Вайль П., Генис П. Русская кухня в изгнании. М., 2007

5

Шпаликов Г. Я шагаю по Москве. Стихи, Проза, Драматургия. Дневники. Письма. М., 2017

6

Эмма Мошковская. Счастливый остров. М., 2003

Аспазия. Крылья будней. Перевод О. Петерсон. Юрмала, 2016

8

Шекспир У. Гамлет, принц датский. Перевод М. Лозинского. М., 2000

Пастернак Б. Стихотворения и поэмы. М., 1988

Бродский И. Стихотворения и поэмы. СПб., 2017

Полозкова В. Непоэмание. М., 2018

12

Земфира. Слова из песни «Прости меня моя любовь»

13

Блок А. Избранное. М., 2012

Плещеев А. Стихотворения. М., 1975

Тарковский А. Собрание сочинений. М., 1993

16

Гребнев Н. Слова из песни «Женщина, которая поет»

17

Грин Г. Тихий американец. Перевод Е. Голышевой, Б. Изакова. Спб., 2012